

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Я З Ы К О З Н А Н И Я

В О П Р О С Ы
Я З Ы К О З Н А Н И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

6

Н О Я Б Р Ъ — Д Е К А Б Р Ъ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
М О С К В А — 1 9 6 7

СОДЕРЖАНИЕ

М. Докулл (Прага). К вопросу о морфологической категории	3
<i>ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ</i>	
В. А. Москович (Москва). Глубина и длина слов в естественных языках	17
А. М. Щербак (Ленинград). О происхождении первичных долгих гласных в тюркских языках	34
П. Рамат (Кальяри, Италия). Мысли о североморгерманской проблеме . . .	48
<i>МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ</i>	
Е. Куриллович (Краков). К вопросу о восточнобалтийских дифтонгах <i>ai, ei</i>	57
Б. А. Успенский (Москва). Одна архаическая система церковнославянского произношения (литургическое произношение старообрядцев-беспоповцев)	62
А. Зайончковский (Варшава). К изучению средневековых памятников тюркской письменности (XI—XVI вв.)	80
Г. А. Золотова (Москва). О структуре простого предложения в русском языке	90
В. А. Никонов (Москва). Личные имена в современной России	102
<i>ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ</i>	
Ю. И. Левин (Москва). О количественных характеристиках распределения символов в тексте	112
<i>КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ</i>	
ОБЗОРЫ	
Е. М. Верещагин (Москва). Психолингвистическая проблематика теории языковых контактов	122
Рецензии	
Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф (Москва). «Actes du X Congrès international de linguistique et philologie romanes». I—III	134
О. С. Ахманова (Москва). <i>W. Labov. The social stratification of English in New York City</i>	140
Ю. Г. Овсяенко (Москва). <i>N. P. Vakar. A word count of spoken Russian</i>	142
<i>НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ</i>	
Хроникальные заметки	144
Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию	156
Указатель статей, опубликованных в журнале «Вопросы языкознания» в 1967 г. (№ 1—6).	157

М. ДОКУЛИЛ

К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

1. Вопрос о грамматических категориях (далее ГК), о их сущности и определении является одним из важнейших для грамматического анализа и описания. Несмотря на наличие обширной и трудно обозримой литературы по этой проблематике, вокруг понятия ГК все еще остается много неясного; до сих пор нет единства даже в том, что составляет само существо этого понятия¹. Это в известной мере обусловлено, несомненно, тем фактом, что не только инвентарь, но и характер ГК меняется в зависимости от языкового типа², и даже в рамках одного и того же языкового типа понятие ГК не является идентичным. При изучении грамматического строя настолько генетически и типологически близких языков, как славянские, не удалось прийти к очевидному сближению позиций и взглядов, хотя именно в славянском языкознании в последние десятилетия — и в этом прежде всего заслуга советских исследователей — было уделено большое внимание выяснению общей проблематики ГК и сделано немало ценных, метких и тонких наблюдений³. Здесь будет сделана попытка охарактеризовать в основных чертах данную проблематику и наметить определенную возможность ее решения, иллюстрируемую конкретным анализом морфологии чешского глагола.

1.1. Прежде всего необходимо хотя бы кратко остановиться на применении термина «категория» в науке о языке. В обычном употреблении, наследующем употребление в классической формальной логике, им обозначается или (реже) «классификационная точка зрения» (обычно «критерий»), или (чаще) «большая группа или класс однородных явлений,

¹ Ср.: О. С. Ахманова, Фонология, морфология, морфология, М., 1966, стр. 84 и сл.

² См. об этом: Н. Н. Коротков, В. З. Панфилов, О типологии грамматических категорий, ВЯ, 1965, 1; см. также: сб. «Zeichen und System der Sprache», III, Berlin, 1966.

³ См., например: Б. Н. Головин, К вопросу о сущности грамматической категории (На материале русского языка), ВЯ, 1955, 1; Н. С. Поспелов, Соотношение между грамматическими категориями и частями речи, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955; его же, Соотношение между грамматическими категориями и частями речи в современном русском языке, ВЯ, 1953, 6; А. И. Моисеев, О грамматической категории, «Вестник ЛГУ». Серия истории, языка и литературы, 1956, 2, 1; А. И. Смирницкий, Аналитические формы, ВЯ, 1956, 2; его же, Морфология английского языка, М., 1959, стр. 8—10; его же, Синтаксис английского языка, М., 1957, стр. 28—33; Д. А. Штелинг, О неоднородности грамматических категорий, ВЯ, 1959, 1; А. В. Исаченко, О грамматическом значении, ВЯ, 1961, 1; Н. K ř í ž k o v á, Pojetí neutralizace v morfologii, SaS, 1, 1965; его же, Первичные и вторичные функции и так называемая транспозиция форм, «Travaux linguistiques de Prague», 2, 1966; Л. С. Бархударов, К вопросу о бинарности оппозиций и симметрии грамматических систем, ВЯ, 1966, 4; «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка», М., 1966, стр. 121—127, где указана и другая литература. Обзор некоторых существующих концепций ГК см. в кн.: «Современный русский язык. Морфология», М., 1952, стр. 27 и сл.; О. С. Ахманова, указ. соч., стр. 84 и сл.

объединенных на основе общего признака»⁴. Марксистская философия считает категории отражением общих и существенных сторон действительности и их взаимосвязей. Во всякой научной дисциплине категории представляют собой наиболее общие понятия, которые, однако, как правило, понимаются не абсолютно, а система категорий не является конечной или замкнутой. В связи с этим приходится возразить О. С. Ахмановой, которая одно из главных препятствий на пути выяснения понятия ГК видит в неразличении таких понятий, как «единица», «класс» и «категория»⁵. Эти термины являются относительными и не исключают друг друга; все зависит от угла зрения, под которым рассматривается данное явление: в зависимости от этого его можно считать единицей, классом или категорией. Излишние ограничения в употреблении термина «категория» в языковедении повели бы к борьбе с такими обычными теперь выражениями, как категория настоящего времени, категория кондиционала настоящего времени, категория инфинитива, категория слова, категория субстантива, категория подлежащего, категория придаточных предложений и т. п., которая была бы напрасной и заранее обреченной на неудачу⁶. Для таких ограничений нет и достаточно веских теоретических оснований.

1.2. Различия во взглядах, существующие в понимании термина ГК, касаются по меньшей мере четырех его сторон:

1. Следует ли признавать в качестве ГК только а) общие свойства, дифференциальные признаки (измерения, параметры) языковых классов, или также б) сами языковые классы и даже и языковые единицы.

2. Следует ли понимать ГК а) в абсолютном смысле, только как самое общее понятие *sui generis*, как *genus summius*, или б) относительно, т. е. допустимая разные степени обобщения ГК и считающаяся с иерархией категорий более общих и менее общих.

3. Относится ли понятие ГК а) только к плану грамматического значения, или б) только к плану грамматической формы, или, наконец, в) к обоим планам одновременно (при этом возникает вопрос, какой из этих планов является основным).

4. Правомерно ли понятие ГК а) для обоих основных планов грамматического строя языка, морфологического и синтаксического, или б) только для одного из них и какого именно.

1.3.1. Что касается первого различия, то термин ГК наиболее широко употребляется при обозначении отдельных дистриктивных признаков, параметров грамматических единиц уже потому, что для них не имеется никакого специального обозначения. Термин «грамматическое значение» не раскрывает существа того, что обычно называется ГК (например, ГК числа, ГК рода и т. п.), он отражает лишь одну из двух сторон этого понятия, которая даже не обязательно доминирует (например, в ГК рода ее роль весьма заметно отступает на второй план). В соответствии с обычным употреблением термин ГК относится прежде всего к указанным измерениям — параметрам грамматических классов, например, частей речи (ср. ГК времени, наклонения, лица, рода у глаголов). Это ГК в собственном, более узком смысле слова. Тем не менее не следует отказываться и от использования этого термина для обозначения таких единиц, как, например, слово (в грамматическом аспекте) и его классы, каковыми являются, например, части речи: им нельзя отказать ни в категориальном характере, ни в грамматичности.

⁴ См.: «Slovník spisovného jazyka českého», I, Praha, 1960, стр. 852—853.

⁵ О. С. А х м а н о в а, указ. соч., стр. 87 и сл.

⁶ Об этом красноречиво свидетельствует богатый и разнообразный иллюстративный материал к статье «Категория» в «Словаре лингвистических терминов» О. С. А х м а н о в о й (М., 1966), отражающем современный узуз советских лингвистов.

1.3.2. In stricto sensu термин ГК должен относиться лишь к самым общим понятиям данной научной области, в нашем случае грамматики, которые образуют вершины классификационных систем и поэтому не могут быть определены *per genus proximum* (поскольку они представляют собой *genus summum*), например, к понятиям времени, наклонения и рода глаголов или же к понятию слова как наивысшей грамматической (морфологической) единицы. Однако не следует полностью отказываться и от неабсолютного употребления этого термина (опирающегося на относительность соответствующего понятия в формальной логике), с которым мы встречаемся в таких выражениях, как ГК множественного числа, ГК мужского рода, ГК настоящего времени, ГК сослагательного наклонения (кондиционала) и т. п. или же ГК имени существительного (субстантива), ГК спрягаемого глагола (*verbum finitum*) и т. п. (независимо от того, проявляется ли такая «субкатегория» в противопоставлении форм или же только в единственной форме). Точно так же нельзя, по нашему мнению, в принципе отвергать применимость термина ГК для обозначения, например, класса имен существительных мужского рода или для в меньшей степени обобщенного класса мужских одушевленных имен существительных.

1.3.3. Принимаемая во внимание то, что единицы и классы грамматической структуры языка характеризуются, в отличие от единиц фонологической системы, диалектическим единством формы и значения, предлагается толковать понятие ГК как своего рода знак (соединение означающего и означаемого), относящийся одновременно к плану содержания и к плану выражения. Подобное билатеральное понимание более адекватно фактам языка, чем понимание унилатеральное, отрывающее значение от формы. Неприемлемым представляется такое понимание, при котором ГК усматривается только в плане грамматического значения или, наоборот, только в плане грамматической формы⁷. Чаще ГК определяется хотя и с точки зрения одного плана, но все же с учетом второго плана. Особенно часто ГК определяется с точки зрения значения с учетом формального выражения этого значения⁸. Как своего рода значение ГК определяется и в западной лингвистике, например, в работах Блумфилда и его школы⁹.

Подобное понимание ГК также не представляется вполне удовлетворительным. Отождествление ГК с общими грамматическими значениями ведет к различным затруднениям и противоречиям. Дело в том, что само понятие «грамматическое значение» является неясным, если оно не опирается на грамматическую форму, т. е. не определяется как составная часть ГК. Такое определение в сущности не отличается от простого определения ГК как своего рода значения, так как значение всегда связано с какой-либо языковой формой и, таким образом, является вторичным по отношению к форме¹⁰. В большинстве случаев, однако, под соответствующими определениями скрывается по своей сути билатеральное понимание, что легко усматривается и в тех работах, в которых понятие ГК

⁷ Такое одностороннее понимание встречается, например, у некоторых учеников Фортунатова; см. об этом: «Современный русский язык. Морфология», стр. 29.

⁸ См.: Н. С. Поспелов, указ. соч., стр. 74; «Современный русский язык. Морфология», стр. 28; «Morfológia slovenského jazyka», Bratislava, 1966, стр. 32 и сл.; И. Г. Голанов, Морфология современного русского языка, 2-е изд., М., 1965, стр. 5; «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка», М., 1966, стр. 121. Ср. также: С. В. Кротевич, Н. С. Родзевич, Словник лінгвістичних термінів, Київ, 1957, стр. 40.

⁹ L. Bloomfield, A set of postulates for the science of language, сб. «Readings in linguistics», Washington, 1957, стр. 28—29 и др.; E. A. Nida, The identification of morphemes, там же.

¹⁰ Ср.: М. Докулil, Fr. Daneš, K tzv. významové a mluvnické stavbě věty, сб. «O vědeckém poznání soudobých jazyků», Praha, 1958, особенно стр. 232 и сл.

трактуются как определенное общее или же наиболее общее грамматическое значение; в них обычно говорится, например, об общем значении данной ГК¹¹ (т. е. о семантическом элементе, стороне знака). Такое понимание отчетливо проявляется там, где у «грамматических значений» различаются план содержания и план выражения, «которые находятся в сложных взаимоотношениях и далеко не всегда совпадают друг с другом»¹².

Мы считаем необходимым определить понятие ГК *verbis expressis* билатерально, на уровне грамматического знака, как единство обобщенного категориального (грамматического) значения и соответствующей грамматической формы (т. е. грамматических средств его выражения). Подобного понимания, намеченного уже О. Есперсеном¹³, придерживался Б. Гавранек и другие представители пражской школы — Б. Трика, К. Горалек и Фр. Копечный¹⁴, в советском языкознании В. В. Виноградов, А. А. Реформатский¹⁵ и др., хотя и без отчетливой формулировки, а также А. В. Исаченко, который подчеркивал принцип единства формы и содержания при определении ГК¹⁶, и Б. Н. Головин¹⁷.

Характерно, что понятие ГК — как заметила М. М. Гухман — не постулируется именно в тех лингвистических направлениях, которые не признают билатеральность грамматического уровня языка: в односторонне формалистически ориентированном американском дескриптивизме и в односторонне ориентированной на план содержания «*inhaltbezogene Grammatik*»¹⁸.

1.3.4. Наконец, если в соответствии с традицией понимать грамматику как раздел языкознания, занимающийся изучением форм словоизменения, формул словосочетания и типов предложений в отвлечении от их конкретного вещественного значения и, следовательно, охватывающий наряду с морфологией в узком смысле слова также и синтаксис, то было бы неправомерно не относить понятие ГК и к области грамматической морфологии, и к области синтаксиса, хотя в сфере собственно синтаксического исследования нет столь настоятельной необходимости в его применении. Понятие ГК возникло внутри грамматической науки о слове, объединяя области морфологии и синтаксиса; все же многие исследователи используют его только в морфологии (понимаемой формально-семантически) и, таким образом, отождествляют его с понятием морфологической ГК¹⁹.

2. Из приведенного определения ГК следует предлагаемое ниже понимание его конститuentов — грамматического значения и грамматической формы.

2.1. Грамматическое значение (далее ГЗ) — это высоко обобщенное, категориальное значение, которое выражается обязательно (хотя и не

¹¹ «Основы построения...», стр. 121.

¹² Е. И. Шендельс, О грамматических значениях в плане содержания, сб. «Принципы научного анализа языка», М., 1959, стр. 45.

¹³ О. Jespersen, *The philosophy of grammar*, London, [1925], стр. 50 и сл.

¹⁴ См., например: В. Наврѓанек, *Genera verbi v slovanských jazycích*, I, Praha, 1928, стр. 6, 14 и др.; В. Трика, *Morfologické protiklady*, сб. «O vědeckém poznání soudobých jazyků»; К. Ногалек, указ. сб., стр. 42; Фр. Корецпý, *Základu české skladby*, vyd. 2, Praha, 1962, стр. 8—12.

¹⁵ В. В. Виноградов, *Русский язык*, М.—Л., 1947; А. А. Реформатский, *Введение в языкознание*, М., 1955, стр. 245.

¹⁶ А. В. Исаченко, *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*. Морфология, 1, 2-е изд., Братислава, 1965, стр. 25—27; е го же, *Die russische Sprache der Gegenwart*, Halle (Saale), 1962, стр. 20.

¹⁷ Б. Н. Головин, *Заметки о грамматическом значении*, ВЯ, 1962, 2, стр. 32.

¹⁸ М. М. Guchman, *Grammatische Kategorien und typologische Forschungen*, сб. «*Zeichen und System der Sprache*», III, стр. 266 и сл.

¹⁹ См., например: Фр. Корецпý, указ. соч., стр. 8.

исключительно) формальными грамматическими средствами данного языка, образующими в своей совокупности грамматическую форму соответствующей ГК. Грамматическая форма (ГФ) — это совокупность формальных средств, обязательно и стабильно выражающих ГЗ данной ГК.

2.2.1. Как понятие ГЗ, так и понятие ГФ являются абстракциями от реально существующего понятия ГК²⁰.

2.2.2. Атрибут грамматичности опирается и на область значения, и на область формы; в области формы его наличие или отсутствие определяется наличием или отсутствием ГК.

а) ГЗ в противоположность значению лексическому и словообразовательному может быть отмечено определенными заданными конститутивными чертами. В отличие от индивидуального лексического значения и от группового или типового словообразовательного значения ГЗ принадлежит целому классу слов и словосочетаний. Это значит, что между отдельными видами значений можно установить различия по степени и качеству абстракции — лексические значения обобщают отдельные употребления слова или же свойства ряда слов, словообразовательные значения в свою очередь обобщают семантические структуры слов, в то время как ГЗ не обобщают и не содержат в себе значений низших ступеней (рядов), они лишь строятся на них, формализуют их аспекты²¹. Лексические значения — это не только индивидуальные значения, поскольку между группой и классом слов различие лишь количественное; с другой стороны, общие семантические черты, свойственные классу слов, не являются *ipso facto* грамматическими (например, количественное значение числительных, значение исчисляемости имен существительных, общее значение класса абстрактных имен существительных), существуют и неграмматические категориальные значения. В свою очередь грамматические значения не обязательно характеризуют класс как целое (например, значение залогов присуще не всем глаголам, а лишь тем, которые могут иметь при себе дополнение). Только принимая во внимание различие в способе формального выражения, т. е. грамматическую форму и ее место в системе остальных грамматических форм данной категории, возможно провести строгое разграничение между отдельными разновидностями значений, например, между грамматическим (морфологическим) значением множественного числа (чеш. *kameny*), значением групповым, словообразовательным (чеш. *kamení*) и значением только лексическим (*les*), или же между грамматическим значением глагольного имени существительного в чеш. *zpívání* и казалось бы эквивалентным лексическим значением в соответствующем русск. *пение* и синонимичном чеш. *zpěv*.

б) Формальным средством выражения лексического значения является звуковая форма данного слова, прежде всего фонетическая форма его основы (независимо от его морфемной структуры), главным формальным средством выражения словообразовательного значения является основообразующий аффикс, вычленяемый на базе соотношения основ производного слова и слова производящего, главным средством выражения грамматического морфологического значения является флексия или же формообразующие суффиксы (это собственно морфологическая «техника»); однако это лишь самые общие характеристики. Так, например, у изменяемых слов лексическое значение выражено не только фонетической формой основы, но и грамматической характеристикой слова, его парадигмой. Словообразовательное значение также может быть выражено отношением

²⁰ Ср.: В. А. Звегинцев, Очерки по общему языкознанию, М., 1962, стр. 365.

²¹ Ср.: I. P o l d a u f, Podíl mluvnické a nauky o slovníku na problematice slovesného vidu, сб. «Studie a práce lingvistické», I, Praha, 1954, стр. 202.

грамматической характеристики производного слова к грамматической характеристике слова производящего. Грамматическая флексия не всегда ясно отличается от словообразовательного суффикса, если не учитывать ее отношение к остальным грамматическим формам того же слова или же к омофоническим грамматическим формам слов того же класса (той же части речи).

в) Таким образом, различительные черты значения и формы ГК взаимно дополняются, подкрепляются или же корректируются, так что характер одной составной части складывается из констативных черт ее самой и констативных черт той составной части, с которой она образует в рамках ГК диалектическое единство. Итак, ГЗ и ГФ определяются только на основе их диалектического объединения в ГК.

г) Что касается того, какая из этих двух частей ГК является доминирующей, то ответ следует из общего отношения формы и значения в языке. Определенное содержание осознается через призму языковой формы; из этого вытекает вторичность значения по отношению к форме. Значение в свою очередь тяготеет к отрыву от первичной формы, к относительной автономии и может образовать себе новую форму²².

2.3. Таким образом, в союзе ГФ и ГЗ генетически первичной является форма; это побуждало некоторых исследователей видеть в ГФ существо ГК. Форма может быть доминирующей и с точки зрения чисто синхронных отношений (например, в ГК именного рода у субстантивов; прежде всего на формальные различия опирается разграничение ГК морфологических и синтаксических), однако, как правило, синхронно в союзе ГЗ и ГФ доминирует значение. Поэтому большинство ГК, особенно отсутствующие морфологические ГК, обычно также характеризуются общим или главным значением данной ГК²³. В целом обе составные части ГК, ГЗ и ГФ находятся в отношении взаимного влияния, причем стимул к изменению может исходить от той или иной составной части.

2.4. ГК отсутствует там, где формальные различия не связаны с какой-либо функцией (например, различия между склонениями твердой и мягкой разновидности имен существительных и прилагательных, различия между глагольными классами в чешском языке и других славянских языках, различия между сильными и слабыми глаголами в германских языках), хотя подобные классы имеют категориальный характер и, следовательно, могли бы определяться как категории чисто формальные. Точно так же мы не усматриваем ГК там, где хотя и имеются известные обобщенные значения, однако отсутствует какое-либо регулярное и системное (общее) средство выражения (грамматическое выражение) (подобными «лексическими абстракциями», которые «не имеют формального выражения, обычного в данной области», являются, например, линейность глагольного действия, исчисляемость имен существительных в чешском языке²⁴).

2.5. Из изложенного определения ГК вытекает ее отличие от категории лексической, когда обобщенное, но неформализованное значение — неза-

²² Ср.: M. Dokulil, F. Daneš, указ. соч., стр. 232 и сл.

²³ Языковое значение в таком понимании не тождественно содержанию (относящемуся к области сознания, т. е. к области внеязыковой). Отношение формы и значения нельзя отождествлять с отношением языковой формы и внеязыкового содержания.

²⁴ Фр. Копечный (указ. соч., стр. 11 и сл.) считает такие категории лишь понятийными, потому что у них отсутствует языковое категориальное выражение; полагаем все же, что поскольку в языке подобное общее, категориальное значение связано с какими-то выразительными средствами, в данном случае с рядом слов, постольку возможно говорить о языковой категории, точнее — лексико-семантической (в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой семантико-лексическая категория понимается, однако, как совокупность семантических признаков ряда слов, но не сам ряд слов, с объединенных этими семантическими признаками).

зависимо от низкого или высокого уровня абстракции — базируется лишь на лексико-семантических признаках ряда слов (например, ряда слов, объединенных общим лексико-семантическим признаком орудия²⁵), и от категории словообразовательной, у которой определенные обобщенные семантические структуры выражаются средствами морфологическими, прежде всего словообразовательными аффиксами (например, ряд слов с семантической структурой «средство для определенной деятельности», характеризующих специфическими суффиксальными формантами средства деятельности), а также от смешанных лексико-словообразовательных категорий, включающих в себя ряды слов, в которых категориальный семантический признак хотя и основывается на словообразовательной форме слов, но охватывает и слова без соответствующей словообразовательной структуры (например, названия средств, названия собирательные и т. п.), и лексикально-грамматических, у которых одно и то же категориальное значение выражается как лексическими, так и грамматическими средствами (например, категория одушевленности в чешском языке у имен существительных мужского рода выражается грамматически, а у имен существительных двух других родов только лексически, категория модальности выражается грамматическими средствами — как морфологическими, так и синтаксическими, — а также лексическими и т. п.). Точно так же необходимо отличать ГК от чисто смысловых категорий, абстрагирующих смысловый элемент лексических, словообразовательных, грамматических или смешанных категорий данного языка, и, следовательно, имеющих обобщенное значение этих категорий. Тем более, конечно, необходимо строго отличать ГК от категорий понятийных, которые — как показывает уже само название — являются внеязыковым обобщенным содержанием сознания и которые с точки зрения методологии анализа определенного языка представляют собой априорные (хотя и полученные на эмпирической основе при изучении других языков) содержательные категории, выражение которых мы ищем в исследуемом языке.

3. Разумеется, понятие ГК, рассматриваемое и толкуемое столь широко, в силу своей общности объединяет явления достаточно различные. Поэтому одной из первейших задач изучения ГК является их типологическое описание как внутри данного языка или группы языков (инвентарь ГК и классификация), так и в более широком плане.

3.1. ГК могут быть разного вида и разных степеней. Прежде всего необходимо различать ГК в зависимости от того, соотносятся ли они с грамматическими единицами (каковыми являются морфема, слово, словосочетание, предложение и др.) и их классами (корень, суффикс, флексия, формы как целое и т. п., имена существительные, прилагательные, глаголы и т. д., предложение, сложное предложение и т. д.) — их можно было бы назвать ГК в широком смысле — или же с определенным общим признаком подобных единиц или их классов, имеющим в языке свое выражение. Это — ГК в собственном смысле слова²⁶.

3.2. Другим критерием, дифференцирующим ГК, является языковой уровень ГК. Так, необходимо различать ГК морфологические и ГК синтаксические. ГК морфологическими (далее МК) являются ГК, которые выражаются средствами морфологического характера. Среди них следует

²⁵ Ср. M. D o k u l i l, *Teorie odvozování slov* (Tvoření slov v češtině I), Praha, 1962, особенно стр. 17 и 181; а также: M. D o k u l i l, J. K u c h a ř, *Vztah jazyka a myšlení ve struktuře pojmenování*, сб. «Problémy marxistické jazykovědy», Praha, 1962, где словообразовательные категории рассматриваются в рамках более общих ономастических категорий.

²⁶ Ср. статью о грамматической категории в «Словаре лингвистических терминов» С. С. Ахмановой.

различать МК в узком смысле слова, т. е. МК форм слова (МК низшего ряда) и МК слова и частей речи (МК высшего ряда)²⁷. К ГК синтаксическим (далее СК) относятся прежде всего СК членов предложения и других позиций слова, далее СК синтаксических конструкций (например, различение предложений по модальности сообщения, по отношению к агенсу, по составу и т. п.)²⁸.

3.3. Следующим критерием классификации ГК является степень их обобщенности, т. е. их место в иерархически организованной системе ГК. С этим критерием тесно связан критерий характера ГК по способу ее проявления в данной грамматической системе. Здесь четко выделяются ГК, которые проявляются в противопоставлении двух или большего числа подчиненных категорий, и ГК, которые таким способом не проявляются. Специфический характер имеют наиболее общие ГК, которые образуют высший ярус системы ГК. Так, в рамках системы МК чешского языка последовательный иерархический ряд составляют: МК слова²⁹, МК части речи, МК глагола, МК глагольного наклонения, МК сослагательного наклонения (кондиционала), МК кондиционала прошедшего времени (ирреальная форма).

3.4. Не столь однозначным классификационным критерием является характер значения ГК. Имеются ГЗ разного порядка. Одни из них основываются на явлениях, процессах и отношениях внеязыковой действительности и их отражении в сознании; другие — не только на объективной внеязыковой действительности, но и на отношении говорящего к этой действительности³⁰; наконец, третий вид грамматических значений не связан ни с категориями внешнего мира, ни с категориями сознания, мышления и заключается в чисто языковых отношениях одной языковой единицы (или класса) к другой; это реляционные внутриязыковые значения³¹. Эти виды значений представляют собой три существенных момента, которые в разных пропорциях присутствуют в каждом отдельном грамматическом значении. В зависимости от того, какой из названных моментов грамматического значения является преобладающим, различаются три разные типа ГК: ГК объективные, которые выражают в обобщенной и абстрагированной форме отражающиеся в нашем сознании явления объективной действительности (например, МК числа у имен существительных, СК обстоятельства), ГК объективно-субъективные, выражающие отношение субъекта к явлениям объективной действительности (например, МК лица, наклонения и времени глагола, СК предложения по признаку отношения говорящего) и ГК чисто реляционные, выражающие отношения между единицами и классами самого языка (например, МК числа, рода и падежа имен существительных³²). Таким образом, подавляю-

²⁷ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка..., стр. 32—42.

²⁸ Ср.: Б. Н. Головин, указ. соч., стр. 62; е го же, Введение в языкознание, М., 1966, стр. 149 и сл.

²⁹ Конечно, слово одновременно является и единицей лексической системы, точно так же и части речи являются лексикально-грамматическими классами. Однако здесь мы рассматриваем эти сущности исключительно с точки зрения их роли в грамматической системе.

³⁰ Данное различие было указано еще А. М. Пешковским, ему принадлежат названия обоих этих видов грамматических значений. См.: А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 108. Ср. также: А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, М.—Л., 1941, стр. 40 и сл.

³¹ Е. И. Шендельс, О грамматических значениях в плане содержания, сб. «Принципы научного анализа», М., 1959, стр. 45 и сл. Термин «реляционная категория» принадлежит Сепиру.

³² Ср.: В. Г. Адмони, Введение в синтаксис современного немецкого языка, М., 1955, стр. 11 и сл.; е го же, Строй современного немецкого языка, М.—Л., 1966, стр. 10—13.

щее большинство ГК в той или иной форме (но всегда структурно) отражает факты внеязыковой действительности. Рассмотренные типы ГК базируются не на противопоставлении «или — или», а на противопоставлении «больше — меньше» — по доминирующему признаку³³.

4. Таким образом, мы рассматриваем морфологическую категорию как один из двух видов категории грамматической (отсюда наше отрицательное отношение к отождествлению терминов «грамматическая категория» и «морфологическая категория»). Как и ГК в целом, МК определяется единством значения и формы. Мы вправе говорить о МК только в том случае, когда обобщенное и формализованное значение группы слов выражается в форме слова тем или иным морфологическим средством³⁴. МК — это реально существующее в языке единство морфологической формы и «морфологического» значения³⁵.

4.1. Морфологическая форма (далее МФ) существует там, где категориальное грамматическое значение выражается разными «формами слова», причем неважно, одной ли такой формой, противопоставлением двух форм или же многочленной системой форм (в двух последних случаях отдельные формы имеют свои значения, с которыми образуются особые МК). МФ может быть реализована соединением лексической (формообразующей) основы (состоящей из корня и факультативных словообразовательных или модификационных аффиксов) и формообразующего форманта (включающего по крайней мере один формообразующий суффикс или окончание) — это основная (синтетическая) МФ; МФ может быть реализована также соединением подобной формы со служебным словом или служебными словами, точнее с формой синтетической или аналитической — это несобственно МФ (аналитическая форма)³⁶.

4.2. Непосредственно можно установить лишь синтетическую (или в той или иной мере синтезированную) МФ, в то время как аналитическая МФ может быть идентифицирована лишь косвенным путем, посредством аналогии — на основе того, что она в строе языка выполняет ту же функцию или те же функции, что и морфологическая форма в узком смысле слова. Поскольку по своему внешнему облику аналитическая форма в принципе остается синтаксической конструкцией (обнаруживая большую или меньшую степень морфологизации) и только по своей функции подключается к собственно морфологическим формам, мы предпочитаем говорить о форме морфологизованной.

5. В рамках одной или нескольких частей речи МК образуют иерархически организованные группировки. Каждая МК так или иначе включена в систему МК высшего ранга; с другой стороны она является представителем определенной системы подчиненных МК. Поэтому каждая МК определяется как своим местом среди остальных соотносительных категорий внутри МК высшего ранга (в системе МК одного и того же ряда), так и своей внутренней структурой, своими членами и их системными взаимоотношениями³⁷ (специфическое положение занимают наиболее

³³ Ср.: A. Juillard, *Structural relations*, 's-Gravenhage, 1961, стр. 38.

³⁴ Ср.: А. В. Исаченко, *Грамматический строй русского языка...*, стр. 40.

³⁵ Конечно, необходимо считаться с возможностью нулевой формы, т. е. выражения значения при отсутствии специального средства лишь путем противопоставления положительно характеризованному элементу того же ряда.

³⁶ Ср.: А. И. Смирницкий, *Аналитические формы*; В. М. Жирмунский и др., *Об аналитических конструкциях*, сб. «Аналитические конструкции в языках различных типов», М.—Л., 1965.

³⁷ Ср.: «Итак, каждая грамматическая категория может пониматься как известный комплекс членов (структура), связанных определенными отношениями (система)» (Б. Н. Голвин, *Заметки о грамматическом значении*, стр. 33).

общие МК — МК слова и отдельные, обособленные МК, далее структурно не членимые).

5.1. Эти группировки бывают двухстепенные и многостепенные: в зависимости от того, какое место занимают в них отдельные МК, в рамках наиболее общей МК слова различаются МК высшего ряда — части речи и МК низшего ряда или МК в собственном смысле слова — остальные, проявляющиеся в рамках одной или нескольких частей речи; среди них далее различаются МК общие, например глагольное наклонение и время, и частные, например императив, кондиционал; некоторые частные категории подразделяются далее на категории более низкой степени³⁸: самый низший ярус МК образуют те, которые дальше уже не члениятся — это обособленные МК³⁹ (например кондиционал прошедшего времени в чешском языке).

5.2. Характерной чертой МК является не только их переходное положение между категориями лексическими и синтаксическими, но и двойная мотивированность (как МК высшего ряда, так и МК низшего ряда мотивированы и лексически, и синтаксически⁴⁰).

МК низшего ряда, кроме этого, характеризуется своей двойной функциональной зависимостью от плана собственно морфологического и от плана синтаксического⁴¹.

5.3. Из иерархического строения системы МК следует, что, помимо категорий, которые образуют, образно говоря, нижний этаж системы и далее структурно не члениятся, все остальные категории низшего ряда характеризуются как формальной, так и семантической внутренней структурой.

Категория высшего ранга проявляется в противопоставлении по крайней мере двух категорий низшего ранга, которые взаимозависимы. Это является правилом для общих МК. Поэтому некоторые лингвисты лишь их признают в качестве собственно ГК (подчиненные им МК отождествляются при этом с категориальными формами)⁴². Мы считаем такую позицию

³⁸ Можно было бы называть частные категории подкатегориями (как предлагает, например, Б. Гавранек) и различать затем подкатегории 1 и 2-й степени.

³⁹ В этом случае особенно часто говорится лишь о категориальных формах, например о форме кондиционала (в русском языке) или о формах кондиционала настоящего времени и прошедшего времени (в чешском языке). Однако и здесь мы имеем дело не только с формой, но и со значением, поэтому нет оснований исключать их из понятия МК.

⁴⁰ Эта мотивация является взаимной: например, МК субстантива мотивирована лексико-семантической категорией предметности (лиц, животных, предметов), и в свою очередь категория предметности ориентируется на субстантив как часть речи (поэтому субстантивами могут быть и названия качеств или действий). Аналогичным образом МК субстантива мотивирована своей функцией подлежащего и дополнения в предложении, и, наоборот, обе эти синтаксические категории ориентируются на субстантив как часть речи. В сущности значения МК мотивированы явлениями внеязыковой действительности. В них зафиксированы обобщенные отражения различных связей и отношений между предметами и явлениями действительности.

⁴¹ Это убедительно показал в своем выступлении на заседании комиссии по изучению грамматического строя славянских языков в Праге в 1964 г. О. Лешка. Он полагает, что «морфологические грамматические категории являются функционально релевантными в зависимости от самого морфологического плана, так, что их пучки определяют, конструируют общую семантику ряда частей речи, являются конструирующей внутренней формой этой семантики» и что вместе с тем они «функционально релевантны в зависимости от синтаксических отношений в том смысле, что являются внутренней формой семантического отношения, в котором реализуется данное синтаксическое отношение («K vztahu mezi morfológií a syntaxí»), SaS, 2, 1965, стр. 125). Морфологическими категориями, как видно, О. Лешка считает, однако, лишь МК низшего разряда.

⁴² Ср. например: А. В. Исаченко, О грамматическом значении, стр. 28; А. И. Смирницкий, Аналитические формы; О. С. Ахманова, Фонология, морфонология, морфология, стр. 89—92.

слишком крайней; но все же нельзя отрицать, что существует глубокое различие между теми категориями, которые проявляются только в противопоставлениях составляющих их частных категорий, в конечном счете в противопоставлениях категорий изолированных, и самими изолированными категориями, выражающимися только одной категориальной формой.

6. Важным является вопрос о том, какими именно отношениями обрзается структура членов общих МК (и тех частных МК, которые структурно членимы). Этот вопрос в последнее время оживленно дискутировался, однако удовлетворительного решения найдено не было⁴³. До сих пор нет единства ни по вопросу о возможном (необходимом) количестве внутренних членов, подобных МК, ни по вопросу о характере отношения между этими членами. Существуют две позиции по этим вопросам.

6.1. С одной стороны, это теория строгого бинаризма, которая во всякой структуре МК видит только двучленные отношения, отождествляя их с привативными оппозициями (базирующимися на противопоставлении сигнализации и несигнализации определенного семантического признака). В тех случаях, где число членов МК явно больше двух, можно, конечно, перестроить многочленный ряд в цепь бинарных отношений, однако встает вопрос, всегда ли такое решение соответствует действительному функционированию в языке данных частных категорий; при этом в существующих концепциях редко достигается единое мнение о том, как конкретно осуществляется постулируемая последовательная дихотомия⁴⁴. И хотя эти теории получают определенную поддержку в новейших исследованиях по теории информации и психологии, в своей сегодняшней форме они в силу своей односторонности и излишней строгости воспринимаются как искусственные и малоубедительные.

6.2. В период своего возникновения теория асимметрических корреляций, явившаяся реакцией на атомистичность классического доструктурного языкознания, согласно принималась по крайней мере теми исследователями, которые ориентировались на структурную лингвистику; в настоящее время чаще встречается сдержанное отношение или даже открытый скептицизм в отношении более или менее остроумных конструкций этой теории, а также, к сожалению, наблюдается и общее падение интереса к этой важной области грамматической проблематики. В генеративной и трансформационной грамматике вопрос о взаимных отношениях членов МК вообще не ставится, что связано с общей недооценкой парадигматических связей, характеризующей это направление. Большие описательные труды (например, академическая грамматика русского языка) и монографии, посвященные отдельным морфологическим категориям (например, работа П. Гарда⁴⁵ о русском кондиционале), в проблематике структуры МК проявляют нерешительность и от однозначного решения уклоняются. В немногочисленных статьях, специально посвященных этой проблематике, предпринимаются попытки защитить бинаризм или подвергнуть его ревизии.

6.3. После появления в последнее время некоторых теоретических статей (например, Б. Н. Головина и Е. Кржижковой⁴⁶) можно считать дока-

⁴³ См.: M. D o k u l i l, K otázce morfologických protikladů, Sa S, 2, 1958; A. B. И с а ч е н к о, О грамматическом значении; О. С. А х м а н о в а, указ. соч., стр. 90 и сл.

⁴⁴ В равной мере односторонним и упрощенным представляется нам и такое понимание, по которому основой МК являются отношения троичные (L. N o v á k, Caractère périphérique des consonnes dans le système phonologique et dans la structure syllabique, «Travaux linguistiques de Prague», 2, 1966, стр. 129).

⁴⁵ P. G a r d e, L'emploi du conditionnel et de la particule *by* en russe, Paris, [1963].

⁴⁶ Б. Н. Г о л о в и н, Заметки о грамматическом значении; Е. К р ж и ж к о в а, Первичная и вторичная функции и так называемая транспозиция форм.

занным, что нет оснований исключать из системы структурных отношений внутри МК отношения многочленные или во что бы то ни стало стремиться перевести их в многоступенчатые бинарные отношения. Равным образом в рядах исследователей структурного направления все больше распространяется мнение — провозглашенное, впрочем, еще у истоков структурализма В. Брендалем⁴⁷ — о том, что отношения между членами бинарных морфологических категорий не всегда представляют собой привативные оппозиции и что необходимо признать и существование отношений эквивалентных и полярных⁴⁸.

7. Решение вопроса о взаимоотношениях членов МК тесно связано с решением вопроса об общих (инвариантных) и частных грамматических значениях; по мнению сторонников привативных оппозиций в морфологии, только инвариантное значение, независимое от реальных условий контекста, может быть основой для оценки взаимных отношений членов МК (Р. Якобсон, А. В. Исаченко, Е. Кржижкова и др.)⁴⁹.

7.1. Роль инвариантных значений признается, однако, не всеми. Возражения сводятся прежде всего к тому, что как при лексической полисемии, так и при полисемии грамматической вообще нельзя предполагать интегрирование отдельных прямых и переносных значений⁵⁰. Хотя в принципе это верно, все же в сфере грамматики полисемия не обладает столь же широкими возможностями, как в области словаря. Несмотря на наличие тенденции к интеграции полисемических значений, усиливаемой общей тенденцией к изоморфизму уровней формы и значения, причем даже у значений омонимических⁵¹, общее значение в таком понимании остается абстракцией⁵².

7.2. В принципе возможно принять предположение об инвариантном (общем) значении как рабочую гипотезу, отказавшись от идеи включать в него «значения» переносные, точнее переносные употребления, особенно в тех случаях, когда переносное употребление является живым, т. е. когда явно ощущается противоречие между обычным значением слова и значением, требуемым контекстом.

Таким образом, инвариантным значением мы считаем только не-

⁴⁷ V. B r e n d a l, *Oppositions linguistiques*, «Essais de linguistique générale», Copenhagen, 1943, стр. 33—40.

⁴⁸ Интересные соображения о бинарных отношениях в морфологии высказала Е. Кржижкова, особенно в статье «Первичная и вторичная функции...». Она считает возможным говорить о привативной оппозиции в понимании Якобсона только тогда, когда существует хотя бы один тип контекста, в котором нейтрализуется семантическое противопоставление членов оппозиции (неважно, является ли эта нейтрализация обязательной, и тогда можно употребить только беспризнаковый член, или факультативной, когда возможно употребление как беспризнакового, так и признакового члена). Она, однако, подчеркивает, что и в тех случаях, когда при помощи этого критерия доказано, что члены МК образуют привативную оппозицию, нейтрализация охватывает, как правило, только некоторые, по преимуществу периферийные, позиции. В большинстве позиций, причем позиций основных, инвариантное значение беспризнакового члена категории оттесняется его главным значением, которое обычно бывает противоположным (контрадикторным) по отношению к члену признаковому. Только в редких случаях, где друг другу противостоят формы характеризованная и нехарактеризованная, возможна полная нейтрализация во всех позициях.

⁴⁹ Ср формулировку Е. Кржижковой: «Инвариантным значением морфологической формы (или всей категории) следует признать то значение, которое наличие во всех засвидетельствованных (а также потенциально возможных) контекстах» («Первичная и вторичная функции...», стр. 171). Только это значение Кржижкова считает канковым (!), частные значения, по ее мнению, не являются элементами языкового знака.

⁵⁰ Ср., например: Е. Р. Курдюкович, Заметки о значении слова, ВЯ, 1955, 3, стр. 78 и сл.

⁵¹ См. об этом М. Докулil, K otázce morfologických protikladů.

⁵² Е. Р. Курдюкович, указ. соч., стр. 82.

зависимое прямое значение, т. е. значение, не связанное с контекстом. Подобное значение, конечно, следует искать, как убедительно показал П. Гард⁵³, не только вне контекста, т. е. в изолированном употреблении слова, но и в таких контекстах, которые практически не влияют на значение слова (разумеется, оценка релевантности контекста является важной частью морфологического анализа).

7.3. Интегрированное значение морфологической формы, восходящее лишь к ее переносным значениям и освобожденное от «давления контекста», может, конечно, быть — и часто бывает — тождественным главному значению (обычно у признаковых членов оппозиции, например у претерита в чешском языке), оно может включать наряду с главным значением и прямые частные значения [например, значение МК презенса наряду с главным значением актуального настоящего охватывает и разные оттенки неактуального действия: типичное, узуальное и т. д.; независимое значение императива включает в себя наряду с главным значением — побуждение к осуществлению действия (или в сочетании с отрицанием — запрещение осуществлять действие) и частное значение согласия на осуществление действия].

7.4. Как указал Е. Курилович⁵⁴, противопоставление первичных и вторичных функций (значений) неразрывно связано с противопоставлением первичной и вторичной формы. Если первое соответствует подходу от формы к функции, к значению (содержанию), то второе соответствует противоположному подходу — от функции, значения (содержания) к форме. Оба эти аспекта одинаково важны для функционирования языка и для его объяснения, они находятся в постоянном диалектическом взаимодействии. Поэтому при определении значения грамматической функции или же грамматического значения, так же как и при определении грамматической формы, нельзя избежать ссылки на вторую сторону знака.

8. Для понимания отношений, существующих внутри МК, и отношений между МК большое значение имеет изучение явлений, которые обычно называются нейтрализацией и наблюдаются в тех случаях, когда два элемента, противостоящие друг другу в данном классе элементов (на парадигматическом уровне), при реализации в тексте (на синтагматическом уровне) перестают различаться.

8.1. В билатеральных единицах, имеющих выражение и значение, нейтрализация оказывается более сложным явлением, чем в унilaterальных фонемах. Разрушение или ослабление различий может иметь место как в плане выражения (ср., например, случаи стирания различий по числу у глаголов типа *trpět* и *prosit* в 3-м лице настоящего времени индикатива), так и в плане значения (ср., например, факультативное употребление беспризнаковой формы кондиционала настоящего времени в значении кондиционала прошедшего времени) или в обоих планах одновременно (сюда можно отнести нарушение формального и семантического различия времен в грамматической категории кондиционала в русском языке — на фоне семантического и формального различия времен в индикативе и его принципиальной различаемости и в плане нереального действия; подобное неразличение наблюдается также в случае отнесения действия к настоящему или будущему в чешском кондиционале «настоящего» времени).

8.2. В сфере глагольных МК нейтрализация осуществляется главным образом в плане содержания (значения), когда беспризнаковый член употребляется вместо признакового⁵⁵.

⁵³ P. Gard e, L'emploi du conditionnel.., стр. 32 и сл.

⁵⁴ Е. Курилович, указ. соч., стр. 82.

⁵⁵ Специально об этом см.: Н. К ř í ž k o v á, Pojetí neutralizace v morfologii.

8.3. От субституции форм, основанной на нейтрализации инвариантных значений, необходимо отличать субституцию форм, основанную на транс-позиции инвариантных значений для передачи содержания, которое первично выражается формой с другим инвариантным значением. Примером может служить употребление презенса для выражения действий прошедшего (*praesens historicum*) или будущего (*praesens propheticum*)⁵⁶.

9. В заключение хотелось бы остановиться еще на одном существенном различии, которое важно для проблематики МК, особенно в плане значения. Это различие между языковой структурой и языковой нормой, которое в общих чертах можно отождествить со старым различием между системой и узусом.

В спорах об инвариантах часто забывают о том, что теория инварианта по своей сущности принадлежит к области структуры языка и не поддается критике на уровне нормы. Ю. С. Степанов правильно подчеркивает, что значения представляют собой то же по меньшей мере трехъярусное устройство, что и язык в целом: наряду со значениями, соответствующими структурному уровню языка, следует различать значения, соответствующие уровню нормы, и наконец, значения (одиночные употребления) индивидуальной речи⁵⁷. В то время как различие индивидуального уровня от двух остальных не представляет больших трудностей, разграничение явлений структуры языка и нормы (системы и ее использования), в конкретном предложении связано с затруднениями. Эти затруднения вызываются главным образом постоянным взаимодействием обоих уровней⁵⁸ и требуют углубленных исследований грамматических (и особенно морфологических) категорий⁵⁹.

Перевел с чешского Л. Н. Смирнов

⁵⁶ Подробнее см.: Е. Кржижкова, Первичная и вторичная функции...

⁵⁷ Ю. С. Степанов, Основы языкознания, М., 1966, стр. 4—7 и др.

⁵⁸ Из рассуждений Р. Якобсона о структуре грамматических значений выводится тезис об антиномии между общим и главным (обычным, статистически преобладающим) значением слова или категории как одним из основных импульсов языкового развития; у А. В. Исаченко, который в известном смысле формализовал понимание Якобсона и тем самым лишил его динамика, уже не говорится о главном значении (оно относится вместе с другими частными значениями к сфере употребления языка). Следовательно, МК в представлении А. В. Исаченко полностью остаются в области структуры языка.

⁵⁹ Значительным вкладом в разработку этой проблематики являются теоретические труды О. Лепки. Применение его концепции при конкретном анализе языкового материала представлено в ст. «O formální a funkčně obsahové struktuře ruského imperativu — injunktivu», в кн. «Kapitoly ze srovnávací mluvnice rusko-české», III (в печати).

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. А. МОСКОВИЧ

ГЛУБИНА И ДЛИНА СЛОВ В ЕСТЕСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Одной из существенных структурных характеристик естественного языка как многоуровневого кода является его неравномерность. Число элементарных сигналов в одной кодовой комбинации естественного языка (фонем в морфемах, слогов в словах, морфем в словах, слов в предложениях) непостоянно и колеблется в каких-то пределах.

В данной статье ставится задача определения пределов варьирования количества слогов и морфем в словах. Выяснение вопросов, связанных с решением этой задачи, представляет определенный интерес для построения типологической классификации естественных языков, для теории порождающих грамматик, а также для ряда областей прикладной лингвистики¹.

*

Ключ к объяснению многих закономерностей языка следует искать в психологии.

В рассматриваемом здесь случае мы можем также обратиться к результатам психологических опытов и выяснить, существуют ли какие-либо факторы психологического плана, ограничивающие сложность речевых сообщений.

Процесс порождения речи происходит, по всей вероятности, путем последовательной перекодировки фонем в морфемы, морфем в слова и слов в предложения. На каких-то из этих уровней перекодировка осуществляется не в долговременной, а в оперативной памяти человека, объем которой ограничен и равен 7 ± 2 символов сообщения². Следовательно, максимальное соотношение количества единиц низшего уровня языка, содержащееся в одной единице более высокого уровня, при условии, что переход от низшего уровня к высшему осуществляется в оперативной памяти, не может превысить 9:1. Это предположение оправдывается для соотношения уровня слов и уровня предложений, как показано в работах, посвященных «гипотезе глубины» В. Ингве³.

¹ См.: С. К. Шаумян. Структурная лингвистика, М., 1965, стр. 360—361; Дж. Гринберг, Квантитативный подход к морфологической классификации языков, сб. «Новое в лингвистике», 3, М., 1963; P. Menzgerath, W. Meuser-Erpler, Sprachtypologische Untersuchungen, «Studia linguistica», 1—2, 1950.

² Дж. А. Миллер, Магическое число семь, плюс или минус два, сб. «Инженерная психология», М., 1964; П. Б. Невельский, Объем памяти и количество информации, «Проблемы инженерной психологии», 3, Л., 1965.

³ V. N. Yngve, A model and a hypothesis of language structure, «Proceedings of the American philosophical society», 104, 5, 1960. Из последних работ см.: Е. В. Падучева, О связях глубины по Ингве со структурой дерева подчинений, «Научно-техническая информация», 1966, 6.

Естественно сделать вывод, что это же максимальное соотношение имеет место и при сопоставлении уровня морфем и уровня слов. В самом деле, сложные и производные слова генетически представляют собой компрессированные словосочетания. Поэтому их максимальная сложность не может превысить максимальной сложности предложений, компрессиями частей которых они являются. Используя термины биологии, можно сказать, что сложность онтогенеза (порождения слова) не может превысить сложности филогенеза (порождения предложения).

Глубина предложения по В. Ингве определяется как количество узлов подчинения в регрессивной последовательности слов. Это определение трудно применить для уровня слов, так как не всегда ясно, как строится дерево подчинений для морфем, составляющих слово. Однако, если сравнивать морфемную структуру слов со структурой соответствующих им словосочетаний, то можно заметить, что не только префиксальные, но и суффиксальные образования являются по природе регрессивными⁴. Следовательно, глубину слова можно определить как количество морфем в слове, безотносительно к тому, как эти морфемы расположены. Иное понимание глубины слова по существу бессмысленно, так как, в отличие от предложения, структура которого сравнительно свободна и допускает перестановки элементов, слово состоит из морфем, связанных в тесное единство, и остается незавершенным до той поры, пока не произнесены все его части.

Одно из оснований для того, чтобы высказать предположение о 7 ± 2 морфемах как верхнем пределе глубины слова, возникает по аналогии с гипотезой Ингве, второе, более общее, исходит из представления о том, что всякая перекодировка единиц низшего уровня языка в единицы высшего уровня связана с ограниченным объемом оперативной памяти человека⁵.

Переходя к взаимоотношению уровня слов и уровня фонем, можно выделить, помимо глубины слова, еще одну его характеристику — длину слова, выраженную в количестве слогов. Емкость оперативной памяти человека накладывает ограничения не только на глубину, но и на длину слов.

В результате ряда лингвопсихологических опытов было обнаружено, что для говорящего представляет затруднение в первую очередь глубина высказывания, а для слушателя — его глубина в сочетании с длиной⁶.

В других опытах было выяснено, что отрезками слышимой речи, о которых принимаются решения при восприятии речи, являются слова, и что при увеличении длины этих отрезков сверх семи слогов отмечается ухудшение восприятия сообщения⁷.

Этот предел восприятия длины слов найден в опытах с изолированными словами. Опыты по восприятию слов в контексте показали, что контекст облегчает их восприятие. Верхний предел восприятия слов в контексте

⁴ «Суффиксальные образования представляют собой синтагмы с регрессивной последовательностью, так как суффикс выражает и общее, и категоричное понятие, определяемое предшествующей основой: *chanteur = celui (-eur) qui chante* «певец = тот, кто поет», *lavage = action (-age) de laver* «мытье = действие от глагола мыть...» (Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, стр. 265)

⁵ В. В. Мартынов, Кибернетика Семиотика. Лингвистика, Минск, 1965. Согласно одной из современных психологических концепций, полные слова составляют из морфем в оперативной памяти речедвигательного анализатора в момент произнесения сообщения (см.: Н. И. Жинкин, Механизмы речи, М., 1958).

⁶ И. М. Луцхина, Использование гипотезы Ингве о структуре фразы при изучении восприятия речи, «Вопросы психологии», 1965, 2.

⁷ «Речь. Артикуляция и восприятие», под ред. В. А. Кожевникова и Л. А. Чистович, М.—Л., 1965.

оказался порядка 10 слогов, причем при увеличении длины слов сверх 14 слогов количество воспринятых слогов падало до 7%⁸.

Если даже учитывать благоприятствующую роль контекста — внутри-словного и межсловного — при опознании слов, следует ожидать, что превышение критической длины слов в 9 слогов, определяемой объемом оперативной памяти, в значительной мере затрудняет их восприятие. Вероятно, то же верно и для глубины слов, хотя эксперименты по восприятию глубины слов еще не проводились. Таким образом, данные лингвopsихологических опытов определенно указывают на то, что объем восприятия длины и глубины слов равен объему оперативной памяти человека. Это означает, что в тех стилях естественных языков, которые ориентированы на устную форму общения, максимальная длина слов не может превышать 9 слогов, а их максимальная глубина — 9 морфем. Правильность этого предположения следует проверить как на материале языков разных типов, так и на материале разных стилей одного языка.

*

Глубина слов и их длина являются взаимозависимыми величинами. Длина корневых морфем обычно равна одному слогу или превышает размеры одного слога, а длина аффиксальных морфем чаще всего соответствует одному слогу. Возможны отклонения от этих соответствий, и в общем морфемное и слоговое членение языка «обязательно коррелируют, но не обязательно конгруируют. И корреляция этих двух рядов в разных типах языков и в разных языках — различна и не обладает качеством элементарности»⁹.

Не имея возможности оценить степень зависимости между длиной слов и их глубиной во многих языках, ограничимся доступным нам материалом.

В русском языке между глубиной слова и его длиной существует прямая корреляционная зависимость — с увеличением глубины слов систематически и неуклонно растет их длина. Это было установлено нами на материале словаря в 2 тысячи разных словоформ, извлеченного из выборки в 13 тысяч слов русского технического текста. Несмотря на то, что во многих индивидуальных случаях отсутствует равенство между количеством морфем и количеством слогов в слове, общий характер распределения слов по глубине и длине обнаруживает большое сходство (см. рис. 1). Корреляция этих двух рядов распределения близка к функциональной зависимости.

Проведя статистическую обработку английского технического текста объемом в 18 тысяч слов, являющегося переводом упомянутого русского текста, мы нашли, что и в английском языке глубина и длина слов коррелируют в большой степени¹⁰. В обоих языках наибольшее количество разных словоформ заключено в интервале от 2 до 5 морфем и от 2 до 5 слогов, максимум глубины равен 7—10 морфемам, а максимум длины 10—12 слогам. По всей видимости, подобное распределение глубины и длины слов имеет место и в немецком языке, насколько можно судить по материалам словаря В. Фиетора, обработанным П. Менцератом¹¹. П. Менцерат при-

⁸ Ю. А. К л а с с, О членении на слова предложений, лишенных лексической информации, сб. «Механизмы речеобразования и восприятия сложных звуков», М.—Л., 1966

⁹ А. А. Р е ф о р м а т с к и й, К вопросу о фоно-морфологической делимитации слова, сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963, стр. 65—66.

¹⁰ График распределения длин слов в этой выборке см. в ст.: В. А. М о с к о в и ч, Н. С. И в а н о в а, Статистические параметры словаря автоматической системы обработки патентной информации, «Вопросы изобретательства», 1966, 9, стр. 30.

¹¹ P. M e n z e r a t h, Die Architektonik des deutschen Wortschatzes, Bonn, 1954.

водит данные о распределении слов по количеству морфем и количеству слогов. Проведя анализ этого материала с точки зрения количества морфем, мы приходим к заключению, что и в немецком языке существует корреляция между глубиной слов и их длиной. Наибольшее количество разных слов находится в интервале от 2 до 4 морфем и слогов, максимальная глубина равна 7 морфемам, а максимальная длина — 9 слогам.

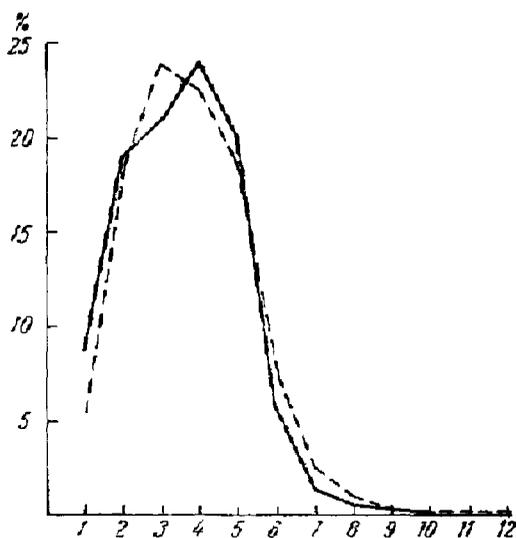

Рис. 1. Распределение слов по количеству морфем и количеству слогов в русском техническом тексте: — распределение слов по количеству морфем; - - - распределение слов по количеству слогов

Имеются веские основания для того, чтобы экстраполировать этот вывод и на другие языки. Несмотря на отсутствие надежных сведений о распределении слов по глубине и длине в разных языках, симптоматичен тот факт, что при независимом измерении глубины и длины слов в одном и том же языке разными исследователями, результаты оказывались чрезвычайно близкими. Так, например, средняя длина слов в санскрите равна 2,6 слогов, в персидском языке — 1,76 слогов¹², а средняя глубина слов в этих языках равна соответственно 2,59 морфем и 1,52 морфем¹³.

Параллелизм морфемного и слогового усложнения слова отмечается в тюркских¹⁴, абхазо-адырских¹⁵ и других языках.

Максимумы глубины и длины слов в ряде языков совпадают, а в ряде языков разнятся. Однако во всех известных нам случаях количество морфем в самых «глубоких» словах никогда не превышало количества слогов в этих словах. Отсюда следует, что в случае несовпадения максимумов глубины и длины слов в каком-то языке величина максимума глубины, вероятнее всего, уступает величине максимума длины, но не наоборот.

*

Распределение слов по числу слогов изучалось на материале разных языков многими исследователями.

Рассмотрим, например, табл. 1, приводимую В. Фуксом¹⁶.

¹² С. Г. Чебанов, О подчинении укладов «индо-европейской» группы закону Пуассона, «Докл. АН СССР», IV, 1947, стр. 106.

¹³ Дж. Гринберг, указ. соч., стр. 91.

¹⁴ Н. А. Баскаков, Введение в изучение тюркских языков, М., 1962, стр. 79.

¹⁵ М. А. Кумахов, Типологическая характеристика слова в полисинтетических языках западного Кавказа, сб. «Лингвистическая типология и восточные языки», М., 1965, стр. 162.

¹⁶ В. Фукс, Математическая теория словообразования, сб. «Теория передачи сообщений», М., 1957, стр. 226.

Таблица 1

Распределения относительной частоты слогов в словах, средние значения и энтропия, полученные путем усреднения из большого количества текстов

	Английский	Немецкий	Эсперанто	Арабский	Греческий	Японский	Русский	Латинский	Турецкий
$\bar{P}_1$	0,7152	0,5560	0,4040	0,2270	0,3760	0,3620	0,3390	0,2420	0,1880
$\bar{P}_2$	0,1940	0,3080	0,3610	0,4970	0,3210	0,3440	0,3030	0,3210	0,3784
$\bar{P}_3$	0,0680	0,0938	0,1770	0,2239	0,1680	0,1780	0,2140	0,2870	0,2704
$\bar{P}_4$	0,0160	0,0335	0,0476	0,0506	0,0889	0,0868	0,0975	0,1168	0,1208
$\bar{P}_5$	0,0056	0,0071	0,0082	0,0017	0,0346	0,0232	0,0358	0,0282	0,0360
$\bar{P}_6$	0,0012	0,0014	0,0011	—	0,0083	0,0124	0,0101	0,0055	0,0056
$\bar{P}_7$	—	0,0002	—	—	0,0007	0,0040	0,0015	0,0007	0,0004
$\bar{P}_8$	—	0,0001	—	—	—	0,0004	0,0003	0,0002	0,0004
$\bar{P}_9$	—	—	—	—	—	0,0004	—	—	—
$\bar{i}$	1,351	1,634	1,859	2,104	2,105	2,137	2,228	2,392	2,455
S	0,367	0,456	0,535	0,513	0,611	0,622	0,647	0,631	0,629

В табл. 1 $\bar{P}_i$ — относительная частота слов длиной в i слогов, $\bar{i}$ — средняя длина слов в словах, S — энтропия. Ни в одном из приведенных в таблице языков максимальная длина слова не превышает 9 слогов. Максимумы длины слов в разных языках расположены в пределах, четко очерченных рамками объема оперативной памяти — 7 ± 2 символов — от 5 до 9 слогов. Имеются данные по другим языкам, подтверждающие этот вывод. Максимум длины слов, установленный разными авторами, равен 6 слогам в румынском¹⁷ и китайском¹⁸ языках, 7 слогам — во французском¹⁹ и сербскохорватском²⁰ языках, 8 слогов — в итальянском языке²¹ и т. д.

В этих же языках встречаются и слова большей длины, но так редко, что они не поддаются систематическому учету. Г. Шенгели, характеризуя результаты подсчетов длины слов на материале выборки в 50 тысяч слов из русской художественной прозы и поэзии, писал: «Учитывались слова не выше, чем семисложные: восьми-, девяти- и десятисложные вроде: *переворачивающаяся* встречались крайне редко, и учет их, непоказательный, только загромождает бы таблицу»²².

С увеличением длины слов резко уменьшается вероятность их появления в текстах. Это можно показать на примере распределения частот слов с учетом их длины в немецкой поэзии и прозе (см. табл. 2)²³. В выборке в 11 млн. слов слова длиной в 8 слогов встретились 5038 раз, в 9 слогов —

¹⁷ S. Marcus, E. Nicolau, S. Stati, *Introducere în lingvistică matematică*, București, 1966, стр. 274.

¹⁸ G. K. Zipf, *The psycho-biology of language*, Boston, 1935, стр. 26.

¹⁹ R. Moreau, *Une méthode de décomposition syllabique automatique*, «*Études de linguistique appliquée*», 4, Paris, 1966, стр. 75.

²⁰ D. M. Gajić, *Die Typologie der serbokroatischen mehrsilbigen Wörter*, Bonn, 1950; M. S. Rosić, *Zur Struktur des serbokroatischen Wortschatzes*, Bonn, 1950.

²¹ H. Reiffweiler, *Die Stichprobenentnahme bei sprachtypologischen Untersuchungen*, Bonn, 1950.

²² Г. Шенгели, *Трактат о русском стихе*. М.—Пр., 1923, стр. 20.

²³ H. Arens, *Verborgene Ordnung. Die Beziehungen zwischen Satzlänge und Wortlänge in deutscher Erzählprosa vom Barock bis heute*, Düsseldorf, 1965, стр. 73.

Таблица 2

Распределение слов по длине в немецких текстах

Кол-во слогов в слове	Художествен. проза (выборка в 740 тыс. слов)	Поведия (выборка в 2 млн. слов)	Различные тексты (выборка около 11 млн. слов, 82% художествен. проза)
1	51,66%	54,57%	49,76% (5 426 326)
2	31,63%	30,48%	28,94% (3 153 448)
3	11,12%	10,15%	12,93% (1 410 494)
4	4,33%	3,79%	5,93% (646 971)
5	1%	0,81%	1,72% (187 738)
6	0,20%	0,16%	0,50% (54 436)
7	0,04%	0,03%	0,15% (16 933)
Более 7 слогов	(8—12 сл.) 0,02%	(8—10 сл.) 0,01%	(8—15 сл.) 0,06% (6329)

1225 раза, в 10 слогов — 461 раз, в 11 слогов — 59 раз, в 12 слогов — 35 раз, в 13 слогов — 8 раз, в 14 слогов — 2 раза и в 15 слогов — 1 раз.

На основании наблюдений такого рода С. Г. Чебанов и В. Фукс вывели эмпирическую формулу зависимости распределения слов по числу слогов от средней длины слова в данном языке ²⁴.

$$P(i) = \frac{e^{-(\bar{i}-1)} (\bar{i}-1)^{i-1}}{(i-1)!}, \quad (1)$$

где $P(i)$ — вероятность встречаемости слова длиной в i слогов, а $\bar{i}$ — средняя длина слова в данном языке в словах. Чем выше средняя длина слова в языке, тем вероятнее наличие в нем сравнительно длинных слов. При средней длине слова в 2 слова в языке вероятно наличие слов максимальной длины в 7 слогов, при средней длине в 3 слова — в 9 слогов, при средней длине в 4 слова — в 11 слогов, при средней длине в 5 слогов — в 13 слогов, при средней длине в 6 слогов — в 15 слогов и т. д. ²⁵. Однако нет языков, в которых средняя длина слова превышала бы 3—4 слова, поэтому в экстремальном случае самые длинные слова, встречающиеся в устной речи на любом естественном языке, теоретически не могут превысить предела в 9—11 слогов.

Формула, предложенная С. Г. Чебановым и В. Фуксом, дает хорошее приближение к фактам, обнаруживаемым в процессе анализа языков. Результаты проверки этой формулы на материале выборки в 46 309 слов французского текста показали, что она достаточно точно предсказывает вероятность появления в тексте слов той или иной длины (см. табл. 3) ²⁶.

Факты, как теоретически предсказываемые, так и реально регистрируемые в текстах разных языков, свидетельствуют о том, что максимум длины слов в естественных языках, выраженный в количестве слогов, как правило, совпадает с величиной объема оперативной памяти человека и только в редких случаях превышает ее.

*

Распределение слов по глубине еще не подвергалось систематическому изучению хотя бы на материале одного языка. Некоторые данные о средней глубине слов в разных языках вычислены на основе выборки по

²⁴ См.: С. Г. Чебанов, указ. соч.; В. Фукс, указ. соч.

²⁵ W. F u c k s, Statistische Verteilungen mit gebundenen Anteilen, «Zeitschrift für Physik», 145, 1956, стр. 528.

²⁶ R. M o r e a u, указ. соч., стр. 75.

Таблица 3

Сопоставление распределения слова по длине — реального и рассчитанного по формуле (1) (согласно Р. Морю)

Кол-во слогов в слове	Вероятность появления слов (в долях от 1)	Математическое ожидание появления сл в (в абс. цифрах)	Действительное появление сл в (в абс. цифрах)	Разность между математическим ожиданием и его реализацией
1	0,52	24 290	25 821	+1531
2	0,34	15 673	12 918	-2755
3	0,1	5056	6001	+ 945
4	0,02	1087	1347	+ 260
5	0,004	175	193	+18
6	0,0005	22,6	26	+3,4
7	0,00005	2,4	3	+0,6

100 слов в работах по количественной морфологической типологии языков, где понятию средней глубины слова соответствует понятие степени синтета.

В ряде языков индекс синтеза не превышает 2 морфем на слово (вьетнамский — 1,06, персидский — 1,52, английский — 1,68), в большинстве языков он расположен в интервале 2—3 морфем на слово (немецкий — 2, древнеанглийский — 2,12, якутский — 2,17, суахили — 2,55) и в некоторых языках он достигает 4 морфем на слово (эскимосский — 3,72)²⁷.

Как уже отмечалось выше, распределение слов по глубине близко распределению слов по длине. По всей видимости, формула (1), описывающая теоретическое распределение слов по длине, дает хорошую аппроксимацию и при расчете теоретического распределения слов по глубине. Согласно этой формуле, при средней глубине слова, равной 1—2 морфемам, ожидаемая максимальная глубина равна 4—7 морфемам, при средней глубине в 2—3 морфемы — 7—9 морфемам и при средней глубине в 3—4 морфемы — 9—11 морфемам.

Не располагая в настоящее время результатами статистических подсчетов распределения слов по глубине в разных языках, мы вынуждены ограничиться констатацией мнения специалистов по конкретным языкам.

По наблюдениям Ю. В. Кнорозова в текстах различных древних языков, подвергавшихся дешифровке, наибольшее количество морфем в слове практически никогда не превышало пяти²⁸.

Ст. Ньюмен, подсчитав распределение 500 глаголов в текстах языка йокут (Калифорния), обнаружил, что 80% глаголов состояло из 2 морфем, 15% — из 3 и 5% — из 4. Он пишет: «Формально могут быть сконструированы гигантские слова, содержащие три или четыре тематических суффикса. В ходе полевых исследований я изобрел много многосложных слов, которые мой информант послушно переводил, хотя и с большим удивлением. Они были созданием структурально мыслящего лингвиста, а не носителей языка, которые коллективно накладывают ограничения своего языка. В терминах своих избирательных привычек йокуты ставят низкий предел использования возможностей их тематических суффиксов...»²⁹.

Мы уже приводили величины максимумов глубины слов для ряда индоевропейских языков — немецкого (7 морфем), русского и английского

²⁷ Дж. Гринберг, указ. соч., стр. 91—93.

²⁸ Неопубликованный доклад Ю. В. Кнорозова на 3-й Всесоюзной конференции по информационно-поисковым системам и автоматизированной обработке научно-технической информации (Москва, декабрь, 1966).

²⁹ St. Newman, Semantic problems in grammatical systems and lexemes: a search for method, сб. «Language in culture», Chicago, 1954, стр. 85.

(10 морфем, в технических текстах). В языках урало-алтайской семьи максимальное количество морфем в слове в принципе может быть весьма значительным, но редко превышает 7 морфем (ср. каракалп. *бил-им-ле-н-дир-уу-* «образование») ³⁰.

Плохо изучен вопрос о статусе слова в различных инкорпорирующих языках, однако все указывает на то, что максимум глубины слов в этих языках находится в пределах 9—12 морфем. Для чукотского языка в качестве примера одного из наиболее усложненных слов, включающих одновременно словообразовательные аффиксы и аффиксы несинтаксического и синтаксического формобразования, приводится слово в 11 морфем — *нэ-рэ-лги-н-эквэт-зв-ы-сқычең-ң-ы-нет* «Они очень стремительно завели их» со ссылкой на то, что такого рода слова встречаются сравнительно редко ³¹. В инкорпорирующих языках Западного Кавказа иногда находят слова глубиной до 14 морфем (например кабард. *у-а-кы-ды-д-е-г-гыз-шы-жы-ф-а-тэ-кыым* «Я тогда не смог заставить его обратно вывести тебя оттуда вместе с ними» ³²), однако такие слова столь же редки в этих языках, сколь слова типа *die Kesselsteinverhinderungsmittelerzeugungsgesellschaft* «компания по изготовлению растворителей для котельной накипи» в немецком языке ³³.

В одном из полисинтетических языков Западного Кавказа — абхазском — реальным максимумом глубины слов является 9 морфем, а слова большей глубины — до 12 морфем — «необычны для современного абхазского языка, но представляют собой эвентуально образующиеся формы» ³⁴.

Так же, как максимум длины, максимум глубины слов, в языках разных типов превышает величину объема оперативной памяти человека в очень редких случаях.

Ввиду фрагментарности материала, которым мы располагаем в данный момент, можно сделать лишь самые предварительные замечания о связи верхнего предела глубины слов в языке с его типологическими характеристиками. Так, например, заслуживает внимания вопрос о роли «техникой» соединения отдельных морфем в наращивании глубины слова. «Техникой», позволяющей увеличивать глубину слов до критического предела в 9 морфем и выше этого предела с минимальными затруднениями для носителей этого языка, является агглютинация. В агглютинирующих языках морфемы, как правило, однозначны, границы их в слове определены. Это создает четкий внутрисловный контекст, позволяющий безошибочно идентифицировать морфемы в самых длинных последовательностях. И. А. Бодуэн де Куртене писал по поводу агглютинирующих языков: «Языки, в которых все внимание по части морфологических экспонентов сосредоточивается на следующих после главной морфемы (корня) аффиксах (языки урало-алтайские, угро-финские и т. п.), являются более трезвыми и требуют гораздо меньшей траты психической энергии, нежели языки, в которых морфологическими экспонентами являются и прибавки в начале слова, и прибавки в конце слова, и психофонетические альтернации внутри слова» ³⁵.

³⁰ Н. А. Баскаков, Морфологическая структура слова в тюркских языках, сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963, стр. 82; см. также: Г. Глисон, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 165—167.

³¹ П. Я. Скорик, Грамматика чукотского языка, ч. 1, М.—Л., 1961, стр. 86.

³² А. М. Кумахов, указ. соч., стр. 161.

³³ М. Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка, М., 1953, стр. 142.

³⁴ К. С. Шакрыл, Аффиксация в абхазском языке, Сухуми, 1961, стр. 9.

³⁵ И. А. Бодуэн де Куртене, Заметки на полях сочинения В. В. Радылова, «Избр. труды по общему языковедению», М., 1963, стр. 185.

Полярную противоположность агглютинирующим языкам в отношении легкости идентификации морфем в слове представляют языки, в которых основной «техникой» объединения морфем является так называемая внутренняя флексия — прерывание в одном или нескольких местах корня аффиксами³⁶. При таком способе соединения морфем чрезмерное увеличение количества морфем в слове нежелательно, так как это может повлечь за собой затруднения в идентификации элементов слова. Неудивительно, что в арабском языке, где основным способом словообразования является внутренняя флексия, максимальная глубина слов не превышает пяти морфем (например, *'istaḥsantuhu* «я нашел его прекрасным», *kahrabā 'iyatun* «электричество», *mu'ğamīyatun* «лексика»).

Естественно, что в языках мира более всего распространена агглютинация и менее всего — внутренняя флексия. Фузия как способ словообразования, промежуточный между агглютинацией и внутренней флексией, вызывает трудности в идентификации морфем и по распространенности несколько уступает агглютинации. В тех языках, где одновременно используется несколько способов словообразования — агглютинация и фузия, агглютинация и внутренняя флексия и т.п. — на величине максимума глубины слов в первую очередь отражается способ словообразования, являющийся ведущим для того или иного языка. Например, в арабском языке, где ведущий способ словообразования — внутренняя флексия, а второстепенный — агглютинация, определяющим фактором для величины максимума глубины слов является внутренняя флексия, а в русском языке, где наряду с фузией используется агглютинация, определяющим фактором является фузия.

*

Гипотеза о совпадении максимумов глубины и длины слов с величиной объема оперативной памяти человека подтверждается на доступном нам материале языков разных типов.

Максимумы глубины и длины слов не превышают в разных языках 7 ± 2 морфем и слогов. Однако в каждом языке встречаются единичные слова, превышающие этот предел. Может создаться впечатление, что из-за такого рода случаев нельзя с уверенностью говорить о существовании максимумов глубины и длины слов и точной величине этих максимумов. Это впечатление оказывается иллюзией, если мы взглянем на язык как на стихийно регулируемую знаковую систему, в которой возможны нормы и отклонения от них. Типичный предел глубины и длины слов в естественных языках хорошо согласуется с интервалом в 7 ± 2 морфем и слогов и этот интервал действителен для всех стилей языка и прежде всего для стилей, ориентированных на устную форму выражения. В других стилях речи, не ориентированных на устную форму выражения, употребление слов сверхмаксимальной глубины и длины более вероятно, так как при пользовании этими стилями создаются благоприятные условия, облегчающие восприятие речи.

Рассмотрим, например, стиль научной прозы. Необходимость в точности и всесторонности обозначения научных понятий вызывает к жизни очень глубокие и длинные слова, а ориентация на письменную форму выражения облегчает восприятие таких слов. Однако язык един, и невозмож-

³⁶ А. М. Пешковский дает следующее определение формы слова для этих языков: «Здесь... уже трудно говорить о распадении слова на части и, расширяя наше определение формы слова ко всем языкам человеческим, нам придется несколько сложнее, но зато точнее и научнее, определить форму слова как способность его выделять по звукам и по значению в сознании говорящего и слушающего двоякого рода элементы: вещественные и формальные» (см.: А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М.—Л., 1928, стр. 23).

но систематическое нарушение его структуры в любом из его стилей. Поэтому в большинстве языков избегается компрессия всех морфем, расширяющих научное понятие в одном слове, и основной смысловой единицей становится словосочетание. Исключение составляют языки, в которых максимально глубокие и длинные слова распространены во всех стилях речи, но и здесь превышение максимума в 7 ± 2 морфем и слов избегается, так как оно может привести к затруднению понимания текста. Сравним ряд эквивалентных терминов по автотракторной технике в немецком, французском, английском и русском языках (см. табл. 4).

Таблица 4
Термины-словосочетания и термины-слова в четырех языках

Русский	Французский	Английский	Немецкий
Регулятор максимального числа оборотов	limiteur de vitesse maximum	maximum speed governor	Höchstgeschwindigkeitsregler
Кузов-самосвал, опрокидывающийся назад	benne basculante à (vers) l'arrière	end dump body	Hinterkipperaufbau
Многоосный автомобиль	voiture à plusieurs essieux	multiple-axle vehicle	Mehrachsfahrzeug mehrachsiges Fahrzeug
Соединительная штанга кронштейнов фар	tige d'accouplement des portephares	headlamp support	Scheinwerferstützenverbindungsstange
Рычаг прерывания магнето	marteau de rupteur de magnéto	magneto-breaking arm	Unterbrecherhebel des Magnetzünders
Зазор между торцом поршневого кольца и канавкой поршня	jeu radial du segment de piston	piston-ring side clearance	Kolbenringflankenspiel; Flankenspiel des Kolbenringes

Из приведенных в табл. 4 примеров видно, что термины английского, французского и русского языков представляют собой сочетания слов средней глубины и длины, а термины немецкого языка—в большинстве случаев сложные слова максимальной глубины и длины (хотя наряду с ними употребляются и словосочетания). Это вполне объяснимо продуктивностью во всех стилях немецкого языка соответствующих моделей сложных слов, что создало этому языку репутацию одного из наиболее громоздких и трудных для изучения языков. Симптоматично, что несмотря на относительно большую частотность в немецких научно-технических текстах слов значительной глубины и длины, слова сверхмаксимальной глубины и длины встречаются в них так же редко, как в аналогичных текстах на других языках. Вне зависимости от языка такое превышение неизбежно происходит, в частности, при передаче словами языка химических формул (ср., например, нем. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11a, 12 β, 14β— *Tetradecahydro* — 2β — *hydroxy* — 8β — (4 *oxopentyl*) — 12β — *methyl* — 7 — *oxophenanthren* и соответственно русск. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11a, 12β, 14β— *тетрадекагидро* — 2β — *гидрокси* — 8β — (4 *оксопентил*) — 12β — *метил* — 7 — *оксофенантрен*).

Эффект саморегуляции языка ярче всего проявляется при аббревиации усложненных слов в научно-технических текстах. Увеличение частоты употребления усложненного слова приводит к его сокращению (например, *пировинилпирролидон* — ПВП, *радиовысомер* — РВ, *парогазогенератор* — ПГГ). Прослеживается следующее характерное проявление

оптимализации структуры языка: многие научные понятия, как уж отмечалось выше, не могут быть выражены в форме одного слова без опасности для носителей языка превышения максимума глубины и длины слова; усложненное слово, не успев появиться на свет, как бы взрывается и из его осколков строится термин-словосочетание; термин-словосочетание становится наряду с изолированным словом-термином основной единицей научно-технического языка; это значительно затрудняет пользование языком; выход может быть найден только в возвращении к форме отдельного слова или квазислова; словосочетание сжимается в такое квазислово-аббревиатуру; первоначальное состояние относительного равновесия в языке восстанавливается. В результате подобных процессов происходит замена словосочетаний аббревиатурами-квазисловами: *НАФК* (нафтофуранкарбоновая кислота), *ПАСК* (параминосацциловая кислота), *БЕТАБ* (броневойная авиационная бомба), *БЭРМ* (бронезащитная машина), *СПЭД* (санитарно-противоэпидемическая дружина), *ПУ* (полиэфиропуреновый клей) и др.³⁷

Изучение функционирования слов в различных стилях убеждает в универсальности законов языка, распространяющихся на все его стилистические разновидности.

Однако дифференцированный подход к языку предполагает учет всех вариаций его использования, всех отклонений от величин, средних для языка в целом. Приведем несколько фактов, показывающих вариативность языковых констант.

Средняя глубина слов английского языка при измерении ее по нескольким источникам разной стилистической отнесенности колебалась от 1,60 до 1,68 морфем на слово, а немецкого языка — от 1,90 до 2,11 морфем на слово³⁸.

Различия в распределении слов по количеству слогов можно показать на примере различных стилей румынского языка (см. табл. 5)³⁹.

Таблица 5
Распределение слов по количеству слогов (в %)
в румынских текстах (по Э. Николау)

Автор и текст	Число слогов					
	1	2	3	4	5	6
Эминеску, поэзия	58,0	26,3	11,9	3,4	0,3	—
Аргеши, поэзия	52,5	30,0	13,6	3,1	—	—
Садовяну, проза	45,5	28,4	18,6	6,68	0,70	—
Справочник по пунктуации	36,8	21,5	22,2	14,1	5,0	1,1
Гражданский кодекс	40,0	22,2	16,0	15,8	4,85	—

Среднее количество слов на слово в румынской поэзии равно 1,6 слогов на слово, в художественной прозе — 2,15, в юридических текстах — 2,2 и в лингвистических текстах — 2,34.

³⁷ Такие процессы происходят во всех естественных языках. Например, в классическом китайском языке — *чэньчэнь* — количество аббревиатур возрастало с увеличением числа многосложных слов и сочетаний этих слов. Один из китайских грамматистов комментирует это явление следующим образом: «Несмотря на, казалось бы, противоположный характер тенденций к образованию аббревиатур, с одной стороны, и многосложных слов — с другой, первые фактически появились в результате роста вторых: потребность в сокращениях может появиться лишь при наличии большого количества многосложных слов. Если бы не было многосложных слов и каждое слово равнялось иероглифу, то было бы нечего сокращать даже при всем желании это сделать» (Люй Шу-сян, Очерк грамматики китайского языка, ч. 1 — Слово и предложение, М., 1961, стр. 43).

³⁸ Д. Ж. Гринберг, указ. соч., стр. 93.

³⁹ S. Marcus, E. Nicolau, S. Stati, указ. соч., стр. 274.

На материале немецкого языка установлена любопытная закономерность: чем выше средняя длина слова в данном стиле, тем выше и средняя длина предложения в этом стиле, точнее — с увеличением средней длины слова на 0,05 слогов, средняя длина предложений увеличивается на 5 слов⁴⁰. Средняя длина слова в диалогах равна 1,547 слогов, в авторской речи — 1,721 слогов, а соответствующие средние длины предложений равны 14 словам и 25,28 слов⁴¹. Эта закономерность является хорошей иллюстрацией взаимообусловленности различных ярусов языка. Вероятно, она также выявится при сопоставлении глубины слов с глубиной предложений.

Варьированию средних величин глубины и длины слов в различных стилях языка соответствует варьирование употребительности слов около максимальной глубины и длины в том или ином стиле. Поэтому эти величины разумно определять для одного и того же языка в зависимости от стиля, а при типологическом сравнении языков опираться на данные, извлеченные из текстов одних и тех же стилей.

Как бы ни отличались величины максимальной глубины и длины слов в разных стилях пределы варьирования этих величин лишь в исключительных случаях не совпадают с пределами объема оперативной памяти человека. Для того чтобы опровергнуть гипотезу о связи максимумов глубины и длины слов в естественных языках с величиной объема оперативной памяти, необходимо найти такие естественные языки, где нарушение этой связи наблюдалось бы не в единичных случаях, а систематически. Нам такие языки неизвестны, и, исходя из общих соображений о природе языка, можно сомневаться в том, что они существуют.

*

Все естественные языки, несмотря на глубокие различия между ними, построены на основе принципа оптимального кодирования — большинство слов языка имеет глубину и длину, расположенную в наиболее благоприятном для порождения и восприятия речи интервале и меньшинство — в менее благоприятных интервалах.

Как показывают многочисленные факты, наиболее благоприятным для носителей языка является интервал от 1 до 4 морфем и слогов, а менее благоприятным — от 4 морфем и слогов и выше. Частота слов глубиной и длиной от 1 до 4 морфем и слогов составляет в разных языках от 90 до 99,9% суммарной частоты всех слов. Дальше — от 5 до 9 морфем и слогов уже начинает сказываться ограниченность объема оперативной памяти человека, и слова большой глубины и длины употребляются намного реже. Это находит экспериментальное подтверждение в психолингвистических опытах. Когда испытуемым предлагали расчленить на слова речевую цепь, состоящую из набора слогов, не имеющих смысла, они всем другим возможным в условиях опыта размерам псевдослов предпочитали длину в два-три слога⁴².

Принцип оптимального кодирования проводится в языках с поразительной последовательностью.

Показателен следующий пример. В одном из наиболее распространенных искусственных языков (около 1 млн. говорящих) — эсперанто — с целью оптимизации структуры языка введено правило необходимости и достаточности, требующее включения в слово только тех морфем, которые необходимы и достаточны для выражения понятия. Следовало бы ожидать, что использование этого правила существенно уменьшит коли-

⁴⁰ Н. А г е н с, указ. соч., стр. 7.

⁴¹ Там же, стр. 55.

⁴² Ю. А. К л а а с, указ. соч., стр. 201.

чество слов околомаксимальной глубины и длины в этом языке. Действительно, не только в нормализованном языке официальных изданий на эсперанто, но и в повседневной речи носителей этого языка максимум глубины и длины слов не поднимается выше 6 морфем и слогов (ср. слова типа *nerevenigebla* «невозвратимый», *malsupreniranta* «нисходящий», *neplibonigebla* «неисправимый»).

Однако, несмотря на явную эффективность применения этого правила, исключаящево вероятность появления слов сверхмаксимальной глубины и длины, распределение слов по глубине и длине в эсперанто существенно не отличается от распределения этих величин в естественных языках Европы, так как в этих языках лишь незначительный процент слов (не более 3%) превышает глубину в 6 морфем и длину в 6 слогов. Тенденцию к оптимализации, действующую во всех естественных языках, легко заметить, сравнивая частоту слов с их длиной. Чем реже встречается слово, тем оно длиннее (см. табл. 6).

Таблица 6

Корреляция между частотой слов и их длиной в английском языке (по С. Вэйжеру)¹

Ранг слова	Первые 50 слов	100	200	300	400	500	600	700	800	900	1000	1500
Длина слов (в буквах)	2.88	3.34	3.90	4.15	4.38	4.57	4.67	4.77	4.84	4.91	4.97	5.34

¹ S. J. W a k e r, Ontogenetic evidence of a correlation between the form and frequency of words, «Journal of general psychology», 44, 1951, стр. 247.

Э. Л. Торндайк подвел итог своим наблюдениям подобных явлений следующим образом: «Мы нашли доказательство того, что различия в частоте даже тех слов, которые встречаются менее, чем два раза на миллион слов, связаны с различиями в числе слогов или фонем»⁴³.

Действие принципа оптимального кодирования проявляется при выполнении всех четырех функций языка: предметной (изобразительной), призывной (аттрактивной), выразительной и эстетической (поэтической)⁴⁴. В большинстве стилей языка основной является предметная функция, ставящая в центре внимания сам предмет сообщения. В этих стилях наблюдается обычная картина распределения слов по глубине и длине с окказиональным превышением максимумов глубины и длины (например, в стиле научной прозы, рассмотренном выше). В тех же случаях, когда основной для данного стиля является не предметная, а иная функция — призывная, выразительная или эстетическая — внимание носителей языка отвлекается от предмета сообщения и переключается либо на адресат сообщения (призывная функция), либо на его адресант (выразительная функция), либо на самое структуру слова (эстетическая функция). Переключение внимания с предмета сообщения на другие его стороны вызывает необходимость в таком изменении состава сообщения, чтобы в нем отсутствовали элементы, затрудняющие восприятие сообщения, т. е., в частности, слова околомаксимальной глубины и длины. Этим объясняется сокращение до минимума в поэзии количества слов околомаксимальной глубины и длины (см. табл. 2 и 5). Замечательный пример оптимализации размеров слов в связи с выполняемой ими функцией представляют собой словесные товарные знаки. Основной функцией товарного знака является аттрактив-

⁴³ E. L. T h o r n d i k e, Studies in the psychology of language, «Archives of psychology», 201, 1938, стр. 67.

⁴⁴ Классификация функций языка дается согласно концепции Пражской лингвистической школы: См.: J. M u k a ř o v s k ý, Basnické poimenování a estetická funkce jazyka, в кн.: J. M u k a ř o v s k ý, Kapitoly z české poetiky, I, Praha, 1948, стр. 159.

ная — привлечь внимание покупателя к данному товару. С этим связана и эстетическая функция товарного знака — более благозвучное название, название, вызывающее приятные ассоциации. И, наконец, как и все слова языка, товарный знак выполняет функцию обозначения, он является именем товара ⁴⁵. Разумеется, что товарные знаки околоразумительной глубины и длины не могут успешно выполнять своего назначения, так как сами их размеры затрудняют их восприятие и, следовательно, сводят на нет их силу воздействия на покупателя.

Все фирмы стремятся использовать товарные знаки оптимальных размеров — от 2 до 4 слов и от 2 до 4 морфем (знаки в 1 слове и 1 морфему не обладают достаточной различительной силой и поэтому являются нежелательными). Однако существующее законодательство запрещает использование знаков, сходных по написанию и произношению с ранее зарегистрированными знаками, и так как к настоящему времени многие возможности создания слов оптимальной глубины и длины уже использованы, выбор для фирмы нового товарного знака становится серьезной лингвистической и юридической проблемой. 30—40 лет назад достаточно легко было найти неиспользованный товарный знак длиной в 2—3 слога и зарегистрировать его в качестве товарного знака фирмы. Сейчас, когда большинство возможных благозвучных слов длиной в 2—3 слога уже заняты, поиски возможностей создания новых товарных знаков переносятся на интервал в 4—5 слогов ⁴⁶, а для интервала в 2—3 слога проводятся специальные лингвистические исследования с применением вычислительных машин, ставящие целью выяснить, не осталось ли свободных слов этих размеров ⁴⁷.

Несмотря на сложности, связанные с выбором товарного знака в виде слова размером в 2—4 слога, фирмы весьма неохотно прибегают к более длинным словам. Объективные законы лингвистического поведения людей являются препятствием, которое сознательно или бессознательно учитывается в торговой рекламе. Товарные знаки околоразумительной глубины и длины используются в очень редких случаях — например, в названиях лекарственных препаратов, где наиболее полно отражается состав или назначение лекарства (ср. *antihistaminique, antisclerosin, entomycetin* и др. ⁴⁸). Но и в этих случаях длина слова никогда не превышает 9 слогов, а глубина — 5—7 морфем (в практике экспертизы на новизну товарных знаков почти не встречается слов длиннее 5 слогов) ⁴⁹. Интересно и то, что описанный выше процесс «взрыва» слова сверхмаксимальных размеров, использования вместо слова словосочетания и последующего сворачивания словосочетания в квазислово находит своеобразное преломление на материале товарных знаков. Словосочетания как товарные знаки получают со временем все большее распространение в связи с трудностью нахождения новых свободных слов, не превышающих оптимальных размеров. Для об-

⁴⁵ Товарные знаки во многих чертах сходны с именами собственными, которые, однако, в отличие от товарных знаков, в основном выполняют функцию обозначения. Интересно отметить, что глубина и длина слов-антропонимов и топонимов, по всей вероятности, редко превышает максимум в 7 ± 2 слогов и морфем. Некоторые данные о глубине топонимов в украинском языке см. в ст.: М. М. Пещак, Про один із підходів до вивчення словотвору топонімів, сб. «Структурно-математична лінгвістика», Київ, 1965, стр. 84—106.

⁴⁶ Y. Gyl den, Rational construction of trade marks, «Statistical methods in linguistics», 2, Stockholm, стр. 100—109.

⁴⁷ «Hague's trademark thesaurus with calibrated word-formation computer dials», Chicago, 1964.

⁴⁸ См.: V. Gevers, Repertoire alphabétique des marques internationales, I, Bruxelles, 1966.

⁴⁹ М. Hamata, Fonetika jako hledisko rešerše v oblasti ochranných znaměk, «Ochranné známky a chráněné vzory», 1, 1966, стр. 9.

лечения восприятия товарного знака — словосочетания иногда используется вспомогательное средство — рисунок. Например, известный товарный знак одной из французских фирм *laughing cow* сопровождается изображением «смеющейся» коровы, а товарный знак одной из американских фирм — *blue goose* — изображением синего гуся и т. п. Чаще прибегают к сворачиванию сочетания слов в квазислово оптимальных размеров — ср. чешский товарный знак *zrofa (srojené podniky pro zdravo tnickou výrobu)* или русский *МЗМА (Московский завод малолитражных автомобилей)*.

Рассматривая использование языка в его разнообразных функциях, мы опять приходим к подтверждению гипотезы о связи максимумов глубины и длины слов с величиной объема оперативной памяти человека. При использовании языка во всех его функциях последовательно проявляется существующая в языке тенденция к использованию слов оптимальных размеров и избеганию превышения максимумов глубины и длины слов.

*

Вышеуказанные соображения о пределах глубины и длины слов в естественных языках поддаются проверке в рамках теории порождающих грамматик типа аппликативной модели С. К. Шаумяна, получая при этом соответствующую интерпретацию.

В аппликативной модели образование слов осуществляется путем последовательного прибавления к корню, обозначаемому символом O , четырех реляторов (R_1 — аналог глагола, R_2 — аналог существительного, R_3 — аналог прилагательного, R_4 — аналог прилагольного наречия и R_5 — аналог приадективного наречия). Процесс словопроизводства представляется в терминологии В. Уорфа в виде последовательного прибавления к корню, принадлежащему к одной из избирательных категорий языка, ряда модулей — показателей категорий, модулирующих избирательные категории⁵⁰. Например, слово *слепящий* образуется в результате трех тактов порождения: 1) *слепой* (R_3O); 2) *слепил* (R_1R_3O) и *слепящий* ($R_3R_1R_3O$), а слово *расхоложивающий* — в результате шести тактов: 1) *холод* (R_2O); 2) *холодил* (R_1R_2O); 3) *расхолодил* ($R_1R_1R_2O$); 4) *расхоложивал* ($R_1R_1R_1R_2O$); 5) *расхоложивающий* ($R_3R_1R_1R_1R_2O$) и 6) *расхоложивающе* ($R_4R_3R_3R_1R_1R_2O$).

Количество тактов порождения отражает степень производности слова⁵¹ и так же, как и количество морфем в слове, имеет свой верхний предел в каждом естественном языке. Слово в его окончательном виде как совокупность нескольких морфем является проекцией всех актов словообразования, приведших к его созданию, на линейную ось. Однако из этого не следует, что количество тактов порождения слов всегда равно количеству морфем в слове. Такие способы образования слов, как конверсия, отсечение аффиксов, чередование звуков и изменение места ударения, увеличивают количество тактов порождения слов, но не приводят к увеличению числа морфем в слове. Поэтому в ряде случаев, когда отказывают обычные методы словообразовательного анализа, учитывающие только элементы, эксплицитно выраженные в слове, целесообразно применение трансформационной методикки типа той, которая используется при порождении слов в аппликативной модели⁵².

Понятие глубины слова, определяемое как количество морфем в слове,

⁵⁰ В. Л. Уорф, *Grammatical categories*, «Language», XX, 1, 1945.

⁵¹ О понятии производности слов в этом смысле см.: W. L. Грэфф, *Language and languages. An introduction to linguistics*, New York — London, 1932, стр. 152; Г. О. Винокур, *Заметки по русскому словообразованию*, в его кн. «Избр. работы по русскому языку», М., 1959, стр. 440—441.

⁵² См.: П. А. Соболева, *О трансформационном анализе словообразовательных отношений*, сб. «Трансформационный метод в структурной лингвистике», М.,

не учитывает фактора невыраженной производности. Насколько это обрушивает реальную картину словообразования, сказать в настоящее время трудно, однако ясно, что при анализе большой совокупности слов результаты измерения глубины слов без учета нелинейных моделей словообразования и с их учетом не обнаружат существенных различий. В целях статистического анализа глубины слов и вообще объективного анализа, который можно произвести с помощью вычислительных машин, принятое нами определение глубины слов является более предпочтительным по сравнению с другим, которое требовало бы также учета невыраженной производности⁵³.

Исследования процесса порождения слов, проведенные в терминах аппликативной порождающей модели, показали, что в русском языке максимальное количество тактов порождения слов (с учетом случаев невыраженной производности) равно 8 (например, при порождении слова *допризывница*: 1) *звал* (R_1O); 2) *призвал* (R_1R_1O); 3) *призывал* ($R_1R_1R_1O$); 4) *призыв* ($R_2R_1R_1R_1O$); 5) *до призыва* ($R_4R_2R_1R_1R_1O$); 6) *допризывный* ($R_3R_4R_2R_1R_1R_1O$); 7) *допризывник* ($R_2R_3R_4R_2R_1R_1R_1O$); 8) *допризывница* ($R_2R_2R_3R_4R_2R_1R_1R_1O$)⁵⁴.

Близкое этой цифре количество в 10 тактов было получено на украинском материале при измерении количества тактов порождения с ориентацией на количество морфем в слове⁵⁵.

Обе цифры 8 и 10 соответствуют верхнему пределу глубины слов в естественных языках. Следует ожидать, что в соответствии с известными фактами о средних и максимальных величинах глубины слов в естественных языках основная масса слов порождается в интервале от 1 до 4 тактов работы генератора слов, а максимальное количество тактов порождения равно примерно 5—9 тактам в разных языках⁵⁶. Результаты описания динамики порождающего процесса в количестве тактов этого процесса и статистики языка в виде реально наблюдаемых в текстах величин глубины слов оказываются совпадающими.

С точки зрения порождающей грамматики, идущей от смысла слов к их форме, глубина слова является более фундаментальной характеристикой, чем его длина.

Длина слов определяется правилами перехода от уровня морфем к уровню фонем, различными для разных естественных языков. Определяющим при этом для длины слов является количество тактов их порождения, что всецело решается на уровне морфем.

Описание словообразования методами порождающих грамматик еще только начинается, но данные, полученные при измерении глубины слов в текстах на разных языках показывает, что количество тактов порождения слов лишь в редких случаях превышает максимум, равный объему оперативной памяти человека. Процесс порождения слов имеет во всех языках универсальный верхний предел, величина которого определяется характеристиками памяти человека⁵⁷.

1964, стр. 116—117; Е. С. Кубрякова, Что такое словообразование, М., 1965, стр. 53—57.

⁵³ Ср.: В. С. Перебийніс, Дослідження лексичної системи на основі аппликативної породжувальної моделі, сб. «Структурно-математична лінгвістика», Київ, 1965, стр. 65—82.

⁵⁴ См.: С. К. Шаумян, П. А. Соболева, Основания порождающей грамматики русского языка, М. (в печати).

⁵⁵ См.: В. С. Перебийніс, указ. соч.

⁵⁶ Эти выводы относятся как к словам-дериватам, порождение которых осуществляется в генераторе слов аппликативной модели, так и к словам-композиатам, порождаемым в генераторе фраз.

⁵⁷ Ср. следующее высказывание С. К. Шаумяна: «Хотя в математическом плане генератор слов имеет бесконечное число тактов, а генератор фраз может порождать

*

Проверяя предположение о возможной связи между величиной объема оперативной памяти человека и максимальной глубиной и длиной слов в естественных языках, мы выяснили следующие моменты:

1. Лингвopsихологические опыты со всей определенностью указывают на существенность величины объема оперативной памяти человека как фактора, влияющего на легкость восприятия речевых сообщений.

2. Распределение слов по глубине и распределение слов по их длине обнаруживают большое сходство в разных языках.

3. Длина слов в разных языках превышает величину в 7 ± 2 слогов, но в очень редких случаях.

4. Глубина слов в разных языках превышает величину в 7 ± 2 морфем, но также весьма редко.

5. Типологические характеристики каждого языка определяют величину максимума глубины слов: ближе к нижней отметке интервала в 7 ± 2 морфем или к верхней отметке; в частности, агглютинация способствует увеличению глубины слов, а внутренняя флексия препятствует этому.

6. В разных стилях языка слова максимальной глубины и длины встречаются с разной вероятностью, поэтому при типологическом сравнении языков следует опираться на данные, извлеченные из текстов одних и тех же стилей.

7. Во всех стилях естественных языков максимумы в 7 ± 2 слогов и морфем нарушаются не систематически, а лишь в единичных случаях.

8. Все естественные языки построены на основе принципа оптимального кодирования; это, в частности, выражается в том, что большинство¹ слов языка имеет глубину и длину от 1 до 4 морфем и слогов, что благоприятствует беспрепятственному восприятию речи.

9. Превышение максимумов в 7 ± 2 слогов и морфем отмечается прежде всего в тех видах речи, которые ориентированы на выполнение изобразительной функции сообщения и менее всего в тех видах речи, где эта функция является второстепенной, уступая первое место функциям аттрактивной, выразительной и эстетической.

10. Величина глубины слова указывает не только на количество морфем в слове, но и на количество тактов порождения этого слова; большинство слов естественных языков порождается на 1—4 тактах порождающего процесса; верхним пределом количества тактов порождения в данном языке является максимальная глубина слов в этом языке.

Факты, собранные нами, подтверждают предположение о том, что максимумы глубины и длины слов в естественных языках совпадают с величиной объема оперативной памяти человека, с той существенной поправкой, что в каждом языке наблюдаются единичные случаи превышения этой величины. Однако эти факты охватывают сравнительно небольшой круг языков и нуждаются в дополнении и уточнении.

Одно из возможных направлений дальнейших работ заключается в проверке гипотезы о том, что величина объема оперативной памяти определяет величину максимального соотношения между единицами двух соседних ярусов в различных знаковых системах, использующихся в человеческом обществе⁵⁸.

фразы бесконечной длины, в реальных языках количество тактов ограничено несколькими тактами, а длина фраз конечна. Эти ограничения следует относить к лингвистическим универсалиям. Задача состоит в планомерном поиске этих универсалий» (С. К. Ш а у м я н, указ. соч., стр. 360—361).

⁵⁸ Материалы настоящей статьи на разных этапах ее написания обсуждались со многими товарищами. Ценные замечания по первому варианту статьи сделали П. А. Соболева и С. К. Шаумян. Приношу искреннюю благодарность всем тем, кто советом и критикой способствовал выполнению этой работы.

А. М. ЩЕРБАК

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПЕРВИЧНЫХ ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Имеющиеся в нашем распоряжении факты прямо или косвенно подтверждают большую древность так называемой первичной долготы и существование фонологической оппозиции долгих и кратких гласных в тюркском праязыке¹. Что же касается проблемы происхождения первичной долготы, то она, несмотря на усилия нескольких поколений тюркологов, остается до сих пор нерешенной. Принципиально ли различие между первичными и вторичными долгими гласными с точки зрения их происхождения или оно является только хронологическим — вот основной вопрос, от характера ответа на который зависит многое в интерпретации фонологической системы тюркского протоязыка.

1. По мнению В. В. Радлова, не выделявшего первичную долготу, любые тюркские долгие гласные образовывались вследствие слияния гласного с согласным или гласного с гласным, после выпадения согласного в сочетаниях типа Г + С + Г (гласный + согласный + гласный)². Приблизительно такой же точки зрения придерживался В. Грэнбек, для которого туркм. *dört* или якут. *tjört* «четыре» — не что иное, как отражения пратюркского *mögart или **möbärt*³. В последнее время точка зрения В. В. Радлова и В. Грэнбека получила новое, оригинальное, предомыслие в работе А. Бишева. Согласно трактовке последнего, долгие гласные, относимые к категории первичных, появились в тюркских языках в результате стяжения сочетаний кратких гласных с *j*. При этом *j* рассматривается А. Бишевым как «вставочный звук», который «в односторонних корнях и грамматических формах с конечным гласным... закрывал открытый слог, а в остальных случаях выполнял связующую роль между корнем (типа С + Г или Г) и аффиксом или между двумя грамматическими элементами»⁴. Так, например, туркм. *bär* «есть» возводится к *bajr, *bär* «давать» (ср. якут. *biär*) — к *bäjr, *biä* «поясница» — к *bäjl, *in* «нисходить» — к *äjn, *dinç* «спокойный» — к *mijnç; якут. *it* «посылать» — к *iðd и т. д.⁵ В чувашском языке *j* мог пере-

¹ См. об этом: А. М. Щ е р б а к. Тюркские гласные в количественном отношении. «Тюркологический сборник», М., 1966.

² W. R a d l o f f, Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen, I.—Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig, 1882, стр. 77 и сл. См. также: Ф. [Е.] К о р ш, Слово «балдак» и долгота гласных в турецких языках, «Живая старина», II—III, год XVIII, кн. 70—71, СПб., 1909, стр. 157. В одной из более поздних работ В. В. Радлов называет в числе причин возникновения долготы необходимость различать одинаково звучащие основы (W. R a d l o f f, Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, «Зап. Имп. АН», ser. VIII, 7, СПб., 1908, стр. 8, 9).

³ V. G r ö n b e c h, Forstudier til tyrkisk lydhistorie, København, 1902 (авторское издание см. в журн. «Keleti Szemle», IV, 1903, стр. 223—240).

⁴ А. Б и ш е в, «Первичные» долгие гласные в тюркских языках, Уфа, 1963, стр. 118.

⁵ Там же, стр. 81, 71, 74.

ходить в положение перед гласным, где он либо сохранял свое качество, либо изменялся в *e*⁶. Возможность контракционного происхождения первичной долготы считают вполне реальной также Л. Лигети и К. Г. Менгес⁷. Совершенно особую позицию занял Ю. Немет, который в статье, опубликованной более полвека назад, объясняет происхождение первичной долготы гласных в якутском языке⁸ не сокращением слогов или выпадением звуков, а особенностями древней акцентуации⁹. Е. Д. Поливанов, не отрицавший существования общетюркских долгих гласных, высказал предположение, что на якутской почве «развитие долготы... можно приписать влиянию звонкости следующего согласного»¹⁰. Для Ф. А. Абдуллаева образование первичных долгих гласных в тюркских языках — процесс, происходивший в целях различения омонимов и предохранения гласных от редукции¹¹.

Доводы, приводимые для обоснования изложенных выше точек зрения, многочисленны и разнообразны. В. В. Радлов находит опору в тех данных, которые характеризуют процесс образования долгих гласных в современных тюркских языках. В. Грэнбек ссылается на примеры типа *kāvak* «синий», *tāvadā* «четыре», *tāvar* «соль» в чувашском языке. Л. Лигети, полагая, что вопрос о природе пратюркской долготы следует решать в общеалтайском плане, использует такие параллели, как тюрк. *tuɣ* (*tūɣ) «соль», монг.-письм. *dabusun*; тюрк. *kün* (*kün) «народ», монг.-письм. *kütün* «человек»; тюрк. *toɣ* (*tōɣ) «пыль», монг.-письм. *toɣusun*; тюрк. *tor* (*tör) «сеть, ловушка», монг.-письм. *toɣur*; тюрк. *çib* (*çib) «сырой, влажный», монг.-письм. *çigig*. С позиций алтаистики выступает и К. Г. Менгес, для которого ключом к решению проблемы первичных долгих гласных является структурно-фонетическое расхождение тюрко-монгольских лексических параллелей: односложным словам с долгими гласными тюркских языков соответствуют двусложные слова с обычными гласными в монгольских языках, ср. тюрк. *kök «небо», монг.-письм. *xūte* < *kükä; тюрк. *ab «охота», монг.-письм. *aba*; тюрк. *māi «камень», монг.-письм. *čilaɣun* < *tila-ɣun и т. д. Это расхождение наводит К. Г. Менгеса на мысль о том, что в алтайском праязыке не было долгих гласных, а долгие гласные в тюркском праязыке появились как следствие количественной компенсации (Ersatzdehnung) выпавшего конечного глас-

⁶ Там же, стр. 118.

⁷ L. Ligeti, Les voyelles longues en turc, JA, CCXXX, avril — juin, Paris, 1938, стр. 197—201; K. Menges, Einige Bemerkungen zur vergleichenden Grammatik des Türkmenischen, AO, XI, 1, Praha, 1939, стр. 19. Уже после отправления статьи в редакцию журнала была опубликована работа М. И. Боргоякова, в которой постулируется особый путь контракционного развития первичной долготы, путь так называемого позиционного удлинения: «...широкие гласные, оказавшись в позиции перед узкими гласными, удлинялись. В дальнейшем в некоторых из них конечные узкие гласные выпали, но долгота сохранилась» (М. И. Боргояков, Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке, «Уч. зап. [Хакасского НИИЯЛИ]», XII, Абакан, 1966, стр. 91, 92).

⁸ J. Nemeth, Die langen Vokale im Jakutischen, KSz, XV, Budapest, 1914—1915, стр. 163—164. По мнению Ю. Немета, первичная долгота гласных — чисто якутское явление, и чувашские примеры, так или иначе отражающие долготу, — ранние заимствования из якутского языка, ср. чуваш. *čavāt* «вести» < др.-якут. *bāt* > якут. *čūt* (стр. 161).

⁹ С особенностями древней акцентуации Г. Рамстедт связывает также прачувашские долготы (см.: G. J. Ramstedt, Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen, JSFOu, XXXVIII, 1, 1922—1923, стр. 11).

¹⁰ Е. Д. Поливанов, К вопросу об обще-тюркской долготе гласных, «Бюллетень 1-го Средне-Азиатского Государственного университета», 6, апрель, Ташкент, 1924, стр. 157.

¹¹ Ф. Абдуллаев, Чўзиқ униларнинг табиати тўғрисида, журн. «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», 1959, 3, стр. 29—33.

ного¹². Для системы доказательств Ю. Немета большое значение имеет присутствие долгих гласных только (?) в односложных словах якутского языка. В определенной группе односложных слов, пишет он, слоги были двухвершинными с основной второй вершиной, которая при изменении структуры слова перемещалась на второй или третий слог; гласный первого слога, утрачивая одну из вершин, становился кратким. Е. Д. Поливанов указывает на связь между долготой/краткостью гласных и звонкостью/глухостью последующих согласных в индоевропейских языках¹³. А. Бишнев пользуется в основном теми же аргументами, что и В. В. Радлов.

Рассмотрим изложенные выше доводы более подробно.

Факт образования вторичной долготы в результате выпадения согласных и слияния гласных бесспорен, так как в тюркских языках сохраняются наряду со стяженными формами полные. Иначе обстоит дело с первичной долготой. Пока никому не удалось привести достоверных примеров соответствия первичного долгого гласного какому-нибудь сочетанию гласного с согласным или гласного с гласным. Поэтому ссылка В. В. Радлова и В. Грэнбека на случаи образования вторичной долготы при объяснении природы первичных долгих гласных не убедительна¹⁴. Чувашские формы *кавак*, *таваба* и *тавар* (ср. якут. *күөх*, *түөрт*, *түс*; туркм. *gök*, *dört*, *öz*) не обязательно должны быть первичными по отношению к туркменским и якутским. Если допустимо развитие долгого гласного из дифтонга, то вполне вероятен и обратный процесс, т.е. дифтонгизация долгого гласного¹⁵. Точка зрения Л. Лигети была рассмотрена нами в одной из предыдущих работ¹⁶. Что касается гипотезы К. Г. Менгеса, то она требует специального разбора.

Замечание Ю. Немета относительно особого положения односложного слова в якутском языке основано на реально существующих фактах. Дей-

¹² К. Мендес, указ. соч., стр. 19. М. Ряснен, напротив, считает, что тюркские языки отражают исконное положение, тогда как монгольские утратили долготу гласных [см.: М. Räsänen, Zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen, Helsinki, 1949 («Studia orientalia», XV), стр. 69]. Первичные долгие гласные в протомонгольском языке реконструирует Широ Хаттори, опирающийся на материалы монгорского и, в меньшей мере, дагурского языков (Shiro Hattori, The length of vowels in Proto-Mongol, «Studia Mongolica Instituti Linguae et litterariae Comitetti Scientiarum et Educationis Altae Reipublicae Populi Mongoli», I, 12, Ulaanbaatar, 1959). См. также: Н. Порре. The primary long vowels in Mongolian, JSFOu, 63, 2, Helsinki, 1962. Однако Г. Дёрфер отрицает наличие первичных долгих гласных в монгольских языках. (G. Dörfer, Sprachbau, «Handbuch der Orientalistik», Erste Abteilung, V, 2, Abschnitt — Mongolistik, Leiden — Köln, 1964, стр. 53; ср.: его же, Langvokale im Urmongolischen», JSFOu, 65, 4, Helsinki, 1964).

¹³ Е. Д. Поливанов, указ. соч., стр. 157. См. также: A. Martinet, Phonology as functional phonetics, London, 1949 («Publications of the Philological society», XV), стр. 8.

¹⁴ Против точки зрения В. Грэнбека, сразу же после выхода в свет работы последнего, выступил Х. Педерсен (H. Pedersen, Türkische Lautgesetze, ZDMG, 57, III, 1903, стр. 538—540); критику этой точки зрения содержит также рецензия К. Г. Менгеса на книгу Г. Ярринга «Studien zu einer osttürkischen Lautlehre» («Östtingische gelehrte Anzeigen», 196. Jg., 9, 1934, стр. 365). См. также: Н. Н. Попе, Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам. IV, «Изв. Российск. АН», VI серия, XIX, 9—11, 1925, стр. 407, 408.

¹⁵ Как установила А. С. Каныкова, в чувашских диалектах тури и анатри на месте пратюркского *ö выступает дифтонгообразный *yö*: *çyök* «нет» (< *öök), *nyüt* «быть» (< *nöit), *nyütä* «наполняться» (< *nöit) (А. С. Каныкова, Некоторые особенности диалектов чувашей тури и анатри, сб. «Материалы по чувашской диалектологии», I, Чебоксары, 1960, стр. 84). С другой стороны, в говоре ставропольских туркмен «все долгие гласные имеют тенденцию переходить в дифтонги» (С. Курепов, Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья). Автореф. канд. диссерт., Ашхабад, 1959, стр. 7).

¹⁶ А. М. Щербак, О тюркском вокализме, сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963.

ствительно, в якутском языке наблюдается исчезновение долготы (дифтонгоидности) гласных при изменении односложного слова в многосложное, хотя этот процесс и не носит характера всеобщей закономерности, ср. *biḥs* «пять», *biḥskā* «пяты», *biḥstān* «из пяти», *bāḥis* «пятый», *biḥr* «дай», *biḥrār* «дает», *bāris* «поделись, отдай часть»; *kiḥn* «форма, модель, фасон», *kiḥbir* «хвалится, „фасонит“». Попытка объяснить происхождение первичных долгих гласных особенностями акцентуации является важным шагом вперед.

Связь между долготой/краткостью гласного и звонкостью/глухостью последующего согласного имеет в тюркских языках не ту направленность, о которой говорит в своей статье Е. Д. Поливанов. Не долгота гласного обусловлена звонкостью последующего согласного, а наоборот: звонкость согласного находится в прямой зависимости от долготы предшествующего гласного. После краткого гласного шумный согласный относительно долгий, сильный и поэтому не подвергается озвончению, после же долгого гласного он произносится кратко, слабо, что и располагает его к приобретению звонкости. Допустить, что долгота гласного вызвана влиянием последующего краткого (resp. звонкого) согласного в связи с действием закона просодического равновесия слога, невозможно хотя бы потому, что перед сонантами встречаются не только долгие, но и краткие гласные, а в односложных словах с конечными долгими гласными вообще нет согласных.

Примеры на стяжение группы «гласный + *j*» с последующим образованием долгого гласного, собранные в статье А. Бишева, представляют частный случай развития вторичной долготы и не имеют никакого отношения к первичным долгим. Наличие дифтонга в одном языке, при соответствии ему долгого гласного в другом тюркском языке, не свидетельствует в пользу указанной точки зрения. Долгие гласные в праязыке могли реализоваться как в монофтонгах, так и в дифтонгах, тем не менее в основе соответствующей фонологической оппозиции лежало количество, а не качество гласных. Следует обратить внимание и на другое обстоятельство. Анализ всех односложных слов, выступающих в тюркских языках и допускающих в исходе группу из двух согласных, показывает, что в них соответствующие группы состоят в абсолютном большинстве случаев из сочетания сонанта с шумным согласным, ср. др.-тюрк. *kirk* «сорок», *jurḥ* «владение, страна», *ant* «клятва», *kaḥm* «вернись», *kurḥ* «червь», *tört* «четыре», *aḥm* «скажи», *inḥ* «покой», *sanḥ* «пронзи». Сочетаний двух сонантов или шумного согласного с сонантом в конце собственно тюркских слов не бывает. Особенно фантастичным является сочетание *jj*, которое должно быть восстановлено, согласно точке зрения А. Бишева, в следующих праформах: **ajj* «луна» (> туркм. *āj*), **jajj* «лук» (> туркм. *jāj*), **jyjj* «мыть» (> якут. *сүј-ј*). По поводу интерпретации конечных согласных как аффиксов, присоединение которых сопряжено с использованием «вставочного» *j*, можно сказать одно: присоединение согласных к гласным в тюркских языках осуществляется без посредства «вставочного» *j*.

Образование фонетических различий и фонологизация их под влиянием происходящей в языке семантической дифференциации маловероятны. Обычно новые оппозиции возникают на основе уже имеющих фонетических различий и используются в целях смысловаразличения.

II. Переходя к разбору гипотезы К. Г. Менгеса, отметим, что примеры соответствия односложным корням двусложных прослеживаются не только в тюрко-монгольских параллелях, но и в пределах самих тюркских языков.

В целях проверки указанной гипотезы необходимо установить, имеется ли более или менее регулярная связь между возможностью обнаружения второго слога и первичной долготой гласных.

II. 1. В современных тюркских языках, исключая чувашский, насчитывается более 50 корней с двумя структурными разновидностями — односложной и двусложной, ср.:

алт. *арі-* «уставать; худеть»
 туркм. *бәрі-* «богатеть»
 туркм. *бүрі-* ~ *бүра-* «сохнуть»
 туркм. *бата-* ~ *бат-* «затвердевать»
 туркм. *јача-* «приклоняться боком к чему-л.»

башк. *јәјә* «лук»
 тур. *јәл* «грива»

туркм. *јөрә-* ~ *јөр-* «ходить»
 ж.-уйг. *каса* «гусь»
 кирг. *кајі-* «скользить по поверхности; парить»
 тув. *кәә-* «бродить»
 кирг. *кәіс-* «накаляться; нагреваться»
 тув. *өрү-* «плести»
 кирг. *өрү-* «подниматься (в гору)»

тув. *сірі-* «шить в строку»
 алт. *сору-* ~ *сөр-* «сосать»
 кирг. *таі-* ~ *таа-* «остолбенеть; упасть в обморок»
 башк. *таі-* «пробовать, „вкусать“»
 кирг. *таш-* «переливаться через край; выходить из берегов»
 кирг. *тәрі-*, туркм. *дәрі* «кока»
 алт. *тәлү* «род, поколение»

кирг. *үрү-* «следовать за кем-л.»
 тур. *үрү-* «лаять»
 туркм. *чүјрә-* (*чүјрә-*), азерб. *чүјрү-* «гнить»

туркм. *әр-*, якут. *ір-*
 якут. *бай-*
 якут. *күр-*
 кирг. *кат-*, якут. *хат-*
 кирг. *јан-* ~ *јані-* «подходить сбоку, касаться»
 туркм. *јәј*, якут. *сә*
 туркм. *јәл* «грива», якут. *сәл* «жир на загривке»
 хак. *чөр-*
 туркм. *бәб*
 туркм. *бәј-*
 кирг. *кәә-*, туркм. *гәі-*
 якут. *кис-*, туркм. *біс-*
 туркм. *өр-*
 туркм. *өр-* «подниматься, вставать»
 туркм. *фір-*
 туркм. *фөр-*
 якут. *тәл-*
 туркм. *дәт-*
 туркм. *дәш-*

ж.-уйг. *тәр* ~ *тәрә*
 кирг. *тәл*, туркм. *дәл* «приплод, потомство»
 тур., туркм. *үј-*
 туркм. *чүјр-* (*чүр-*)
 чув. *бәр-*

Приведенные примеры как-будто бы не оставляют никаких сомнений относительно вознаградительного происхождения первичной долготы. Кажется само собой разумеющимся, что туркм. *әр-* «уставать; худеть» *бәб* «гусь», *бәј-* «скользить по поверхности; парить», *өр-* «плести», *өр-* «подниматься, вставать», *фөр-* «сосать», *дәт-* «пробовать, „вкусать“», *дәш-* «переливаться через край, выходить из берегов», *үр-* «лаять», якут. *кис-* «накаляться», *тәл-* «остолбенеть, упасть в обморок» и т. д. восходят к первоначально двусложным корням с обычными гласными, тем более, что возникновение долготы путем компенсации длительности выпавшего слога не исключено для тюркских языков, ср. якут. *бәртим* «я пошел» (< *бар-битим*), *кәлтим* «я пришел» (< *кәлбитим*). И все же возведение туркменских и якутских односложных корней с долгими гласными к двусложным нельзя признать в достаточной мере убедительным.

Во-первых, для значительного количества туркменских и якутских односложных корней с долгими гласными не удается обнаружить двусложных параллелей в других тюркских языках. Далее, если согласиться с тем, что появление первичных долгих связано с утратой конечного гласного или конечного слога, то необходимо полностью исключить возможность употребления долгих гласных в первом слоге двусложных корней. Однако факты туркменского языка препятствуют этому, ср. *әба* «старший брат», *әбла-* «плакать», *әда* «остров», *әја* «ладонь», *әји* «горький», *әра* «середина, промежуток», *бәба* «жаба», *бәјі-* «богатеть», *бүрі-* ~ *бүра-* «сохнуть», *гәмі* «судно, корабль», *дәлі* «град», *дәрі* «желтый», *фәпа-* «гладить», *тәла-* «грабить», *тәна* «ноздря», *чүјрә-* «гнить», *шәна* «сани» и многие другие.

Спрашивается, каковы же причины существования разных структурных вариантов корня?

Еще П. М. Мелиоранский заметил, что «от некоторых турецких глагольных корней образуются путем присоединения преимущественно одного из узких гласных своего рода „распространенные“ корни, в которых не всегда, но нередко, более или менее ясно проглядывает „интенсивное“ значение»¹⁷. Точно такой же вывод сделал А. Н. Кононов, специально подчеркнувший различия в содержании структурных вариантов основы в турецком языке, ср. *kınmak* «хулить» — *kınamak* «придирааться», *kazmak* «рыть» — *kazımak* «скоблить», *kacmak* «бежать» — *kacamak* «увиливать», *kalkmak* «вставать» — *kalkımak* «вскакивать»¹⁸. Нельзя не согласиться с замечанием А. Зайончковского, что если вообще более обычным является упрощение форм, то «в тюркских языках в большинстве случаев мы имеем дело с явлением обратного порядка: благодаря своему агглютинативному строю тюркский литературный язык в процессе своего исторического развития легко воспринимал наращения аффиксов»¹⁹. В поддержку точки зрения П. М. Мелиоранского выступил также в одной из своих работ Э. В. Севортян. Сопоставляя глагольные основы *aç-* и *aça-* «понимать, знать», он приходит к заключению, что источником образования «распространенной» формы (*aça-*) является присоединение к синкретичному (глагольно-именному) корню аффикса и что таким путем образовывались «распространенные» глагольные основы в разных тюркских языках²⁰. Это заключение Э. В. Севортян относит и к именным основам²¹, разделяя положение Ж. Дени о моносиллабизме древнего тюркского корня²².

Хорошо известно, что в тюркских языках встречаются корни, выступающие в качестве и глагольных и именных основ²³, причем есть основания думать, что число подобных корней было некогда более значительным и что по мере приближения к нынешнему состоянию оно уменьшалось, вследствие явно выраженной тенденции грамматического «прояснения». В одних языках эти корни сохранились в первоначальном виде, в других приобрели морфологическую определенность благодаря формальному выделению глагольных основ. Если, например, в киргизском языке *jan* — «бок» и «подходить с боку, касаться», то в туркменском языке *jān* — «бок», тогда как глагольная основа — *jāna-* «прислоняться боком к чему-л.» — образована при помощи аффикса *-a*. Ср. также: якут. *bāj* (*baj-*) «богатый» и «богатеть», туркм. *bāj* «богатый», *bāji-* «богатеть», азерб. *dad* «вкус» и «пробовать», «вкусать», башк. *tat* «сладость; вкус», *tatı-* «пробовать», «вкусать»; турецк. *an* «сознание, мысль» и «понимать», татар. *aç* «сознание», *açla-* «понимать»; алт. *kat* «ряд, слой» и «складывать», туркм. *bat* «ряд, слой», *batla-* «складывать»; турецк. *tün* «вечер, ночь» и «темнеть, смеркаться», башк. *tön* «ночь», *tönä-* «ночевать».

«Распространенные» основы в языке желтых уйгуров, садарском языке

¹⁷ П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, СПб., 1900, стр. LXII.

¹⁸ А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., 1956, стр. 209.

¹⁹ А. Зайончковский, К вопросу о структуре корня в тюркских языках, ВЯ, 1961, 2, стр. 33.

²⁰ Э. В. Севортян, Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования, М., 1962, стр. 439.

²¹ Там же, стр. 433, 442.

²² См.: J. Deny, Le turc était-il à l'origine une langue monosyllabique? «Actes du XVIIIe Congrès International des orientalistes», Leiden, 1932, стр. 111, 112; e r o ж е, Rôle de l'harmonie vocalique dans la formation des mots tures, «Actes du XIXe Congrès International des orientalistes», Roma, 1933, стр. 229—231; см. также изложение дополнительных аргументов Ж. Дени в пользу моносиллабизма древнего тюркского корня: BSLP, 42 (1942—1945), 1 (N 124), 1946, стр. XIV, XV.

²³ Большое количество таких корней зафиксировано в работе Б. М. Юнусалиева («Киргизская лексикология», ч. I, Фрунзе, 1959, стр. 69—77).

и языке хотонов (ср. ж.-уйг. *каза* «гусь», *сака* «осторожный»; салар. *тайи* «внешний», *иши* «внутренний», *ниль* «этот год», *кили* «красный», *ли* «передний»; хотон. *ата* «лошадь», *бэши* «пять», *бэри* «один», *буту* «нога», *гбай* «глаз», *эйгэ* «ноза», *бай* «рот», *от* «огонь», *тиль* «язык», *уиу* «бык», *йчү* «стри») ²⁴ появились под влиянием китайского или монгольского языков; впрочем примеры из хотонского языка могут быть выделены из этой группы. «По-видимому, слова *ата*, *беш*, *бэри*, *буту* etc., — писал Б. Я. Владимирцов, — являются в форме с местоименной притяжательной приставкой для третьего лица, подвергшейся ассимиляции предшествующими гласными основы» ²⁵.

II.2. Особого внимания заслуживают материалы чувашского языка, в котором общетюркские односложные корни часто выступают с дополнительным гласным ²⁶, ср.

Чуващ.	Туркм.	Якут.
<i>варă</i> (<i>вар</i>) «середина»	<i>в̄д</i>	<i>в̄дс</i>
<i>вӑш</i> (<i>вӑш</i>) «три»	<i>в̄ч</i>	<i>в̄с</i>
<i>вудă</i> (<i>вуд</i>) «огонь»	<i>в̄т</i>	<i>вот</i>
<i>вунă</i> (<i>вун</i>) «десять»	<i>в̄н</i>	<i>вон</i>
<i>јава</i> (<i>јав</i>) «молодой»	<i>јав</i>	<i>сав</i>
<i>јуда</i> (<i>јит</i>) «собака»	<i>јит</i>	<i>ит</i>
<i>јуда</i> (<i>јит</i>) «чужой»	<i>јит</i>	—
<i>кӱлӗ</i> (<i>кӱл</i>) «озеро»	<i>кӱл</i>	<i>кӱбл</i>
<i>пӗрӗ</i> (<i>пӗр</i>) «один»	<i>бӗр</i>	<i>бӗр</i>
<i>пӗрӗ</i> (<i>пӗр</i>) «вошь»	<i>бит</i>	<i>бит</i>
<i>пӗрӗ</i> (<i>пӗр</i>) «пустой»	<i>бош</i>	—
<i>пурă</i> (<i>пур</i>) «мел»	<i>бор</i>	<i>буор</i>
<i>савă</i> (<i>сав</i>) «звук, голос»	<i>сав</i>	—
<i>савă</i> (<i>сав</i>) «здоровый»	<i>сав</i>	—
<i>савă</i> (<i>сав</i>) «охрана»	<i>сав</i>	—
<i>сӗрӗ</i> (<i>сӗр</i>) «сор, мусор»	<i>сӗр</i>	—
<i>тавада</i> (<i>тават</i>) «четыре»	<i>дв̄рт</i>	<i>тӱдрт</i>
<i>хӗвӗ</i> (<i>хӗв</i>) «пазуха»	—	<i>хӱв</i>
<i>чӗк</i> (<i>чӗк</i>) «граница»	<i>чӗк</i>	—

Из обзора приведенных примеров легко заметить, что более или менее регулярные соответствия между чувашскими двусложными корнями и односложными корнями туркменского и якутского языков с первичными долгими гласными отсутствуют. С одной стороны, «распространенными» являются корни с этимологическими краткими гласными, например, *пӗрӗ* «пустой», ср. туркм. *бош*; *сӗрӗ* «сор, мусор», ср. туркм. *сӗр*, тув. *сӗр* «гуща, осадок»; *уфă* «стрела», ср. туркм. *ок*, тув. *о'к*; *удă* «сено, трава», ср. туркм., якут. *от*, тув. *о'т*; *тубӗ* «мяч, шар», ср. туркм. *топ*. С другой стороны, многие корни с первичными долгими гласными оказываются в чувашском языке односложными, ср. *сӗт* «молоко», *кӗт* «ждать», *сӗр* «гнить», *ит* «выигрывать», *ар* «мужчина», *јан* «сторона», *пуй* «богатеть» и т. д.

Двусложные корни чаще встречаются в говорах низового диалекта, для которого, как отмечает В. Г. Егоров, вообще характерно «тяготение... к открытым конечным слогам» ²⁷.

²⁴ См.: Б. [Я.] Владимирцов, А. [Н.] Самойлович, Турецкий народец хотоны. ЗЕО РАО, XXIII. III—IV, Пг., 1916, стр. 274—277; Э. Р. Тенишев, Саларский язык. М., 1963, стр. 17.

²⁵ Б. Владимирцов, А. Самойлович, указ. соч., стр. 272.

²⁶ Полный список приводит Л. С. Левитская, см. «Историческая фонетика чувашского языка». Канд. диссерт., М., 1966; е же же, О чувашских именных основах с конечными *а*, *е*. «Филологический сб., посвященный 85-летию проф. В. Г. Егорова», Чебоксары, 1965 («Уч. зап. [Чувашского НИИЯЛИ]», XXVIII), стр. 32—38.

²⁷ В. Г. Егоров, Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, ч. I, Чебоксары, 1954, стр. 180.

О происхождении конечных гласных в чувашских двусложных корнях пока трудно сказать что-нибудь определенное. В ряде случаев они могут рассматриваться как преобразованные и слившиеся с корнем морфологические элементы: *судă* «торговля» (< ? * *satıŋ*), *хувă* «скорлупа» (< ? *kā-βiŋ*), *визĕ* «голодный» (< ? * *āciŋ*), *тудă* «вкус» (< ? * *tātiŋ*), *сарă* «желтый» (< ? * *sāriŋ*). С этой точки зрения примечательно употребление в чувашском языке общетюркских односложных корней, осложненных аффиксом *-ax* ~ ~-ăx ~ -ăx ~ -ĕx... (< * *-ak* ~ * *-āk*), ср. *сăмах*, «слово» (< * *saβ-āk*), *ушăх* «луна» (< * *aj-ak*), *хĕлĕх* «конский волос» (< * *kīl-ak*), *кĕрĕк* «грязь» (< * *kīr-āk*), *кăмрăк* «древесный уголь» (< * *kōmir-āk*), *пăлĕк* «поясница» (< * *pāl-āk*), *тăлăх* «сирота» (< * *tuł-ak*), *тĕлĕк* «сон, сновидение» (< * *tūsh-āk*).

Многие слова с конечными гласными по ряду фонетических признаков — наличие *j* и *ç* в начальной позиции, *ж* в интервокальном положении вместо ожидаемого *ĕ* (ср. *ĵăĵă* «молодой», *ĵудă* «чужой», *ĵурă* «песня», *пужă* «пустой», *çиçĕ* «граница») и т. д. — являются заимствованиями из других языков поволжской группы и поэтому появление в них дополнительных гласных — следствие определенной региональной закономерности²⁸, действовавшей в довольно позднее время. Характерно, что материалы древнечувашского языка, которыми мы располагаем благодаря тщательному исследованию З. Гомбоцом чувашских (?) слов в венгерском языке, заимствованных не позднее IX в., не дают ни одного примера с открытым слогом, которому в других тюркских языках соответствовал бы тип Г+С, С+Г+С или С+Г+С+С, ср. венг. *ál* «ложный, фальшивый», *bér* «жалованье, плата», *bor* «вино», *bors* «переп», *borz* «барсук», *csat* «спряжка, застёжка», *dél* «полдень», *gyász* «траур», *gyom* «сорная трава», *kék* «синий», *kép* «образ; лицо; картина», *kor* «время, эпоха», *kos* «баран», *sár* «грязь», *szám* «число», *szél* «ветер», *tar* «голый, лысый», *-térđ* «колени» и т. д.²⁹.

Представляет несомненный интерес обстоятельство, что при возможности употребления в конце слова гласных полного образования все дополнительные гласные (дополнительные по сравнению с другими тюркскими языками) в чувашском языке являются редуцированными (исключение — *пĕрĕ* «один»).

II.3. В заключение обратимся к тюрко-монгольским параллелям, ср.:

Др.-тюрк.	Монг.-письм., пр.-монг.
<i>аб</i> «охота»	<i>aba</i>
<i>ār</i> «мужчина»	<i>ere</i>
<i>ārк</i> «сила, власть»	<i>erke</i>
<i>барк</i> «сооружение»	<i>baraŋa</i> «имущество»
<i>бārк</i> «крешкий»	<i>berke</i>
<i>боз</i> «серый»	<i>boru</i>
<i>ірк</i> «знак, предзнаменование»	<i>iru a ~ iruwa</i>
<i>кан</i> «наслаждаться удовлетворяться»	<i>xanu-</i>
<i>кат</i> «затвердевать»	<i>xata-</i> «сохнуть»
<i>кĕрк</i> «стричь»	<i>kirŋa-</i>
<i>коч</i> «баран»	<i>xuβa</i>
<i>кон</i> «ночевать»	<i>xonu-</i>
<i>кăнч</i> «ребенок»	<i>kenje</i>
<i>кăрт</i> «делать зарубку»	<i>kerči-</i>
<i>лăк</i> «голубой»	<i>kōke</i>
<i>мăн</i> «родинка»	<i>mengge</i>
<i>оң</i> «цвет; перед; лицо»	<i>ōngge</i>
<i>саб</i> «дойть»	<i>saŋa-</i>

²⁸ Н. И. Ашмарин был склонен связывать появление «распространенных» основ в чувашском языке с влиянием финских языков (см. его «Материалы для исследования чувашского языка», Казань, 1898, стр. 77, примеч. 2).

²⁹ См.: Z. G o m b o c z, Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache, Helsinki (MSFOu, XXX), стр. 36—129.

<i>sak-</i> «охранять, стеречь»	<i>saki-</i>
<i>sac-</i> «разбрасывать, рассеивать»	<i>saču- ~ sači-</i>
<i>sā-</i> «чувствовать, ощущать»	<i>sere-</i>
<i>sik-</i> «давить, нажимать»	<i>siya-</i> «забивать»
<i>siy-</i> «впихиваться»	<i>šinge-</i>
<i>sök-</i> «ругать, бранить»	<i>söge-</i>
<i>söm-</i> «гаснуть»	<i>söñü-</i>
<i>tiñ-</i> «своя»	<i>tüne</i> «темный»
<i>uk-</i> «понимать»	<i>uxa-</i>
<i>ul-</i> «основание; полошва»	<i>ula-</i>
<i>ürk-</i> «бояться, пугаться»	<i>ürgü-</i>
<i>čak-</i> «высекают огонь»	<i>čaqi-</i>
<i>čiš-</i> «испражняться»	<i>čidi-</i>
<i>čok-</i> «стучать; клевать»	<i>čoki-</i>
<i>čök-</i> «опускаться на колена»	<i>čöke-</i>

И в этом случае совершенно очевидно отсутствие регулярной соотносимости односложных корней, содержащих долгие гласные, с двусложными.

Наблюдаемые в тюрко-монгольских параллелях структурно-фонетические расхождения в традиционной алтаистике служат основанием для вывода об относительной древности монгольских языков и об утрате в тюркских языках конечных гласных³⁰. Понятно, чтобы говорить об утрате конечных гласных, необходимо предварительно доказать, что корни с открытым типом слога в тюркских языках не допустимы. Пытаясь найти выход из затруднительного положения, Н. Н. Поппе решил считать все тюркские корневые слова с открытым вторым слогом древними заимствованиями из монгольских языков, например, монг. *janggi* «новость» > >тюрк. *jalıı* «новый»³¹. Необоснованность такого решения очевидна настолько, что нет надобности обсуждать его.

В своей последней работе В. Котвич впервые высказал точку зрения, прямо противоположную традиционной: тюркские формы (без конечного гласного) — древнейшие, монгольские (с конечным гласным) — более поздние. Появление дополнительного гласного в монгольских формах объясняется В. Котвичем как следствие приспособительных фонетических изменений, вызванных необходимостью структурного освоения заимствованных слов³².

³⁰ См.: G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. Lautlehre, Helsinki, 1957, стр. 152—156; Б. Я. Владимиров, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика, Л., 1929, стр. 323—324; Н. Н. Поппе, Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам. IV, стр. 422—424; W. Bang, Manichäische Erzähler, «Muséon», XLIV, Louvain, 1931, стр. 32, 33; S. Murayama, Einige Formen der Stammverkürzung in den altaischen Sprachen, «Oriens», XI, 1—2, Leiden, 1958, стр. 224, 225; U. Pösch, Die altaische Sprachverwandtschaft — Theorie oder Hypothese?, «Handbuch der Orientalistik», I. Abteilung, V, 2. Abschnitt — Mongolistik, стр. 23—25. Не являющийся сторонником алтайской гипотезы Г. Дёрфер также допускает утрату в тюркских языках конечного гласного, например, др.-тюрк. *ant* «клятва» (< *andā), *ab* «охота» (< *abā), *boz* «серый» (< *bozā), *koç* «баран» (< *kočā), *köz* «голубой» (< *kōzā), *saβ-* «донгъ» (< *saβū-), *kon-* «ночевать» (< *konā-), *azib* «клык» (< *azibā), *bašik* «город» (< *bašikā), *açak* «чаша» (< *açakā) и т. д. (G. Döerfer, Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, I—Mongolische Elemente im Neupersischen, Wiesbaden, 1963, стр. 97—102).

³¹ Н. Н. Поппе, Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам, IV, стр. 423.

³² W. Kotwicz, Studia nad językami altajskimi, RO, XVI (1950), 1953, стр. 19.

По мнению К. Томсена, сочетания *aγa*, *ege*, *igi*, *oγo*, *ögö*, *uγu*, *ügü* в монгольском письменном языке не указывают на первоначальную двусложность и служат чисто графическим обозначением вторичной долготы гласных, ср. др.-тюрк. *kap-* «закрывать», монг.-письм. *qaγa-*, ордос. *xā-*, др.-тюрк. *saβ-* «донгъ», монг.-письм. *saγa-*, ордос. *sā-*. Отсюда монг.-письм. *buγura* «верблюд-самец» = *būra*, *toγora* «земля, почва» = *tōraγ*, *šigiraγ* «крепкий» = *širaγ* и т. д. (см.: K. Thom sen, Zwei türkisch-mon-

В самом деле, значительное число тюркских корней, приведенных выше, оканчивается на согласные *k* (*к*), *ш*, *ч*, *з*, *т*, которые для древнемонгольского языка или, по крайней мере, для одного из его диалектов были «противопоказаны».

Не только односложные, но и многосложные слова с указанными согласными в абсолютном конце и в конце слога имеют в качестве параллелей в монгольском письменном языке структурные варианты с дополнительными гласными, ср.:

Др.-тюрк.	Монг.-письм., др.-монг.
<i>ajak</i> «чаша»	<i>ajaça</i>
<i>butra-</i> «расходиться, рассеиваться»	<i>butara-</i>
<i>jalaçac</i> «посол»	<i>Jalavaçi</i> — имя собственное
<i>üräk</i> «сердце»	<i>Yüräke</i>
<i>katib</i> «твердый, крепкий»	<i>xataçu</i>
<i>kälinç</i> «поступок»	<i>kilince</i> «проступок, греховное деяние»
<i>kömlädürük</i> «нагрудный ремень (у лошади)»	<i>kömlädürge</i>
<i>köprük</i> «мост»	<i>kögürge</i>
<i>küçlä-</i> «совершать насилие»	<i>küçile-</i>
<i>titrä-</i> «дрожать»	<i>çitire-</i>
<i>ula</i> «вьючное животное; почтовый транспорт»	<i>ulaça</i>

Среди слов с дополнительными гласными много таких, заимствование которых монголами подтверждается историческими источниками или анализом морфологического состава (например, *көмүл-дүрүк*, *көмүл* ~ *көңүл* «грудь; сердце», *-дүрүк* — аффикс, ср. ст.-узб. *бојундурук* «ярко», *бојун* «шея»; *абїадірік* «удила», *абїз* «рот», *бурундурук* «кольцо или ремень, продеваемые через нос верблюда», *бурун* «нос») и вокализация которых, следовательно, — чисто монгольское явление.

Для выяснения природы дополнительных гласных в монгольском письменном языке важное значение имеет учет структурного своеобразия корневых слов и морфологических элементов. Это своеобразие заключается прежде всего в том, что имена чаще оканчиваются на сонанты, глаголы — на гласные, аффиксы — на те и другие.

Таким образом весьма вероятно существование в древнемонгольском языке закона открытого слога или закона, устанавливавшего определенные ограничения для согласных в конце слова. Напомним, что нечто подобное наблюдается в дунсянском языке, в котором преобладают открытые слоги, а в конце закрытых слогов выступают преимущественно *ң* и *н*³³.

Резюмируем все сказанное выше. Хотя вопрос о происхождении дополнительных гласных во многих конкретных случаях остается пока открытым, ясно, что нет достаточных оснований ставить первичную долготу гласных в тюркских языках в зависимость от возможности восстановления дополнительного слога.

В настоящее время трудно опровергнуть широко распространенный взгляд на древний тюркский корень как моносиллабический. Односложные корни составляют значительную часть словарного состава современных тюркских языков, и односложными являются наиболее древние слова, ср.

golische Korrespondenzreihen, «Aspects of Altaic civilization. Proceedings of the V meeting of the permanent international Altaistic conference held at Indiana university, June 4—9 1962». Uralic and Altaic series, 23, Bloomington, 1963, стр. 235—237).

³³ См.: Б. Х. Тодаева, Дунсянский язык, М., 1961, стр. 18. Ср. у Н. Н. Поппе: «Многие слова, оканчивающиеся в монгольском письменном языке и в известных нам наречиях на согласный, в дагурском часто принимают на конце *и*» (Н. Н. Поппе, Дагурское наречие, «Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР», 6, Л., 1930, стр. 116).

турецк. *köğ* «небо», *aj* «луна», *jër* «земля», *su* «вода», *ot* «огонь», *kar* «снег», *muз* «лед», *kün* «день», *tün* «ночь», *jə-* «есть», *и-* «пить», *бар-* «идти», *кәт-* «уходить», *кәл-* «приходить», *ал-* «братъ», *бәр-* «давать», *тур-* «стоять», *јат-* «лежать», *тоз-* «рождаться», *өл-* «умирать», *тут-* «держатъ» и т. д.

III. Так как невозможно возвести первичные долгие гласные к сочетаниям типа $\Gamma + C + \Gamma$ или объяснить их возникновение вознаграждительным удлинением, то не остается ничего иного³⁴, как предположить, что первичная долгота в тюркских языках развивалась в результате процессов, происходивших внутри слога.

Тюркский односложный корень имеет несколько структурных разновидностей: Γ (*a*), $\Gamma + C$ (*am*), $\Gamma + C + C$ (*art*), $C + \Gamma$ (*ma*), $C + \Gamma + C$ (*tam*) и $C + \Gamma + C + C$ (*mart*). При сравнительно небольшом количестве гласных и согласных богатство лексического состава в протоязыке достигалось за счет слогового сингармонизма (твердорядные односложные корни противопоставлялись мягкорядным).

Как известно, качественное разнообразие гласных и согласных в пределах слога способствует образованию количественных различий. К числу факторов, влияющих на количественную сторону гласных, относятся степень их открытости (узкие/широкие), способ образования согласных (взрывные/шелевые), место образования (переднерядные/заднерядные), характер дополнительной артикуляции (глухие/звонкие, ротовые смычные/носовые смычные) и т. д.³⁵ Все названные факторы или большинство их безусловно присутствовали в тюркском протоязыке и оказывали влияние на длительность гласных, однако ни один из них не мог влиять таким образом, чтобы в конечном итоге обеспечить развитие количественной оппозиции гласных. Дело в том, что слоги, в которых восстанавливается первичная долгота, и слоги с краткими гласными имеют в начале и в конце одни и те же согласные, и противопоставление по признаку долготы/краткости характерно для всех гласных: твердорядных и мягкорядных, неогубленных и огубленных, узких и широких. Следовательно, появление первичной долготы не могло зависеть от качественных особенностей соседних согласных и не было связано с качественными особенностями самих гласных.

На образование количественных различий влияет также структура слога: его открытость или закрытость. Чтобы выяснить возможность такого влияния в тюркских языках, необходимо установить, одинаково ли распределены первичные долгие гласные в разных структурных типах слога. Как показывают материалы современных и древних тюркских языков, долгие гласные встречаются в любой структурной разновидности слога. Однако характер соотношения долгих и кратких гласных далеко не одинаков и находится в зависимости от слоговой структуры. В тех разновидностях слога, которые оканчиваются на согласные, выступают и долгие и краткие гласные, в слогах типа Γ и $C + \Gamma$ (открытые слоги) — только долгие гласные³⁶, ср.:

bā- «связывать, повязывать» (Тон₂₇, ThS II₁₉, KP 80₁, Suv 7₁₀), туркм. *bāb* «связка», якут. *bā* «насилие»;

bī «лезвие» (Rach II 3₁₆₇, TT VIII A₁), якут. *bī*;

³⁴ Мы не принимаем в расчет гипотетический «индоевропейский» путь появления долготы: особенности распределения звуков в слоге препятствуют восстановлению в тюркском протоязыке ларингальных.

³⁵ См.: P. Delattre, Some factors of vowel duration and their cross-linguistic validity, JASA, XXXIV, 8, 1962, стр. 1141—1143; E. Fischer - Jørgensen, Sound duration and place of articulation, ZPhon, XVII, 2—4, 1964, стр. 175—207.

³⁶ Впервые на это указал О. Бётлингк (O. Böhlingk, Über die Sprache der Jakuten, St.-Petersburg, 1848, стр. 37). Ср. замечание И. Нейгард, о чем сообщает в своей статье А. Зайончковский (указ. соч., стр. 35).

- bi** «кобыла» (ThS II₇, МК III 206), якут. *biš*;
bi (?) «тарангул» (МК III 206), туркм. *mōj*, *bōs*;
bū «эсот» (QBN 23₂₁);
bū «шар» (МК III 206), туркм. *būš*;
i «запах», якут. *i* «острый едкий запах»;
i (?) «растение» (Man I 9₁, 14₁₀);
iā «лук» (QBN 38₁₄), якут. *cā*;
iā- «есть» (МК III 67, QBN 12₇), якут. *ciw-*;
iē «шов» (МК III 229), якут. *ciw*;
iū- «мыть» (МК III 66, Rach II 3_a), якут. *cūj-*;
iū «сок» (Rach I₁₃₃);
kā 1. «сундук, ящик для пищи», 2. «чрево», 3. «складывать вместе, класть по порядку» (МК III 211, 249, QVK 140_a), якут. *xā* «карман; сумка; чехол»;
kā- «молва, весть» (КТб₁₂, МК III 212, Uig I 19₁₃);
kā- «охранять, оберегать» (Suv 90₁₈, Tiš 50_a);
kī «сухой коровий помет», якут. *kī*;
nā «что», туркм. *nā*;
ō- (?) «думать, размышлять» (КТм₃, МК I 11, QBN 110₁₄);
ōā- «считать» (МК III 247, QBN 432₂), туркм. *ōāj-*, якут. *āx-*;
ō- «ломать» (КТб₃₄, МК III₂₄, QVK 212₁₇), туркм. *ōin-* «ломаться»;
ōj- «тянуть, протягивать» (МК III 248), якут. *ūn-* «вытягивать руку»;
ōū «войско» (КТб₃₂, МК III 339, Suv 89₂₀, Uig II 69₅);
tā (?) «также, и» (Suv 13₂₀);
tā- «говорить» (Тон₃₂, МК I 74), туркм. *diā-*, якут. *diw-*;
tā «постоянно, всегда» (ТТ III₆₆);
tā (?) «жидкая мучная похлебка» (МК III 207);
tū 1. «верша, морда», 2. «закрывать, загораживать, запруживать» (Тон₂₃, МК III 247, QBN 18_a), якут. *tū*;
tū «волос; шерсть» (МК III 207, QVK 166₄, ТТ VII 23₂), якут. *tū* «шерсть»;
tū «всякий, каждый» (МК I 179, Suv 117₁₄);
ū «сон» (Тон₂₇, МК III 247), якут. *ū*;
ū- «мочь; выносить, выдерживать» (E 59₁, МК I 43, QBN 244₁₃);
čī «роса» (МК III 207), туркм. *čis* «влажный, сырой», якут. *čīk*.

Сплошное проявление долготы в односложных словах, состоящих из согласного с гласным или из одного гласного, вообще говоря, может быть обусловлено действием закономерности относительного количественного равновесия слога: чем меньше качественных компонентов, тем больше длительность каждого из них, но в данном случае действие указанной закономерности не являлось определяющим фактором количественного разграничения гласных, так как долгие гласные наблюдаются и в односложных словах с закрытым типом слога, ср. туркм. *at* «лошадь» и *āt* «нимя», *ač* «открой» и *ač* «голодный», *bar* «иди» и *bār* «имеется», *kōk* «корень» и *gōk* «синий».

Рассматривая слог как фундаментальную речевую единицу, в пределах которой протекают основные фонетические процессы, нельзя забывать вместе с тем, что своеобразие слога не исчерпывается качественными особенностями составляющих его звуков и их дистрибуцией. Слог характеризуется также наличием просодических явлений (тона, силы и количества), находящихся в единстве с его звуковой стороной³⁷. И хотя степень изученности тюркских языков не позволяет пока сделать достаточно обоснованные выводы по вопросу о фонологической значимости просодических явлений в протоязыке, можно тем не менее предположить, что на той стадии развития, когда господствовал моносиллабизм, большую роль играли слоговые акценты, которые так же, как и слоговой сингармонизм, являлись одновременно и различительным и разграничительным (делимитативным) средством.

³⁷ См.: G. E. Meier, *Silbenkern und Sonorität*, ZPhon, XVII, 2—4, 1964, стр. 369, 370.

Будучи принадлежностью слога в целом, слоговые акценты получали преимущественное выражение в выделении какого-либо слогового компонента или в способе соединения одного из них с другим.

Наиболее распространенный случай выделения слогового компонента — образование корреляции разновершинных слогов, вокальновершинного и консонантновершинного, к которой, очевидно, и восходит общетюркская количественная оппозиция гласных. В слогах с вершиной на вокалической части развились долгие гласные, причем долгота гласных непременно сочеталась с краткостью последующих согласных и, наоборот, в словах с вершиной на консонантической части развились краткие гласные, краткость которых сочеталась с длительным, сильным произношением согласных³⁸, ср. *ām/am̄* > *ām/am̄* > *ād/jam'* (в азербайджанском языке количественная оппозиция гласных трансформировалась в оппозицию слабых, лишенных придыхания, и сильных, аспирированных согласных, например, *ad* «имья» / *am'* «лошадь», *aj* «голодный» / *ac'* «открой», *ḡab* «сосуда, сосуд» / *ḡap'* «хватай, кусай»). Естественно, что для односложных слов с открытым типом слога возможность противопоставления двух просодических типов исключалась в виду отсутствия консонантической части, так что вершина всегда была на гласном. Именно поэтому в односложных словах с открытым слогом встречаются только долгие гласные.

Попутно следует отметить, что существование корреляции разновершинных слогов отразилось на характере слоговой структуры в пределах более крупных, чем слог, комплексных фонологических единиц. Так, в слогах с вершиной на вокалической части присоединение гласного способствовало большему ослаблению артикуляции согласного, в слогах же с вершиной на консонантической части оно обусловило появление геминат³⁹, ср. *ām* «имья» — *ādī* «его имья» / *am'* «лошадь» — *am̄ī* «его лошадь». В дальнейшем, вследствие развития процессов агглютинации, слоговые акценты уступили место словесному ударению с очень слабой централизующей функцией, и произошли значительные изменения в фонетическом облике слогов. Тем не менее в некоторых языках, например в турецком, сохранилось противопоставление глухих и звонких смычных согласных в интервокальном положении, основывающееся на восходящем к протоязыку различии просодических типов слога, ср. *am* «имья» — *adī* «его имья» / *jam* «лошадь» — *am̄ī* «его лошадь», *om* «огонь» — *obu* «его огонь» / *ot* «трава» — *otu* «его трава».

Что касается способа соединения разных компонентов слога, в чем больше всего проявляется динамический признак слоговых акцентов, то он лег в основу корреляции примыкания⁴⁰ (непосредственное примыкание гласного к последующему согласному / примыкание через посредство гортанного спиранта⁴¹); так называемая прерывная кор-

³⁸ В связи с этим не лишено интереса сообщение Е. Д. Поливанова об акцентологической интерпретации противопоставления долгих и кратких гласных в туркменском языке самими носителями языка: «От туркмен пришлось мне слышать нелепую формулировку явления гласной долготы — в виде „ударения на гласном“ (*ja : z*) в противоположность „ударению на согласном“ (*jaz*)» («К вопросу об общетурецкой долготе гласных», примеч. к стр. 157).

³⁹ О связи геминации с ударением говорит, в частности, К. Г. Менгес (К. Н. М е n g e s, *Qaraqalpaq grammar. I* — Phonology, New York, 1947, стр. 42). См. также: А. М а r t i n e t, *Du rôle de la gémination dans l'évolution phonologique*, ZPhon, 12. Jg., 1—4, 1959, стр. 225.

⁴⁰ См.: Н. С. Т р у б е ц к о й, *Основы фонологии*, М., 1960, стр. 242. Г. Дёрфер пытается сопоставить тувинскую «фарингализацию» с датским толчком (G. D o e r f e r, *Langvokale im Urmongolischen?*, стр. 16).

⁴¹ Теоретически допустима любая спирантная реализация опосредствованного примыкания, так как релевантным является не качество спиранта, а перерыв в голос или пауза.

реляция)⁴², следы которой сохраняются в тувинском языке в виде противопоставления «чистых» и «фарингализованных» гласных (ср. *at* «имя» / *aht*⁴³ «лошадь»). При этом «чистые» гласные тувинского языка соотносятся с общетюркскими долгими гласными, а «фарингализованные» — с краткими, ср.

тув.	<i>at</i>	«имя»	/	<i>a't</i>	«лошадь»
туркм.	<i>āt</i>	»	/	<i>at</i>	»

В поисках ближайших аналогий тюркским слоговым акцентам можно указать на два различных вида произношения слога в литовском языке: с плавным восходящим (Schleifton)⁴⁴ и толчкообразным нисходящим тоном (Stoßton)⁴⁵, на так называемый датский толчок (*stød*), представляющий собой особую разновидность динамического акцента⁴⁶, также на шведско-норвежскую и центрально-баварскую просодическую оппозицию длительности, в основе которой лежит различие двух ритмических типов долгого слога — начально-вершинного и конечно-вершинного⁴⁷. Особенно примечательны материалы саамского языка. «Исследование западносаамского так же, как и южносаамского, — отмечает Э. Лагеркранц, — показало, что саамский язык стремится образовать в каждом слове вершину либо в вокализме корня, либо в консонантизме, которая проявляется как в продолжительности, так и в качестве звука. Благодаря этому между вокалическим и консонантическим элементами возникает контрастирующая корреляция. Чем длиннее вокализм корня, тем короче консонантизм, и наоборот»⁴⁸.

⁴² См.: Р. Якобсон, К характеристике евразийского языкового союза, «Selected writings», I, 's-Gravenhage, 1962, стр. 158.

⁴³ Так обозначал «фарингализацию» тувинский поэт О. К. Саган-оол (ср. *lahu* «голова», *oht* «сравн»), см. об этом: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмах, Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология, М., 1961, стр. 24.

⁴⁴ Согласно предположению Г. Дёрфера, в тюркском протоязыке имелось три слоговых акцента: Akut, Gravis и Schleifton, и долгота развилась из последнего (G. Dörfel, Langvokale im Urmongolischen?, стр. 16, 17).

⁴⁵ См.: A. Schmitt, Schleifton und Stoßton, ZPhon, 4. Jg., 1—2, 1950; П. С. Кузнецов, О качестве ударения как признаке отдельных слоговых фонем, «Сборник статей по языковедению памяти М. В. Сергиевского», [М.], 1961.

⁴⁶ См.: S. Smith, Bidrag til løsning af problemer vedrørende stødet i Danks rigssprog, København, 1944 («Nordisk Tidsskrift for Tale og Stemme», VIII, 1), стр. 6 (Summary).

⁴⁷ С. Д. Кацнельсон, Сравнительная акцентология германских языков, М.—Л., 1966, стр. 85, 214. См. также: Cl.-Chr. Elert, Phonologic studies of quantity in Swedish, Uppsala, 1964, стр. 34.

Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность С. Д. Кацнельсону и А. С. Либрману, прочитавшим статью в рукописи и сделавшим ряд ценных критических замечаний.

⁴⁸ E. Lagercrantz, Strukturtypen und Gestaltwechsel im Lappischen, MSFOu, LVII, 1927, стр. 13, 14.

П. РАМАТ

МЫСЛИ О СЕВЕРОМОРГЕРМАНСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

Хорошо известно, что германские народы, поселения которых располагались вдоль Северного моря, обнаруживают определенные общие языковые черты.

Германская языковая общность в ареале Северного моря становится очевидной при рассмотрении определенных изоглосс, которые никак нельзя считать случайными соответствиями. Важнейшими из них, как известно, являются следующие:

1. Выпадение носового перед *f*, *s*, *þ* с последующим удлинением предшествующего гласного (особенно назализованного): например, *fimfe > >др.-англ., др.-сакс., др.-фриз. *fīf*, но гот. *fimf*, др.-в.-нем. *funf*; др.-англ., др.-сакс., др.-фриз. *gōs*, но др.-в.-нем. *gans*; др.-англ., др.-сакс. *mūð*, др.-фриз. *mūth*, но *mund* из герм. *munþa.

2. Возникновение единого глагольного окончания для всех трех лиц множественного числа настоящего времени, обусловленное падением носового в 3-м лице, совпавшим, таким образом, со 2-м (герм.-*anþ* < и.-е. *-onti* переходит в *-āþ*: др.-англ. *we ze hīe sleað*, др.-фриз. *wī ī hia slath* и, наконец, др.-сакс. *wi gi sia slahad*) и получившим наибольшую частотность в языке.

Географический ареал этой общности в большой мере можно, естественно, установить с помощью имен собственных: гольштейнск. *Anremuthe* (1162 г.), *Bilnemuthe*, *Szestermuthe* (1141 г.) в Эльбмаршен (с ассимиляцией начального велярного), *Muthenbroke* (1238 г., округ Рендсбург), с которым следует сравнить тип *Travemünde*, *Zwentinemunde* (с сохранением назального перед *þ*¹), распространенный вплоть до области Антверпена, где находим топонимы типа *Borburemuuden*, *Muidelant* (вблизи Дюффеля) и т.п.; этому типу в свою очередь противопоставляется тип *Dendermonde*, *Rupelmonde* (при впадении Рупеля в Шельде)². Кроме того, следует упомянуть такие английские топонимы, как *Plymouth*, *Portsmouth*, *Bournemouth* и т. д., которые часто встречаются вдоль старого *litus Saxonicum*, между Дувром и Лэндз Энд.

Таковы факты (здесь, естественно, в целях экономии места они были значительно схематизированы и редуцированы), которые дает в наше распоряжение исследование языка. Задача состоит теперь в том, чтобы на основе этих фактов реконструировать картину истинных языковых отношений в более ранние периоды времени. Это в свою очередь может дать повод для некоторых методологических замечаний, в связи с чем необходимо коснуться неоднократно обсуждавшегося вопроса об отношении и родстве языков и соотнести эту проблему с современными лингвистическими концепциями.

¹ W. Laur, *Nordgermanische lautliche Merkmale in den niederdeutschen Ortsnamen Schleswig-Holsteins*, «Fryske stúdzjies oanbean oan J.H. Brouwer», Assen, 1960, стр. 394.

² K. Roelandts, *De Antwerpse ingweonismen*, «Fryske stúdzjies oanbean oan J. H. Brouwer», стр. 403.

До сих пор мы избегали давать какое-либо определение изучаемой языковой общности, так как это может лишь помешать необходимому обсуждению; в самом деле, как только мы пытаемся на основе приведенных изоглосс и соответствий определить соответствующую языковую общность, мы наталкиваемся на серьезные методологические проблемы.

Общие наименования представителей интересующей нас языковой общности, предложенные еще в самом начале ее изучения, весьма различны, причем каждое из них присуще тому или иному лингвистическому направлению. Можно упомянуть, например, такие названия, как «ингевонский»³ и «ингвеонский», введенные соответственно Тацитом и Плинием: Germ. III: «Manno tres filios adsignant, e quorum nominibus proximi oceano *Ingaevones* medii *Herminones* ceteri *Istaevones* vocentur», но у Плиния (4, 99): «alterum genus *Inguaeones* quorum pars *Cimbri Teutoni* et *Chaucorum gentes*».

Употребление указанных названий по отношению к англо-саксам, англам и фризам, обитавшим вдоль Северного моря, ведет к тому, что отношения, типичные для I и II вв. н. э., служат отправным пунктом для выводов относительно исторического положения в VI—VII вв. Основанием для такого допущения безусловно послужила теория родословного древа: если языки действительно ответвляются от праязыка как ветви от ствола дерева, так что они, как и ветви, редко соприкасаются друг с другом, а их история является естественным процессом, практически не подвергнутым влиянию внешних факторов, то ничто не мешает отношения, типичные для позднего средневековья, проектировать в классическую эпоху, особенно если учесть, что германское языковое единство, возможно, сложилось еще ранее. Тройственное разделение германских племен, существовавшее в течение определенного периода и отмечавшееся латинскими и греческими авторами, безусловно не оставалось всегда неизменным: хотя бы некоторые из этих племен, например лангобарды или готы, в процессе истории явно изменяли ареал своего расселения. Однако и в этом случае языковой статус каждого из указанных племен в науке продолжали рассматривать по-прежнему, как если бы они оставались в старых границах. Именно исходя из указанных позиций, наряду с ингвеонами, были искусственно созданы такие имена, как иствеоны и герми(н)оны, хотя языковые особенности этих групп никогда не отличались таким своеобразием, какое характерно для ингвеонов⁴. Примером описанной методологии может служить следующая цитата из исследования Такенберга: «В связи с тем, что на кимрском полуострове и в области между впадением Эмса и Эльбы в начале нашего летосчисления находились ингвеоны, а также в связи с тем, что в поздний период бронзового века здесь создается замкнутая культурная область, причем между обеими эпохами нельзя установить значительного культурного изменения, носителей культуры раннего бронзового века в этой области можно называть ингвеонами»⁵. Даже ученые, которые отошли от мертвого эволюционистского схематизма младограмматического типа, нередко пользуются подобной процедурой. Т. Фрингс понимает под «иствеонским» франкский диалектный тип, который вместе с «береговым ингвеонским» («Küsten-

³ Ср. особенно: F. W r e d e, *Ingwäonisch und Westgermanisch*, «Zeitschrift für deutsche Mundarten», 19, 1924, стр. 276 и сл.

⁴ Критику этих взглядов см.: Н. К u h n, *Zur Gliederung der germanischen Sprachen*, «Zeitschrift für deutsches Altertum», 86, 1955—1956, стр. 23 и сл.

⁵ К. T a c k e n b e r g, *Die Zweihenkligen Terrinen des jüngeren Bronze- und älteren Eisenzeit im Gebiet zwischen Ems- und Elbemündung*, «Festschrift K.H. Jacob-Friesen», 1939, стр. 233.

ingwäonisch») должен был образовать «общегерманский»⁶. Об «истинно-ском» говорит также Маурер в отношении германских диалектов между Везером и Рейном, хотя он и сохраняет названия «германский» для «эльбских германцев»⁷. Конечно, нельзя не признать результатов археологических исследований, устанавливающих в области между Бонном — Кельном — Оснабрюком — Ганновером («рейноско-вестфальская группа») относительное культурное единство, противопоставленные соседним северным и восточным областям. Однако определение подобных археологических единств (они не являются языковыми!) с помощью названий, которые относились к культурным связям между различными германскими племенами, остается спорным. Возражения вызывает и обозначение «англо-фризский» (насколько известно, оно впервые было употреблено Г. Суитом⁸) и используемое Т. Зибсом⁹ обозначение «английско-фризский» (englisch-friesisch). Первое из этих обозначений отличается тем недостатком, что оставляет без внимания саксонский (а также ютский) элемент, имевший большое значение для формирования англо-саксонского единства. Т. Зибс пишет: «Под английско-фризским я понимаю язык, представляющий суммой общих звуковых явлений англо-саксонского и фризского наречий и существовавший определенное время до колонизации Британии (возможно, во II или III вв. н. э.)». Вряд ли можно представить себе более явно выраженное младограмматическое понимание этого языка, вышедшего из западногерманского языкового единства!

Лингвистическая география, предшественник которой И. Шмидт не случайно решительно выступал против теории «родословного древа», и историческое языкознание, которое справедливо использует географические данные в качестве элемента реконструкции исторических событий, учат, что становление языков не является таким простым и прямолинейным процессом, как это считали ранее. Народы переселяются, вследствие чего их языки входят в контакт, возникают новые торговые и культурные центры, которые в состоянии оказывать центростремительное влияние и в языковом плане. Старые очаги культуры приходят в упадок или вовсе исчезают, оставляя определенный вакуум, на который в той или иной мере могут оказывать влияние центробежные силы.

Наряду с этими экстралингвистическими фактами истории народов и культур, существуют факты, полученные в результате структурного рассмотрения языковых явлений. В свете этих последних известно, что в языках наблюдается динамическое равновесие различных, даже противоположных тенденций и что это равновесие (на основе двух противоположных принципов экономии — принципа наименьшей затраты и принципа наибольшей ясности) находится в постоянном развитии и изменяется вследствие внутренней необходимости: наряду с внешней, макроскопической, историей существует еще такая история, которая складывается из незаметных, хотя и не менее важных смещений в общей экономии языкового развития. Если 1066 г. является началом мощной романизации английского словарного состава (это бросается в глаза при чтении хотя бы одной страницы среднеанглийского текста), то изменения, имевшие место в фонетике и морфологии англо-саксонского языка, обусловлены не внешними причинами, а постепенным преобразованием структурного равновесия, что не менее важно.

⁶ Th. Frings, Die Stellung der Niederlande im Aufbau des Germanischen, Halle/Saale, 1944.

⁷ F. Maurer, Nordgermanen und Alemanen, Bern — München, 1952, стр. 113.

⁸ H. Sweet, Dialects and prehistoric forms of Old English, «Transactions of the Philological Society», 1875—1876, стр. 562.

⁹ Th. Siebs, Zur Geschichte der englisch-friesischen Sprache, Halle/Saale, 1889.

В свете всех высказанных соображений, ясно, что говорить об «англо-фризском» просто как о «сумме звуковых явлений англо-саксонского и фризского наречий» означает лишь следующее: игнорирование динамического и одновременно структурного аспекта языка, в свете которых и надо рассматривать отдельные изоглоссы.

Определениям, которые основываются на генеалогическом происхождении разбираемых здесь языков, следует предпочесть такие, которые ограничиваются выделением географического ареала, в котором проявляется исследуемая языковая общность. Термину «Nordwestgermanisch» следует предпочесть «Nordseegermanisch», ибо этот последний не означает в конечном итоге генеалогического подхода к германскому, что нашло законченное выражение в делении на северногерманский, восточногерманский и западногерманский.

Период образования подобного языкового единства относится, вероятно, к 500 г. н. э. В предшествующую эпоху западногерманский в целом мало отличается от северногерманского, в связи с чем вряд ли можно говорить об особом ингвеонском языковом единстве в Chersonnesus Cimbrica (= Ютландия). Данные археологии относительно ясторфской культуры в северной Германии с 500 г. до н. э. настолько удалены во времени от первых языковых свидетельств, как бы фрагментарны и опосредствованы они ни были бы (мы имеем в виду имена собственные, сообщаемые классическими авторами), что вряд ли можно схематически идентифицировать археологические реалии с языковыми типами и накладывать их друг на друга. Хавки, которые во времена Тацита были *populus inter Germanos nobilissimus* (Germ., 35), через несколько веков бесследно исчезли; сохранились лишь некоторые топонимы типа *Höcstanstige* (964 г., Вустер), *Höcneratūne* («Anglo-Saxon Chronicle», 917 г.), которые свидетельствуют об участии хавков в германизации Англии¹⁰. Факты говорят о том, что топонимы Северной Германии, если не принимать во внимание некоторые очень старые имена типа *Paderborn* и названия рек на *-ara* (типа *Wölpe*, *Aspe*), в которых обнаруживается негерманское *p*¹¹, не подвергшееся передвижению, в своей современной форме возникли в V—VI в. н. э. Говорить о хавском языке, от которого ответвились фризский и саксонский¹², было бы совершенно произвольно: это не основывалось бы ни на каких языковых данных. На рунической надписи, сделанной на роге из Галлехуса (около Тондерна), т. е. в ареале, расположенном в середине области, называемой Плинием ингвеонской, не содержится никаких характерных особенностей, которые можно было бы считать типичными для североморгерманского (отметим, что речь идет о 400 г. н. э.)¹³: «ek HlewagastiR HoltijaR horna tawido» (с другой стороны, нельзя считать, что текст надписи составлен на прасеверном: на старославянском текст имел бы вид: «*Ek Hlégestr Høltjár horn tářa»). В надписи на брактеате из Оверхорнбека (Ютландия), в противоположность этому, в середине IV в. уже засвидетельствовано *tEuiuin*, где обнаруживается метафония, как и в ст.-исл. *tēja*¹⁴. Таким образом, североморгерманский не является единой ветвью еще более единого прагерманского, а представляет собой синтез различных феноменов и языковых переходов тех германских диалектов,

¹⁰ Ср.: Th. Siebs, Zur Geschichte..., стр. 13 и сл.

¹¹ Ср.: H. Kühn, Anlautendes *p* im Germanischen, «Zeitschrift für Mundartforschung», 28, 1961, стр. 1—31; H. Dittmaier, Das *apa*-Problem, Louvain, 1955.

¹² G. Lohse, Zur Frühgeschichte der nordseegermanischen (ingwäonischen) Dialekte, «Germanisch-romanische Monatsschrift», 28, 1940, стр. 24 и сл.

¹³ Ср.: H. Kühn, Zur Gliederung..., стр. 16 и сл.

¹⁴ Ср.: W. Krause, Runeninschriften im älteren Fußark, Halle, 1937, стр. 193 и сл., 235.

которые были распространены вдоль берегов Северного моря, и из которых, в процессе истории, по-видимому, возникли англо-саксонский, фризский и саксонский как самостоятельные языки. Языки (или лучше, диалекты) племен, образовавших североморгерманский языковой союз (Sprachbund), не должны были очень сильно отличаться друг от друга, что видно из колебаний хронистов, описывающих племена, переселившиеся в Англию. Проконий упоминает только англов и фризов¹⁵, а Беда — англов, саксов и ютов. Первым важным явлением, нарушившим географическое единство германской языковой области (если отвлечься от языка готов и других переселившихся восточногерманских племен), является второе передвижение согласных, произошедшее в середине первого тысячелетия н. э.¹⁶

Ниже мы попытаемся на основе примера пояснить, как понятие «североморгерманский» (в том смысле, в котором мы о нем говорили) применимо к конкретному материалу, т. е. доказать, что это понятие дает возможность лучше, чем другие, понять языковые явления, типичные для изучаемого ареала.

Как известно, и.-е. $\bar{e}$ во многих германских диалектах перешло в $\bar{a}$: латинскому *sēmen*, *fē-c-ī* и т. д. соответствуют др.-исл. *sáð*, др.-сакс. *sād*, др.-в.-нем. *sāt*, др.-сакс. *dād*, др.-в.-нем. *tāt* и т. д. Однако в английском и кентском находим $\bar{e}$, как и во фризском: *sēd* = др.-фриз. *sēd*, *dēd* = др.-фриз. *dēd* (e). Нередко и в древнесаксонском обнаруживается $\bar{e}$: *gēr*, *grē*, *gimēlad* против др.-в.-нем. *jār*, *grāo*, *gemāliði* и т. д.

Традиционное объяснение этого явления состояло в том, что и.-е. $\bar{e}$, сохраненное в так называемом «общегерманском», в западногерманском перешло в $\bar{a}$, а затем путем обратного развития опять перешло в $\bar{e}$, $\bar{e}$ в англо-фризском. Выводилась формула развития: $\bar{e} > \bar{a} > \bar{e}$, несостоятельность которой доказана еще Беннетом¹⁷. Подобное решение было единственным, которое, принимая во внимание всю последовательность переходов, реконструированных ad hoc, было в состоянии как-то соотнести сложную языковую действительность с мертвой теоретической абстракцией языкового древа¹⁸.

Если, однако, проследить реальную географическую дистрибуцию перехода $\bar{e} > \bar{a}$, его историческую представленность в первых памятниках и структурные явления, которые его обусловили, то легко заметить, что указанная формула является неприемлемой. «Из топонимического материала видно, как переход $\bar{e}$ в $\bar{a}$ постепенно распространяется в пределах немецкого ареала. Ранее всего этот переход отмечен в верхненемецком (oberdeutsch), уже в IV в.»¹⁹. В VI в. разбираемый переход происходит во франкском диалекте Эльзаса он наступает в течение VII в., а в восточно- и среднефранкском в середине VIII в. «Саксы — последнее германское племя, в языке которых произошел переход $\bar{e} >$

¹⁵ «Brittānōn δὲ τῆν νῆσον ἔθνη τρία πολυανθρωπότεα ἔχουσιν βασιλεὺς τε εἰς αὐτῶν ἕκαστον ἐφέστηκεν. συμβατα δὲ καί ται τοῖς ἔθνεσι τούτοις Ἀγγίλοι τε καὶ Φριζωνες καὶ οἱ ἐν τῇ νῆσῳ σκονυνοιοι Βριττωνες».

¹⁶ O. Höfler, Stammbaumtheorie, Wellentheorie, Entfaltungstheorie, PBB (Tübingen), 77, 1955, стр. 40.

¹⁷ W. H. Bennett, The Germanic development of Indo-European $\bar{e}$, «Language», 26, 1950. Возможность этого допускается также А. Кембеллом («Old English grammar», Oxford, 1959, § 132: «Зап.-герм. $\bar{a} >$ др.-англ. $\bar{a}/e$, если не считать, что др.-англ. звуки происходят непосредственно из прагерманского $\bar{e}$ [= e]).

¹⁸ Это объяснение целиком основывается на гипотезе единого языка». См.: H. S p r a n g a u, Einheitssprache oder Dialektgemeinschaft?, сб. «Zur Sprache und Literatur des Mittelalters», Groningen, 1961, стр. 48 (= «Neophilologus», 31, 1947).

¹⁹ См.: L. Wolff, Die Stellung des Altsächsischen, «Zeitschrift für deutsches Altertum», 71, 1934, стр. 141, где привлекается работа: O. B r e m e r, Germanisches $\bar{e}$, PBB, XI, 1886, стр. 17 и сл.

> $\bar{a}$ ²⁰. Указанные выше формы *gēr*, *grē*, *gimēlad*, которые особенно часто встречаются в небольших памятниках, меньше испытавших древневерхненемецкое влияние, свидетельствуют о борьбе двух различных языковых традиций ²¹. Если иметь в виду, что в готском $\bar{e}$ не переходит в $\bar{a}$ (*lētan*, *gadēfs* против др.-сакс. *lātan*, др.-в.-нем. *lāszan*, др.-сакс. *dād* и др.-в.-нем. *tāt* и т. д.), то, исходя из основных положений лингвистической географии, нетрудно прийти к выводу о том, что готский — с одной стороны, и англо-кентско-фризский — с другой, являются крайними ареалами, не затронутыми переходом $\bar{e} > \bar{a}$. Ни в английском, ни в кентском, ни в готском никогда не отмечалось $\bar{a}$ из $\bar{e}$. Впрочем англо-саксонско-готские соответствия всегда встречаются весьма часто: речь идет не только о редупликации в форме прошедшего времени типа англск. *heht*, *reord*, *leolc*, *leort* (наряду с гот. *haihait*, *-rairoþ*, *lailaik*, *lailot*), о чем мы будем говорить ниже, но и о лексических изоглоссах типа англо-сакс. *hworan* — гот. *hworan*, англо-сакс. *ag(e)le* — гот. *agls* и т. д. ²². Таким образом, явление перехода $\bar{e} > \bar{a}$, типичное для изучаемой области, не является изолированным, а подтверждается рядом других явлений.

С изучаемой проблемой связано также так называемое $\bar{e}^2$, широко обсуждавшееся в последние годы. Именно здесь, наряду с историко-географическим рассмотрением фактов, весьма полезным может оказаться структурный анализ германской системы гласных. $\bar{e}^2$ обнаруживает ареальную дистрибуцию, точно параллельную переходу $\bar{e} > \bar{a}$, что заставляет нас рассматривать оба эти явления неотделимо друг от друга. $\bar{e}^2$ встречается в древневерхненемецком (с дифтонгизацией *ia*); например, *ziarī* > совр. нем. *Zier*, *skiara* > совр. нем. *schier*, а также в заимствованиях из латинского: *t(h)ēca* > *zieche*, *pē(n)sile* > *phiesal*. В скандинавском, древнесаксонском и западносаксонском в этом случае встречается $\bar{i}$: *tír* и *tīr*, *skír* и *skīr*, *scīr*; это относится и к заимствованиям: др.-в.-нем. *ziahha* (ср.-в.-нем. *zieche*) в средненидерландском соответствует *tīke* (голл. *tijk*); др.-в.-нем. *ziagal* (совр. нем. *Ziegel*) соответствует англо-сакс. *tigele*, др.-исл. *tígl*.

В англо-саксонском, особенно в английском, и в готском, (частично) во фризском случаях, в которых в других языках наблюдается $\bar{e}^2$, соответствует простое $\bar{e}$, непосредственно совпадающее с и.-е. $\bar{e}$: ср. *Weland* против нем. *Wieland*, *cēn* против др.-в.-нем. *kien* (из кельт. **keznos*, представленного во франц. *chêne*); гот. *mēs*, англо-сакс. *mēse* против др.-в.-нем. *meas*, *mias* (из вульг.-лат. *mēsa*). Простое $\bar{e}$ засвидетельствовано также в словах, где *z* выпало: англо-сакс. *mēd*, др.-сакс. *mēda*, др.-зап.-фриз. *mēde* (ср. гот. *mizdo*), но др.-в.-нем. *miata*. В связи с этим ясно, что и $\bar{e}^2$ следует рассматривать как инновацию в центральном ареале, которая не достигла периферийных зон ²³. Во всяком случае уместно подчеркнуть, что в связи с определенными функциональными закономерностями приходится допустить существование этого $\bar{e}^2$ для части германского: нетрудно заметить, что $\bar{e}$ в готском, в английском и в других диалектах имеет две различные реализации. Независимо от возможных причин ²⁴ появле-

²⁰ L. Wolff, указ. соч., стр. 142.

²¹ Весьма многочисленны антропонимы типа: *Thiadmēr*, *Albmēr*, *Rēdulþ* (812 г.: *Rēdald*, Верден) вместо *-mār* и *Rād-* (ср.: V. M. Schirmunski, *Deutsche Mundartkunde*, Berlin, 1962 стр. 177).

²² Ср.: J. de Vries, *De gotische woordenschat vergeleken met die van het Noord- en Westgermaans*, «Leuvense Bijdragen», 46, 1956, стр. 31.

²³ Ср. H. Lüdtke, *Der Ursprung des germanischen $\bar{e}^2$ und die Reduplikationspräterita*, «Phonetica», 1, 1957 (особенно стр. 162) и W. H. Bennett, указ. соч.

²⁴ Имеются две гипотезы, которые можно принять во внимание. Согласно Людке (указ. соч.), $\bar{e}^2$ изначально свойственно редуплицирующему прошедшему времени по следующей схеме: **hehaita* > **hehet* > **heet* > *hēht* ($\bar{e}^2$ действительно отсутствует в

ния $\bar{e}^2$ можно отметить, что в определенный период языкового развития в некоторых зонах распространения германского первоначальное и.-е. $\bar{e}$ имеет тенденцию к более широкому качеству. Это обусловлено тем давлением, которое оказывалось на него новым $\bar{e}^2$, и облегчается тем, что и.-е. $\bar{a}$ уже перешло в $\bar{o}$ ²⁵.

Система долгих гласных в германском первоначально имела следующий вид (четыреугольник):

/i:	u:
e:	o:

В тех зонах, где развивается $\bar{e}^2$, произошло изменение:

/i:	u:
e ² :	o:
	e ¹ :/

Фонетические реализации /e¹/ могут быть весьма многочисленными: [ā, æ, ǣ], ибо оппозиция более открытой фонеме (например, /a:/) отсутствует²⁶. Со временем возникла назализованная фонема /ā:/: эта фонема наблюдается в североморгерманском не только в сочетаниях /aŋχ/ (*tharχta > гот. *Pāhta* > др.-в.-нем. *dāhta*), но, как мы видели, в любом сочетании носового и спиранта (т. е. перед *f*, *þ* и *s*), в связи с чем частотность и «функциональная нагрузка» этой фонемы во многом превосходят эти величины в других германских диалектах. Таким образом, следует признать, что /ā¹/ в североморгерманском дольше сохранилось как самостоятельная фонема, чем в других ареалах. В соответствии с этим образуется оппозиция /e¹/ против /ā¹/ — оппозиция ртового и носового (назализованные аллофоны $\bar{e}^1$, которые как мы видели, могли иметь очень открытое произношение, переходят в новую фонему /ā:/). Система имеет вид:

/i:	u:
e ² :	o:
	e ¹ : ā:/

В то время как назализованные гласные, возникшие в сочетании «гласный + назализованный + спирант», вскоре переходят в соответствующий долгий и в результате этого теряют назализацию (ст. англо-сакс. *fīf*, *mīð* и т. д. из *fimf, *mund*), /ā:/ занял изолированное положение в системе и в связи с этим был обречен на выпадение²⁷. Окончательное выпадение /ā:/ (вместе с прежними носовыми аллофонами /e¹/) наступает только тогда, когда возникает новая фонема вследствие монофтонгизации *ai* в /æ/, который в англосаксонском переходит в $\bar{a}$, во фризском и древнесаксонском в $\bar{e}$: например, англо-сакс. *stan* и др.-сакс. *sten*, но др.-в.-нем. *stein*, др.-исл. *steinn*. Существовавшая ранее оппозиция открытых гласных $\bar{e}^1 \sim \bar{a}$ (по признакам «ртовый» — «носовой») заменяется новой оппозицией, а именно «палатальный» (= $\bar{e}^1$) — «велярный» (= $\bar{a} < ai$), а более раннее /a:/ идентифицируется с /o:/²⁸. Так, в североморгерманском находим: *hōnd*, *mon*, *lonð* и т. д. наряду с *hānd*, *man*, *land*, а также *nō-*

готском и английском, сохранившим редупликацию); согласно ван Купему («*Das System der starken Verba und die Periodisierung im älteren Germanischen*», Amsterdam, 1956), $\bar{e}^2$ является результатом определенного развития апофонической ступени *ei*, которая переходит в *ee* > $\bar{e}^2$, а не в *ii* > $\bar{i}$.

²⁵ Н. Л ü d t k e, указ. соч., стр. 162 и сл.

²⁶ Следует иметь в виду, что рунический знак, обозначавший /a/ в середине VI в., приобретает в Англии значение [æ] и, вероятно, в этом значении заимствуется из Англии во Фризландию. Ср.: Н. К u h n, *Zur Gliederung...*, стр. 33.

²⁷ Y. K r u p a t k i n, *The Anglo-Frisian development of Germanic $\bar{e}^1$* , «*Philologia pragensia*», 4, 1961.

²⁸ Ср. там же.

top/nōten, s(w)ōten/koten, где $\bar{o}$ из $\tilde{a}$, а последнее — из $\bar{e}^1$ (ср., в противоположность этому др.-в.-нем. *nātin, quātin*).

Подобная внутренняя реконструкция, которая одновременно пользуется звуковыми и функциональными критериями, дает возможность, как мне кажется, показать непрерывное развитие истории звуковой системы, не имеющее ничего общего со скачкообразной последовательностью изолированных языковых состояний.

Что касается форм прошедшего времени ранее редуцированных глаголов, то в части ареала, где распространен (resp. был распространен) фризский, встречаются фонетические преобразования, отклоняющиеся от обычных преобразований прагерманского $\bar{e}$, что дает нам право искать иное функциональное объяснение. В островных фризских диалектах (Фёр и Амрун) находим формы прошедшего времени *slep, het, hel, lep, rep*, которым в готском соответствуют *sezlaip, haihait, *haihald, *haihlaup*. В скультском диалекте (Sylt) те же формы обнаруживают гласный $\bar{o}$: *slöp (jīt* по аналогии с формой 3-го лица настоящего времени), *höl, löp, röp*, который всегда совпадает с реализацией *oe*. На Гельголанде, с другой стороны, находим формы на *i*: *slip, hit, hil, lip, rip*²⁹. В восточных диалектах восточнофризского (т. е. во фризском на Везере) также наблюдаются формы *slīp, hīt, hīl, līp, rīp* (ср. *Rüstringer Codices*).

Что касается рассмотрения постулируемого герм. $\bar{e}^2$, то реализации первоначального $\bar{e}$ (т. е. e^1) видны из следующей схемы:

так называемое $\bar{e}^2$ переходит в:

англ. $\bar{e} = \bar{e}^1$

кент. $\bar{e} = \bar{e}^1$

уэссекс. $\bar{e} \neq \bar{e}^1$ (которое переходит в $\bar{æ}$)³⁰

зап.-фриз. $\bar{e} = e^1$

фриз. на Эмзе (вост.-фриз.) $\bar{e} = \bar{e}^1$

фриз. на Везере (вост.-фриз.) $\bar{i} \neq e^1 (= \bar{e})$

сев.-фриз. (Гельголанд) $\bar{i} \neq \bar{e}^1 (> \bar{æ})$

сев.-фриз. (Фёр, Амрун, Скульт) $\bar{e} \neq \bar{e}^1 (> \bar{æ})$

сев.-герм. $i \neq \bar{e}^1 (> \bar{a})$

гот. $\bar{e} = \bar{e}^1 (= \bar{e})$.

Указанная выше географическая дистрибуция подтверждает вывод, сделанный также Беннетом и Людтке: так называемое $\bar{e}^2$ является инновацией в середине германского ареала, не затронувшей крайние зоны этого ареала. И в латинских заимствованиях, т. е. во второй категории слов после редуцированных форм претерита, где наблюдается наличие $\bar{e}^2$, имеется противопоставление более раннего $\bar{i}$ (северный тип) и более позднего $\bar{e}^2$ (южный тип), например, вульг.-лат. *pē(n)sile >* ср.-н.-нем., ср.-нидерл., фриз. *pīsel*, англо-сакс. *pīslе* против совр. нем. *Pfiesel*, н.-нем. *pēsel*; лат. *theca >* нидерл. *tijk* ($\bar{e} > \bar{i}$), фриз. *tiik*, англ. *tick*, но нем. *Zieche*³¹.

Во фризском на Везере (*Rüstringer Codex*) находим, согласно дистрибуции, указанной в приведенной схеме, *mīde*, но в зап.-фриз. *mēde* из

²⁹ Ср.: D. Hoffmann, «Germanisch» $\bar{e}^2$ im Friesischen, «Festschrift J. Trier», Köln — Graz, 1964, стр. 160—185, особенно 164 и сл. В гельголандском диалекте $\bar{i}$ (происходящее из более старого $\bar{i}$) становится кратким. Побочная форма $\bar{y}$ (*slūp, lūp, rūp*), несомненно, является развитием более позднего времени (см. там же, стр. 169).

³⁰ В уэссекском инновация перехода $\bar{e} > \bar{a}$ не проводится до конца. Подобное развитие $\bar{æ}$ следует соотносить с возникновением $\bar{a}$ из *ai* (прошедшему через ступень * $\bar{æ}$) и с новой фонематической дистрибуцией его аллофонных вариантов: ср. др.-фриз. *māra «mehr» < *maizo* против *stēn < *stainaz*.

³¹ Ср.: Th. Frings, PBB, 63, 1939, стр. 1 и сл.; ZfomPh, 59, 1939, стр. 280 и сл.

и. - е. *mizdos* (греч. *μισθός*, д.-слав. *mīzda*, гот. *mizdo*, англ. *med*, нем. *Miete* с $\bar{e}^2$, возникшим в результате исчезновения *z*). И в этом случае для фризского на Везере излишне допущение перехода $\bar{e}^2 > \bar{i}$, ибо в других словах, традиционно реконструируемых с $\bar{e}^2$, западно-фризский обнаруживает $\bar{e}$, например, *Rüstr. brēue* (дат.), *Crēklonde* (дат.), *prēstere* (др.-в.-нем. *brīaf, kriach, priester*)³². Можно также допустить, что такое $\bar{e}$, в связи с небольшой функциональной нагрузкой, которую имела оппозиция $\bar{e}^1 \sim \bar{e}^2$ вне системы редуцированных глаголов, легко могло развиться в этих словах, как это отмечает Гофман в своем выдающемся исследовании: в самом деле, и островной северофризский, где указанная оппозиция прочно укоренилась (см. приведенную схему), обнаруживает формы типа *brēf*; мы допускаем также, что $\bar{i}$ в *mīde* обусловлено лишь тенденцией избежать омонимии с *mēde* «выгон, пастбище». Однако такое допущение не подкрепляет допущение о переходе $\bar{e}^2 > \bar{i}$; этот переход можно обосновать, сделав другое, противоположное допущение: фризский на Везере следует здесь северному типу на $\bar{i}$ (возможно, этот тип был некогда присущ северофризской группе; однако свидетельства памятников настолько поздние и фрагментарные, что не дают возможности делать беспорные выводы).

Что касается проблемы $\bar{e}^2$ внутри североморгерманского, то следует отметить наличие двух различных реализаций ($\bar{e}$, $\bar{i}$), отражающих две различные языковые традиции (южную — $\bar{e}$ и северную — $\bar{i}$).

Североморгерманский не представляет собой единого языка или праязыка, это — языковой союз, в котором сосуществуют многие различные историко-языковые феномены. Североморгерманский следует скорее понимать как определенную модель развития, существующую вопреки возможности внешних влияний, исходящих от других языковых типов (примером может явиться $\bar{i}$ в западнофризском и в диалекте Гельголанда против $\bar{e}$ в других зонах), вопреки параллельным явлениям в отдельных языках, следующих единым структурным требованиям. В области нижнегерманских поселений в Саксонии обнаруживается единая форма во множественном числе глаголов, а именно *-en* в конъюнктиве презенса, в прошедшем времени и в претеритопрезентных глаголах³³. В восточнонижнеидерландском также обнаруживаются формы типа *ghi hebben, ghi keren* (вместо *ghi hebbet, keret*) и даже в современном нидерландском в диалектах прослеживаются такие формы, как *jullie nemen*. Окончание *-en*, конечно, франкского происхождения, однако принцип единой формы множественного числа североморгерманского, куда входят рассматриваемые диалекты, возобладал здесь, несмотря на особые внутренние исторические преобразования этих диалектов. Подобное функциональное совпадение является более весомым, чем случайное сходство форм окончаний. На этом примере принцип единой модели развития можно наблюдать «в действии». Вполне уместно допустить, что *-en*, выступающее в единых формах множественного числа, не является наиболее древним формантом; подобно этому можно допустить, что $\bar{i}$ во фризском на Везере является результатом влияния через Гельголанд североморгерманского типа $\bar{i}$, вытеснившего более старый $\bar{e}$. Понимание североморгерманского как модель развития, как топологический прообраз становления языковых структур даст возможность ввести динамический фактор в качестве функции при структурном рассмотрении языка. Учет этого фактора может способствовать объяснению изменений, которые претерпевают языки в процессе развития.

Перевел с немецкого М. М. Маковский

³² Ср.: D. Hofmann, указ. соч., стр. 178.

³³ Ср.: L. Wolff, *Die Stellung...*, стр. 144.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Е. КУРИЛОВИЧ

К ВОПРОСУ О ВОСТОЧНОБАЛТИЙСКИХ ДИФТОНГАХ *ai*, *ei*

Прямому сопоставлению слав. **vьlci* с литов. *vilkaĩ* препятствует иное отражение и.-е. *-oi* в прилагательном и местоимении: слав. **pьlni*, *ti*, литов. *pilni* (*pilnie-ji*), *tiẽ*. В древнепрусском, как и в славянском, различия между существительными и прилагательными нет, ср. *wijrai*, *waikai* (литов. *ṽgrai*, *vaikaiĩ*) как *m̃lai*, *wissai* (литов. *mieli*, *visi*). Это побуждает считать литовское окончание *-ai* наряду с дифтонгом *ie* фонетическим продолжением и.-е. *-oi*¹, получившего двойное развитие, и использовать его в качестве надежного примера для объяснения условий развития восточнобалтийского дифтонга *ai*.

Окончание **-ie* (> *-i*), как и ряд других окончаний, было перенесено из флексии местоимения в склонение прилагательного. Ср. *gerát*, *geratè*, *geriẽms*, *geriẽ(ji)* как *tám*, *tamè*, *tiẽms*, *tiẽ* (*aniẽ*, *šĩẽ*, *kokiẽ*, *katriẽ*). Оно было перенесено вместе со своим ударением (так же как, например, *-ám*) в парадигму подвижных основ (*basĩe-ji*, *basĩ*) и таким образом стало признаком «слабого» падежа. Основы же с акутом типа *pilnas* имели первично неподвижное ударение на корне и только вследствие совпадения (в литовском) флексии прилагательных с неподвижным ударением с прилагательными с подвижным ударением получили ударение на оквчании: *pilnie-ji*, *pilni*².

Таким образом, древнее окончание существительного и прилагательного *-ai* было частично (а именно в сфере прилагательного³) вытеснено окончанием местоимения *-ie*. Вследствие этого окончания *-ai* и *-ie* становятся алломоρφами с известным распределением. Слабый характер окончания переносится и на алломорф *-ai*, т. е. первоначальное отношение **pilnie(-ji)*: *basĩe(-ji)* отражается и в существительном: *ṽgrai*, но *vilkaĩ*. Итак, воздействие окончания *-ie* на склонение существительного оказалось только частичным, влияя исключительно на распределение ударения⁴. Причина этого явления кроется в стремлении сохранить различие между прилагательным и существительным в случаях типа им. мн. *gerĩ* «добрые»: *g̃erai* «добра, имения», дат. ед. *gerát*, но *g̃erui*, или *labám*, но *labui*.

Вторичность окситонезы в формах типа *vilkaĩ* устанавливается не только на основании общих соображений о распределении акцентов в

¹ Ср.: Chr. S. Stang, *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*, Oslo, 1966, стр. 66—68.

² Как известно, в латышском языке различаются, например, *bãltas* «белый», *ĩlgs* «долгий», *pĩlns* «полный» от *aĩksts* «высокий», *ciẽts* «твердый, прочный», *ãziẽvs* «живой», в то время как в литовском формы *bãltas*, *ĩlgas*, *pĩlnas*, *ãukštas*, *kĩetas*, *g̃yvas* принадлежат к подвижному 3-му классу.

³ Аналогично в готском: *dag-os* «дни», но *blind-ai* «слепые» по модели *fai*.

⁴ В греческом, латинском, древнеирландском, славянском окончания местоимений через посредство прилагательных вошли и во флексии существительных: ср. $\theta\epsilon\omicron\iota$, *virĩ*, *fir*, *bozi* (как $\alpha\gamma\alpha\theta\omicron\iota$, *malĩ*, *uilec*, *dobri*).

подвижных парадигмах, но также и из сопоставления с литовскими основами на $-o-$ ($\langle \bar{a} \rangle$), $-i-$, $-u-$, $-r-$, $-n-$ (им. мн. *žiēmos, āvys, mēdūs, dūkters, vāndens*) или с русск. *волосы: волбс, чѣрты: чертѣй, кости: костѣй*.

Постоянное ударение местоименного окончания (в словах типа *aniē, katriē*) указывает пути поисков причины дифференциации i - e . $-oi >$ балто-слав. $-ai$ и $-ie$. Дифтонг *ai*, как впервые предложили Гирт, Явниг и Френкель, впоследствии же автор настоящей работы и отчасти Станг⁵, переходит под акцентом в монофтонг $*\bar{e}$ (отсюда литов. и латыш. *ie*), но сохраняется как дифтонг в безударных слогах. С другой стороны, существует и *ie*, восходящее к старому дифтонгу *ei*.

Ср., с одной стороны, литов. *iēšmas* «вертел»: др.-прусск. *aysmis; piestā* «толчен» и *piēstas* «пест»: слав. *pěsta, pěstь; sniēgas*: др.-прусск. *saraugis*, слав. *sněgъ*, гот. *snaiws; šiēnas*: слав. *sěno; viēkas* «жизнь, сила»: слав. *věkъ; rēva* «луг»: греч. *κοτή; pietiū* «пастух»: *κοιμήν*.

С другой стороны, *dīēvas* «бог»: др.-прусск. *deywis; dienā* «день»: др.-прусск. *deinan* (вин.); *piešīd* «рисовать углем»: др.-прусск. *peisāi* (3-е лицо), слав. *pišor*; литов. *liera*: слав. *lipa*; литов. *liežiū*: слав. *ližor*; литов. *žiemā*: слав. *zima* и т. д.

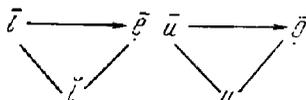
Принять совпадение балт. *ai* и *ei* в ударных слогах не позволяют с первого взгляда общезвучные соображения: вокальная система безударных слогов стала бы богаче системы ударных, так как безударным *ai, ei* соответствовало бы в ударяемых одно *ie*. Обыкновенно же ударный слог является пунктом максимального развития системы гласных. Трудность эта устраняется, если вместе с судьбой кратких учесть и судьбу долгих *āi, ēi*.

В древнеиндийском, как известно, унаследованные краткие дифтонги стали монофтонгами (*āi > e; āu > o*) и в то же время соответствующие долгие сократились (*āī > āi; āū > āu*). Совпадение *āi* с *az(d)* в *e* и *āu* с *až(d)* в *o* повлекло за собой потерю долготы дифтонгов *āi, āu*, которым не противостояли больше краткие *āi, āu*.

В восточнобалтийском судьба долгих дифтонгов *āi, ēi* и монофтонгов *āi, ēi* также тесно связаны между собой, однако иначе, чем в древнеиндийском. Долгие и краткие дифтонги здесь совпадают в безударных слогах: *āi* и *āi* в *ai*; *ēi* и *ēi* в *ei*. В ударных происходит дифференциация: *āi > ai*, но *āī > ie*; *ēi > ei*, но *ēī > ie* (т. е. одновременно и совпадение *āi* и *ēi* в *ie*). Тем самым вокалическая система ударных слогов (*ai, ei, ie*) становится богаче системы безударных (только *ai, ei*). Безударные слоги являются пунктом нейтрализации различия *ai: ie* и *ei: ie*; *ai* и *ie* (и *ei* и *ie*) фонологически противопоставляются под акцентом и в то же время чередуются в зависимости от ударения. Поскольку *ie* вначале выступало только в ударных слогах, положительным признаком противопоставления *ai, ei: ie* являлся монофтонгический характер *ie* (т. е. $*\bar{e}$), но не дифтонгический характер *ai, ei*⁶. В результате позднейших передвижений ударения (ср. в литов-

⁵ См.: J. K u r g u l o w i c z, Die Doppelvertretung von idg. *ei, oi* im Lettolitauischen, сб. «Мітшрифтс хрѣм. Gedenkschrift P. Kretschmer», I, Wien, 1956, стр. 235—236; Ch r. S t a n g, указ. соч., стр. 67—68.

⁶ Дальнейшая судьба восточнобалтийского $*\bar{e} > ie$ и — параллельно — $*\bar{o} > io$, возможно, была обусловлена сокращением $\bar{e} > i$ и $\bar{o} > u$ в определенных условиях в литовском и в несколько других условиях в латышском. Это повлекло за собой нейтрализацию тембров $i: \bar{e}$, $u: \bar{o}$ в соответствующие краткие (i и u), т. е.

и дальнейшее развитие (дифтонгизацию) маркированных членов $\bar{e}$, $\bar{o}$.

ском правиле Соссюра, в латышском передвижение, по всей вероятности постепенное, акцента к началу слова) *ie* стало в обоих языках возможным и в безударных слогах.

Наиболее отчетливо дифференциация долгих и кратких дифтонгов наблюдается в конечных слогах:

К р а т к и е д и ф т о н г и

- di* (им. мн.) > -*ie*, например, *tiē*, ср. санскр. *tē*;
- āi* (им.-вин. дв.) > -*ie*, например, *bařzdie (> *barzdī*), ср. санскр. -*e*;
- ēi* (им.-вин. дв.) > -*ie*, например, *žōlie (> *žōlī*);
- ōis* или -*ēis* (род. ед.) > -*ies*, например, *aviēs*, ср. санскр. -*eh*;
- ōi* или -*ēi* (зват. ед.) > -*ie*, например, *aviē*, ср. санскр. -*e*;
- ōit* (старый оптатив) > -*ie*, например, *tevežiē*, ср. санскр. -*et*.

Д о л г и е д и ф т о н г и

- āi* (дат. ед.) > -*ai*, например, *taī*, *raņkai*, ср. санскр. -*ai*;
- ēi* (дат. ед.) > -*ei*, например, *žōlei*;
- āis* (твор. мн.) > -*ais*, например, *vilkaīs*, ср. санскр. -*aiḥ*;
- āi* (2-е лицо ед.) > -*ai*, например, *mataī*, *likaī*;
- ēi* (2-е лицо ед.) > -*ei*, например, *vedei*;
- āit* (оптатив) > -*ai*, например, *temataī*.

Распространение этого различия, первоначально выступавшего только под акцентом, на безударные слоги позволило дифференцировать разные флексии путем введения нового различительного признака (*ie* вместо *ai, ei*).

Как обстояло дело в корневых слогах? Здесь необходимо соблюдать строгое различие между непроемной (немотивированной) и произвольной (мотивированной) лексикой. В первом случае распространение *ie* в безударных слогах объясняется парадигмой слова, во втором же случае отношением производной формы к основной. Рассмотрим сначала первую группу.

Акутированное *ie* (> *ai, ei*) выступает в неподвижных парадигмах немотивированных существительных, прилагательных и глаголов, например, *pienas* «молоко», *rietas* «бедро», *liera* «липа», *siela* «душа», *siena* «стена», *mielas* «милый», *lieti* «лить», *siekti* «протягивать руку», *skiesti* «растворять» и т. д.

Выступает *ie* (< *ai, ei*) и в подвижных основах с циркумфлексом или краткой гласной корня. Поскольку акцентуация слабых падежей обуславливалась в балто-славянском количеством и интонацией корневой гласной, эти падежи строились по образцу сильных (т. е. с ударением на корне). Естественным направлением действия «аналогии» поэтому было распространение *ie* за счет безударного *ai, ei*, а не наоборот. Отсюда ²*dievū*, *dievaīs* с *ie* как *dīevū* и т. д.; *liekū*, *lieki* как *liēka* и т. д.

Дифтонги же наблюдаются прежде всего в производных формах с ударением на конечном слоге (в литовском с вторичной подвижностью — класс 4 или 2), ср. *laikas* (4) «время» (< *liekū*, *likti*); *piņas* (4) «пятно от сажи» (< *piešiū*, *piēsti*); *glaiņas* (4) «замазка» (< *gliejū*, *gliēti*); *maiņas* (2) «мятеж» (< *miēsti*, *maišyti*); *šlaitas* (2) «склон» (< *šliejū*, *šliēti*); *išaiņas* «струж, шелуха» (< *iežiū*, *iēžti*).

Те же дифтонги выступают в производных глаголах: *graižyti* «хватать» (< *griebiū*, *griēbti*); *laižyti* «лизать» (< *liežiū*, *liēžti*); *maišyti* «смешивать» (< *miešiū*, *miēšti*); *paišyti* «рисовать углем» (< *piešiū*, *piēsti*); *raikyti* «резать» (< *riekiū*, *riēkti*); *snaigyti* (< *sniēgti* «снег идет»); *staiptyti* «поднимать, задирать» (< *stiepiū*, *stiēpti*); *švaityti* «светить» (< *šviečiū*, *šviēsti*); *glaižyti* «замазывать» (< *gliejū*, *gliēti*) и пр.

В приведенных примерах производные формы продолжают индоевропейскую ступень *o* ($ai < oi$), непродуцированные — *e* ($ie < ei$).

В производных словах с накоренным акцентом дифтонг *ai* объясняется их совместным существованием (в пределах одного и того же производного ряда) с формами, ударяемыми первично на конечном слоге. Ср. *rėiškiu, rėikšti > raiškus* «явный» как *steigiūos, steigtis > staigūs* «внезапный», или *rėižti: raižytis* «протягиваться» (диалектн. $< rėžti: rāžytis$) как *kreipti: kraipyti* «поворачивать».

При так называемом вторичном словопроизводстве в индоевропейском не было чередования (апофонии). Производная форма сохраняла вокализм исходной основы. Но в восточнобалтийском встречаются такие примеры, как литов. *diėvas* «бог»: *deivė* «богиня; призрак»; *pielà* «пила»: *peilis* «нож»; *piētūs* «поддень; обед»: *peivūs* (в наречиях «южный ветер»); *giėdras* «безоблачный»: *gaidrà* «ведро»; *kiėmas* «двор»: *kaimynas* «сосед»; *sniėgas* «снег»: *snaigė* «снежинка». В этих примерах первичный вокализм корня обнаруживается в производной форме; основы *diėvas, pielà, piētūs* содержат этимологическое *ei*, *giėdras, kiėmas, sniėgas* — этимологическое *oi*. Для *sniėgti* «снег идет» следует принять, как показывает интенсивная форма *sniėgėti* (с накоренным ударением и метатонией), этимологическое *ei*.

Перед нами чередование, не унаследованное ни из индоевропейского, ни из балтийского. В некоторых случаях (типа *kaimynas*) дифтонг *ai*, не ударяемый ни в одной падежной форме, имеет фонетическое происхождение. В других случаях в противоположность непродуцированной основе, в которой обобщается *ie*, в производной форме вокализм выравнивается в пользу дифтонга как избыточного морфологического признака ($ie > ai$ или $ie > ei$).

В истории вост.-балт. *ie* и дифтонгов *ai, ei* были и иные факторы, осложняющие охарактеризованное положение, прежде всего семантические.

Так, в ряде случаев в немотивированных формах существительных и глаголов встречается *ei* вместо ожидаемого *ie*: литов. *geidžiù, geisti* «желать», несомненно унаследованное из балто-славянского, ср. слав. *židq, žedati*; *steigiūos, steigtis* «трудиться, стараться», слав. *stignqti; kreivnas* = слав. *krivъ* и т. д. Хотя число таких примеров сравнительно невелико, все же они противоречат принципу распределения *ie* и дифтонгов и должны получить свое объяснение.

В некоторых случаях выравнивание происходило в пользу безударного вокализма (*ai, ei*). Причина этого может крыться только в необходимости дифференциации значения, ср. *šviėsti* «светить»: *šveisti* «чистить»; *tiėsti* «выпрямлять»: *teisti* «судить»; *griėbti* «хватать»: *greibti* (диалектн.) и пр.⁷ Различие это должно было первоначально иметь семантическую или стилистическую значимость, однако при исчезновении варианта с *ie* реконструкция семантических факторов становится невозможной⁸.

Единственным следом чередования *ie* с дифтонгом в одной и той же парадигме является настоящее время глагола *eiti* «идти» в некоторых латышских наречиях⁹. Основная форма парадигмы, т. е. 3-е лицо с ударением на корне, имеет *ie* (*iet*), остальные же, ударяемые первоначально на окончании, дифтонг: *eim* (*ej*), *ejm*, *ejt*.

⁷ Примеры приводятся в книге Хр. Станга на стр. 63—64.

⁸ Ср. во французском чередование у глаголов на *-er*, обусловленное ударением. Оно устраняется обычно в пользу безударного вокализма, например, *laver, lever, prouver, mener, acheter, aider* и т. д., однако исключения нередки (*prier, pleurer, arpuer* и др.). Здесь тоже есть примеры семантической дифференциации, ср. *diner: dējeuner* или *mincer: menuiser*.

⁹ См.: Chr. S. Stang, указ. соч., стр. 58—59.

Мотивированные формы могут избегать апофонии; в других случаях они допускают двойное оформление. Так, от *piešið*, *piēsti* встречается *raišos* и *piššos* «сажа»; от *(pra-)žŷsti* «цвести» *žáidas* и *žiedas* «цвет»; от *žiēbti* «зажечь» *žáibas* и *žiebas* «молния» и т. д.

Вопрос о вост.-балт. *ie* : *ai*, *ei* нуждается в детальном исследовании со стороны морфологического значения форм. Это поможет понять и чередование *ie* с дифтонгом, и морфологическую роль ударения, и прежде всего — явления продуктивности и непродуктивности разных морфологических процессов в восточно-балтийском.

Б. А. УСПЕНСКИЙ

ОДНА АРХАЙЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО
ПРОИЗНОШЕНИЯ

(Литургическое произношение старообрядцев-беспоповцев)

Предварительные замечания

Русское старообрядчество, с его принципиальным консерватизмом и пристальным вниманием к малейшим деталям старинного церковного обряда, смогло донести до нас многие стороны древней русской культуры. Здесь достаточно упомянуть иконы старых писем, которые тщательно сохранялись старообрядцами, но очень мало ценились вплоть до XX в. господствующей русской церковью¹, старинные моленные роспевы, которые опять-таки исправлялись и подновлялись в ортодоксальной службе, равно как и вообще искусство «знаменного» («крюкового») пения²; именно старообрядцами-беспоповцами был составлен первый в России труд по палеографии³, и вообще среди старообрядчества всегда поддерживались знания старинной грамоты, иконографии, церковного пения и т. д.⁴.

К этому перечню можно добавить и систему старинного церковнославянского произношения (сохранившего, в частности, произношение редуцированных, различение *е* и *ѣ*), которая донесена старообрядцами до наших дней⁵. Система эта используется при богослужении и вообще непосредственно связывается в сознании произносящего именно с ситуацией церковной службы (см. подробнее ниже); поэтому правомерно говорить об особом литургическом произношении старообрядцев⁶.

¹ О роли старообрядческого собирательства в сохранении древних икон см. статью В. И. Антониной «Древнерусская живопись в Государственной Третьяковской галерее», в кн.: В. И. Антонинова, Н. Е. Мневва, Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII вв., I, М., 1963.

² См. оценку певческого искусства старообрядцев в работе: С. т. Смоленский, О древнерусских певческих нотациях, СПб., 1901, стр. 34—40, 79—80.

³ См.: В. Г. Дружинин, Поморские палеографы начала XVIII столетия, «Летопись занятий Археографической комиссии», 31, Пг., 1923; его же, Дополнение к исследованию о Поморских палеографах начала XVIII века, там же, 33, Л., 1926.

⁴ О сохранении среди старообрядцев старинных рукописно-книжных традиций (и, в частности, традиции писцовой практики) см.: В. И. Малышев, Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв., Сыктывкар, 1960, стр. 19 (особенно примеч. 1), стр. 28, *passim*.

⁵ Особое чтение «яти» у старообрядцев было отмечено в свое время Л. Л. Васильевым (Л. Васильев, Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ* сравнительно с буквою *е* в памятниках XVII века, употребляющих эти буквы в слоге под ударением по древнему при замене в слог без ударения буквы *ѣ* буквою *е*, ИОРЯС, XV, 3, 1910, стр. 216—217); см. подробнее ниже. Ср. также упоминание о том же у Дурново (Н. Дурново, Введение в историю русского языка, ч. 1, Брно, 1927, стр. 19).

Большой материал по старообрядческому произношению был в свое время собран С. С. Высокким; остается надеяться на его публикацию.

⁶ Следует при этом оговориться, что термин «литургический» употребляется здесь как относящийся вообще к церковному богослужению — в широком смысле, — а не

Данной системе обучались по традиции с детских лет. С самого начала раскола у старообрядцев существовали специальные школы, где детей с малых лет обучали грамоте; обучение в таких школах (или на дому при помощи специальных учителей) было чрезвычайно распространено и не было обусловлено какими-либо социальными ограничениями. При этом в обучение грамоте входило не только обучение письму, но и обучение произношению артикулированных звуков (такое понимание слова «грамота» находится в соответствии с греческим τὰ γράμματα и имеет достаточно древние традиции в России⁷); надо сказать вообще, что именно чтению, наряду с пением, уделялось наибольшее внимание при обучении. Следует заметить, что при обучении церковнославянскому произношению — обучение происходило по «Азбукам» старинных образцов — учили читать с соблюдением различий в произношении все вообще возможные бинарные сочетания согласного со следующим за ним гласным (а также и некоторые тернарные сочетания).

Описываемая ниже система литургического произношения является в принципе общей для различных бесполовщинских согласий: федосеевского, филипповского, поморского. Система произношения в различных общинах, в том числе географически друг от друга весьма удаленных и не сообщающихся друг с другом, характеризуется в общем значительным единообразием, которое — что особенно показательно — охватывает не только принятую систему чтения графически запечатленного текста, но даже и случаи отступления произношения от написания.

Общая характеристика рассматриваемой системы произношения

Система старообрядческого произношения основывается на русской артикуляционной базе. Она складывается из тех моментов, на которые специально обращается внимание и соблюдение которых считается обязательным при чтении. С другой стороны, вне этой системы остаются всевозможные варианты произношения (в значительной степени обусловленные диалектальными и т. п. особенностями говорящего), которые не считаются релевантными при обучении, — например, произношение ц как [s'] или как сложный звук [s'č] и т. п.⁸

Таким образом, данная система как бы накладывается на сложившуюся уже (у того или иного индивида) систему артикуляции (русских звуков); последняя, тем самым, являет собой исходный фонетический материал, составляющий необходимый фон для усвоения описываемой системы.

Следует указать, что рассматриваемая система представляет собой по преимуществу систему чтения церковнославянских текстов⁹; она же применяется и в пении, при котором, опять-таки, в принципе руководствуются некоторыми имеющимся текстом. Соответственно, система произношения ориентирована на систему письма (т. е. кириллицу) и вообще непосредственно связана с графикой; общий принцип данной системы произноше-

собственно к литургии (ср. «Толковый словарь русского языка», под ред. Д. Н. Ушакова, II, М., 1938, стлб. 73). Эта оговорка тем более необходима, что литургии как таковой нет у сохранивших данное произношение старообрядцев-бесполовцев (поскольку право совершения литургии принадлежит лишь священству, которого не имеют бесполовцы).

⁷ См.: И. В. Я г и ч, Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке, СПб., 1896, стр. 515.

⁸ При исследовании традиции произношения того или иного звукового варианта (при том, что различие данных вариантов не считается релевантным) более показательным, по-видимому, является не чтение в собственном смысле слова, а пение, так как здесь слышнее момент имитации (и, с другой стороны, здесь меньше ориентации на письменный текст).

⁹ Имеются в виду по преимуществу тексты богослужебных книг, принятых при патриархе Иосифе («Иосифовой печати»), которыми пользуются старообрядцы (непосредственно или же в рукописных или печатных копиях).

ния состоит в том, чтобы как можно ближе следовать в произношении тем различиям, которые представлены в письменном тексте (этим обусловлено, в частности, стремление избежать ассимиляционных и др. позиционных изменений, о котором см. ниже). Следует оговориться, что при этом не различается произношение букв и, і и v, букв о и ѡ, букв з и s, ф и в, буквы ѣ и диграфа оу; точно так же можно считать, что не различается и произношение букв іа и а, е и є¹⁰. О случаях несовпадения произношения и написания будет сказано особо.

Что касается явлений просодии, то положение упрощается тем, что читаемые тексты, как правило, акцентуированы. Нам не удалось обнаружить какого-либо особого чтения разнообразных диакритических значков (таких, например, как «оксия», «вария», «камора», «исо», «апострофь», которые без различения воспринимаются как равноправные обозначения «силы», т. е. ударения, или таких, как «звательство»). Точно так же интонация при чтении определяется установленной «погласицей», причем существуют различные типы погласиц, в зависимости от категории читаемого текста (так, имеются особые погласицы на статьи, паремии и т. д.). У различных чтецов есть при этом свои индивидуальные погласицы, колеблющиеся лишь в пределах свободы, допускаемой соответствующим типом погласицы.

Поскольку — как было сказано выше — система старообрядческого произношения основывается на системе артикуляции русских звуков, рассматриваемую систему целесообразно описывать, исходя из системы современного русского (литературного) произношения — отмечая лишь те моменты, в которых церковнославянское произношение отличается от русского. Далее мы остановимся именно на этих отличиях; одновременно с рассмотрением специфических для данной системы черт мы будем давать и исторические экскурсы, которые будут обобщены в заключительном разделе настоящей работы.

Основные особенности рассматриваемой системы (сравнительно с системой русского литературного произношения)

Палатализация согласных. Различение і и ї. Различение і и ї тщательно соблюдается. При этом различие состоит не в качестве самого гласного, но в том, что ї смягчает предыдущий согласный (подобно современному русскому е), тогда как перед і смягчения согласного не происходит (аналогично украинскому е)¹¹. Вообще палатализация согласных происходит перед гласными и (і, v), ї, а, ѡ, ю, но не имеет места перед гласными а, є (е), о (ѡ), ѣ (оу), з, л.

¹⁰ Определенное различие в чтении букв и и а, е и є — а именно, йотированное или нейотированное их произношение — связано, собственно говоря, с орфографией, а не с фонетикой. Так, в положении не после согласного (т. е. в начале слова или после гласного) соответствующие звуки автоматически получают йотацию (см. ниже, стр. 72). При этом по орфографическим нормам в начальной позиции пишутся только е и я (а не є и ѡ); однако йотированное произношение не является присущим именно этим буквам, поскольку с йотацией читаются и буквы і, а в положении после гласного. В то же время в позиции после согласного буквы і и є произносятся одинаково (буква и в этой позиции не пишется).

¹¹ Характерно, что о тех, кто не различает і и ї в произношении, читая церковнославянские слова на манер современного русского чтения, т. е. со смягчением согласной как перед той, так и перед другой гласной (как это, например, принято у старообрядцев-поповцев и в патриаршей православной церкви), — старообрядцы, придерживающиеся рассматриваемой системы, говорят, что «они и а я т ь читают». Это высказывание, между прочим, демонстрирует и ту большую степень осознанности, с которой старообрядцы относятся к своей системе произношения.

В то же время сами гласные ϵ и ѣ по своим артикуляторным характеристикам практически идентичны (если отвлечься от того, что в ѣ может наблюдаться несколько большая закрытость, вызванная ассимиляционным уподоблением предыдущему согласному, который, по определению, всегда мягок).

Иногда, впрочем, — особенно в пении — ϵ произносится в отдельных словах настолько открыто, что слышится [ä], например, тѣбѣ [täb'é] (не исключено, что это след более архаичного произношения)¹².

Ср. противопоставленность твердых и мягких согласных в примерах:

хрѣтѣ (зв. падеж) [xɾ'isté]	хрѣтѣ (местн. падеж) [xɾ'ist'é]
нѣ [ne]	нѣмѣ [nín'e]
вѣзѣ [béz'e]	вѣсѣ [b'ése] и под.

Вместе с тем в тех случаях, когда перед ϵ и ѣ стоит согласный, который не входит в корреляцию палатализации, гласные произносятся совершенно одинаково. Так, полностью тождественны в произношении слова вѣѣ (зв. падеж) и вѣѣ (дат. падеж), гжѣ (зв. падеж) и гжѣ (дат. падеж).

Согласные ш, ж, ц, как это видно из только что сказанного, в принципе не противопоставляются в произношении по палатализации. Так, одинаково произносятся — помимо уже приведенных примеров — слова нѣша и нѣша , доушѣ и доушѣ и т. п. Точно так же не различаются в произношении формы поѣщѣ и поѣщѣ .

В то же время следует отметить относительно твердое чтение щ и ч перед а , ѣ , ѣ . Так, щ в этой позиции произносится почти так же твердо, как ш, отличаясь от последнего не столько палатализованностью, сколько альвеолярностью артикуляции. Этот момент составляет еще одно отличие описываемой системы от современного русского языка, где щ перед соответствующими гласными произносится мягко. Например, щ в формах сѣщѣ , сѣщѣ читается значительно более твердо, чем в соответствующих русских словах и одновременно более твердо, чем щ перед и (т) или ѣ (произношение щ в данной позиции не отличается от современного русского произношения щ); ср. также слова типа просѣщѣица , где в произношении противопоставлены относительно твердое [ʃ] перед а и мягкое [ʃ'] перед ѣ ¹³. Аналогичная твердость перед данными гласными отмечается и в произношении ч (спорадически же она может слышаться и в отношении других шипящих).

Описанные особенности старообрядческого произношения букв ϵ и ѣ в большой степени согласуются с выводами Л. Л. Васильева о звуковом качестве этих букв в московских памятниках XVII в. (на что, впрочем, указывает и сам автор)¹⁴. Анализ поведения ударных ϵ и ѣ в ряде памятников XVII в. (в частности, после ц) и констатация замены ѣ на ϵ в тех же позициях, где происходит замена н на ѣ , привели Л. Л. Васильева к выводу, «что буква ϵ сравнительно с буквою ѣ , подобно букве ѣ сравнительно с буквою н , в сознании писцов ассоциировалась с гласною буквою, указывающею на большую твердость предыдущей согласной»¹⁵; этот вывод был

¹² Открытое произношение гласных при пении отмечал и Селищев у забайкальских старообрядцев (А. М. Селищев, Забайкальские старообрядцы. Семейские, Иркутск, 1920, стр. 16).

¹³ В то же время чтение щ перед ы (т. е. в таких формах, как поѣщѣ , градѣщѣ , копѣщѣ , шѣстѣищѣ и т. п.) не отличается от чтения перед и . По-видимому, это объясняется тем, что щ перед ы осознается как чисто орфографическое явление, поскольку в окончаниях причастий, где встречается такое написание, ы варьируется с и (т) (ср. уже приведенный пример: поѣщѣ и поѣщѣ).

¹⁴ См.: Л. Васильев, указ. соч.

¹⁵ Там же, стр. 195.

подкреплен рассмотрением передачи русских звуков в записях латинскими буквами XVII в. (передача ударного *ѣ* через латинское *ie* при передаче русского *е* через латинское *e*)¹⁶.

В то же время, как отмечает Л. Л. Васильев вслед за Е. Ф. Будде (основываясь на разборе грамматических описаний Тредьяковского и Сумарокова), аналогичное различие, по всей вероятности, сохранялось еще в произношении образованных людей в XVIII в., хотя и находилось уже в стадии исчезновения¹⁷; причем, по предположению Е. Ф. Будде, это различие у интеллигентных москвичей XVIII в. было вызвано именно влиянием церковного произношения¹⁸.

Итак, описанный способ различения в произношении *ѣ* и *ѣ́* восходит по крайней мере к XVII в. (но, очевидно, и к более раннему времени) и отражает принятую тогда систему литургического произношения; эта система литургического произношения сохранялась еще в XVIII в. и в синодальной православной церкви (а под влиянием последней и в языке интеллигенции).

Должно заметить вообще, что на необходимость различного произношения *ѣ* и *ѣ́* указывают некоторые сочинения XV—XVII вв., на которые ссылаются иногда и сами старообрядцы (хотя в сочинениях этих и не указывается, в чем именно должно состоять различие в произношении данных звуков).

Ср. прежде всего предупреждение против замены в произношении *ѣ́* через *ѣ* и вообще против их смешения в сочинении «Наказаніе ко Ѹчителемъ, како имъ оучити дѣтей грамотѣ, и како дѣтемъ оучитиса Бжественомѹ писанію и разбѣнїю», которым открывается принятая у старообрядцев Псалтирь (посифовой печати): «Паче же гать *ѣ́* естемъ разнїти. еже бы не рещи *ѣ́* мѣсто *ѣ́нїа*, *ѣ́нїе*. и *ѣ́* мѣсто *ѣ́ти*, *ѣ́ти*. и въ мѣсто *ѣ́сти*, *ѣ́сти* и въ мѣсто *нѣста*, *нѣста*. и въ мѣсто *лѣто*, *лѣто*. и въ мѣсто *рѣчи*, *рѣчи*. и прочаа таковаа. *ѣ́* бо вельми зазорно и оужорно, еже гать въ мѣсто ести глаголати. такоже и есть въ мѣсто гати. *ѣ́* сего бываетъ велїе несмыслство Ѹченїю»¹⁹.

Ср. также о том же в сочинении «Сила соуществѹ книжнаго писма»: «Се *ѣ́* оу нѣкъ *ѣ́* мѣсто *ѣ́* приемлетса, егда *ѣ́* глаголють въ мѣсто *ѣ́*. и *ѣ́* въ мѣсто *ѣ́*, и *ѣ́* гдѣ *ѣ́*, и прочаа. нелѣпо же ихъ есть оупотребленїе»²⁰.

Мы отмечаем сходство описываемой системы с системой произношения, реконструируемой для московского говора XVII в.; но надо указать и на определенные отличия. При этом самый факт неполного совпадения можно признать, вообще говоря, естественным — как потому, что отнюдь не обязательно ожидать, что описываемая система должна отражать именно московский говор, так и — главное — потому, что она может отражать систему литургического произношения, не совпадающую с каким-либо говором вообще (подробнее об этом будет сказано ниже).

¹⁶ Л. Васильев, указ. соч., стр. 196, 200.

¹⁷ Там же, стр. 202, 213; Е. Ф. Будде, Несколько заметок из истории русского языка, ЖМНП, ч. СССХVI, март 1898, стр. 163.

Укажем еще и на свидетельство Ломоносова (см. § 20 его «Российской грамматики»), который приводит противопоставление *ѣ* — *ѣ́* как параллельное противопоставлениям *а* — *я*, *м* — *и*, *у* — *ю*, *о* — *ѳ* (обозначая при этом гласные *а*, *е*, *м*, *о*, *у*, как «дебелые», а *я*, *ѣ́*, *и*, *ѳ*, *ю* — как «тонкие»)

¹⁸ Возражения Л. Л. Васильева в данном случае не кажутся нам основательными.

¹⁹ Цитируем по Псалтири, напечатанной в Москве 20 IX 1645 г. См. также: И. В. Ягич, Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке, стр. 500—501. Это место приводится (по изданию Ягича) и у Васильева в вышеуказанной статье, а также (по рукописному списку) у Селищева (А. М. Селищев, указ. соч., стр. 19).

²⁰ И. В. Ягич, указ. соч., стр. 429—430.

Так, некоторые данные говорят за то, что в московском говоре XVII в. и раньше, *ѣ* и *е* различались не только по признаку палатализации предыдущего согласного (как это было констатировано выше для системы старообрядческого произношения), но и по фонетическому качеству самих гласных²¹. В самом деле, в исследованных Л. Л. Васильевым московских памятниках в безударном положении *ѣ* переходит в *е*²², и, если принять его выводы в отношении палатализации предшествующего согласного, надо признать, что качество согласного (его палатальность) зависит от того, под ударением или без ударения находится следующий за ним гласный. Но палатальность согласного, вообще говоря, не должна была бы зависеть от ударенности следующего гласного; как известно, и в случае редукции гласных, которую естественно ожидать при отсутствии ударения, сохраняется различие между гласными, смягчающими предшествующий согласный, и гласными, не производящими такого смягчения.

Вероятным объяснением здесь может быть то, что сами гласные *е* и *ѣ* различались еще и фонетически, причем *ѣ* представлял собой дифтонг типа [ie]²³; в неударной позиции происходила редукция [ie] в [e], т. е. *ѣ* превращался в *е*, и отсюда следовала твердость предшествующего согласного.

В то же время в старообрядческом произношении различие *ѣ* и *е* сохраняется и в неударном положении (где оно происходит совершенно таким же образом, что и в положении ударном).

Выше были даны общие правила произношения *ѣ* и *ѣ́*. Следует заметить, что в отдельных словах эти правила могут нарушаться, что может объясняться как сохранением каких-то старых рефлексов в произношении, так и — в определенных случаях — интерференцией с русской речью, которая в принципе также может иметь достаточно древние корни (характерно в этой связи, что в ряде случаев *ѣ* смягчает предшествующий согласный в топонимических названиях, которые могли ассоциироваться не с церковнославянской, а с русской лексикой — см. следующие ниже примеры). Так, в ряде слов была отмечена палатализация согласного перед *ѣ*; приведем замеченные нами случаи:

пѣрѣмъ — с мягким *п* перед *ѣ*; интересно, что именно это слово было отмечено как пример непоследовательного чтения *ѣ* и Л. Л. Васильевым²⁴.

голосѣцѣи — с мягким *к* перед *ѣ*;

вѣлозѣрѣкѣи — с мягким *з* перед *ѣ*.

Отступление от общих правил чтения в данных словах (а также, возможно, и в некоторых других) имеет достаточно последовательный характер — оно отмечается, между прочим, в чтении разных информантов, принадлежащих к различным общинам. Таким образом, и сами эти отступления не случайны, но относятся к традиции произношения.

Произношение редуцированных. Редуцированные *ѣ* и *ѣ́* произносятся как в конечной, так и в срединной позиции (причем в конечной позиции их произношение обычно более явственно). При этом так же как и в случае различения *ѣ* и *ѣ́*, различие между *ѣ* и *ѣ́* может выражаться не столько в качестве самого гласного, сколько в качестве предшествующего согласного.

В конечной позиции произнесение редуцированных слышится обычно лишь при достаточно тщательном произношении. Наиболее же отчетливым акустическим признаком наличия редуцированного на конце

²¹ Иного мнения придерживаются, по-видимому, Е. Ф. Будде и Л. Л. Васильев (см. указанные выше их работы).

²² Помимо статьи, указанной выше, см.: Л. Васильев, К истории звука *ѣ* в московском говоре XIV—XVII вв., ИОРЯС, X, 2, 1905.

²³ Ср.: А. А. Шахматов, Исследование в области русской фонетики, Варшава, 1893, стр. 143, 156; В. В. Виноградов, Исследования в области фонетики северно-русского наречия, вып. 1, стр. 281 и сл. (отг. из ИОРЯС, XXIV, кн. 1 и 2, 1919); е го же, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1938, стр. 102—103.

²⁴ Л. Васильев, Несколько данных..., стр. 217.

слова является поведение предшествующего ему согласного: наличие редуцированных выражается прежде всего в отсутствии оглушения конечного звонкого согласного (в случае, если конечный согласный в слове звонкий) или в придыхании и вообще усиленном произношении конечного взрывного (в случае, если конечный согласный в слове — глухой взрывной). Точно такое же придыхание и усиление слышится перед редуцированным в случае фрикативного χ на конце слова; в несколько меньшей степени слышится аспирация фрикативных ζ , ψ , ψ , которые просто произносятся с усилением; аналогичное усиление может слышаться и после конечных сонантов. Ср.:

дѡлѣзъ [doly²⁵] или [doly]
 востѡвѣзъ [vostáv²⁵] или [vostáv]
 крѣтѣзъ [krést²⁵] или [krest'²⁵]
 грѣхѣзъ [gr'эх²⁵] или [gr'ex'²⁵]
 гдѣзъ [ɣospód'²⁵] или [ɣospód']
 дѡждѣзъ [dážd'²⁵] или [dažd']
 днѣзъ [dnés'²⁵] или [dnes'] и т. д.

Надо сказать, что на недопустимость оглушения конечных согласных специально обращал внимание один из основателей и киновиарх Выговской Поморской пустыни Андрей Денисов. Так, в рукописном сборнике высказываний последнего, составленном в 1764 г. (из собрания Е. Е. Егорова), сообщаются следующие правила, усвоенные Андреем Денисовым при произнесении слов: «Дабы послѣднїи слоги въ реченїяхъ чисто произносились... чтобы реченїя свойственными кончать слогами, а не странными: напримѣр рещи: Богъ, а не Бохъ; въ множественномъ числѣ: боговъ, а не богофъ. Муж, а не мушь, весь день, а не везь день»²⁶.

В некоторых устоявшихся сочетаниях конечный редуцированный может слышаться особенно отчетливо. Таковы, например, сочетания рѣзъ тѣоуѣзъ или рѣзъ скѡуѣзъ (имеется в виду произношение з в слове рѣзъ). Особенно это чувствуется в пении; так, в поминальном пении покой гдѣ дѡшѣ сѣбѣ рѣзъ скѡуѣзъ редуцированный з в слове рѣзъ по своему звуковому качеству почти приближается к м .

В неконечной позиции редуцированные слышатся исключительно при тщательном произношении. Относительно более отчетливо в этой позиции произносятся л : комѡмѣ [von'²⁵mi], тѣлѣцѣ [tel'²⁵tsá] и т. д.

Что же до среднего з , то его произношение релевантно прежде всего при стыке согласных, один из которых (или оба) является щелевым. Если в случае отсутствия з (или заменяющей его диакритики — «ерка») в таком сочетании происходит более или менее непосредственный (непрерывный) переход от одного согласного к другому, то наличие з между согласными обуславливает необходимость так называемого отступа звука, т. е. размыкания, предшествующего приступу следующего звука и разделяющего согласные в сочетании. Ср.: козѣдѡмѣ [voz'²⁵dám²⁵], козѣгѡбѡлѡхѣ [voz'²⁵ɣabólax²⁵], но: изѣвѣи [izbáv'i], где нет перерыва между [z] и [b], скѣтѣлѣ с непосредственным переходом от [t] к [i] и т. п.

Соответственно, в случае стечения одинаковых щелевых согласных при наличии между ними з данные согласные произносятся прерывно, т. е. с размыканием (иначе говоря, с двумя отдельными фокусами, а не с единой длительной фокусировкой), — тогда как при отсутствии з произ-

²⁵ Диакритическим знаком ²⁵ обозначается аспирация

²⁶ Отдел рукописей Гос. библиот. им. Ленина, ф. 98, № 1247; ср. также: В. Г. Дружинин, Словесные науки в Выговской Поморской пустыни, СПб., 1911, стр. 18. Предписание произношения *Богъ*, а не *Бохъ* относится, конечно, к запрещению глухой конечной согласной, а не к запрещению фрикативного [ɣ] (о фрикативном [ɣ] см. ниже, стр. 70).

носятся долгий согласный. Ср.: *ĭslāvima* [s^oslāv'imal], но *ĭsōpъ* [išōp^o] (с долгим [s]); *ĭ vĕdъnĭ* [v^ov'ĕd'en'ijil], но *vĕdĭ* [vĕd'i] (с долгим [v]) и т. д.

Необходимо оговориться, впрочем, что сформулированное противопоставление долгого и прерывного произношения согласного правомерно констатировать главным образом в качестве тенденции, которую можно предположить при известной идеализации, но которая весьма часто может и нарушаться.

В то же время в случае стыка с м ы ч н ы х согласных (а иногда даже и в сочетаниях смычного с последующим шелевым) наличие ѣ мало что меняет, так как и в случае его отсутствия эксплозия смычного, разделяющая согласные в сочетаниях, здесь слышится очень ясно (см. об этом ниже).

В дополнение к вышесказанному следует еще отметить, что в пении этимологические редуцированные передаются особым образом — через так называемую х о м о н и ю. Как известно, при «хомовом» пении (иначе называемом «наонным» или «раздельнонаречным») ²⁷ бывший ѣ передается как о, а бывший ь — как е (например, поется *носимо* вместо *носимъ*, *есте* вместо *есть*, *побѣдителенъ* вместо *побѣдительна* и т. п.) ²⁸. Это явление непосредственно восходит к эпохе падения редуцированных и образования из них в сильной позиции о и е: переход ѣ > о и ь > е в пении произошел вскоре после падения редуцированных, когда в связи с их исчезновением сократилось количество слогов, и текст перестал соответствовать мелодии. Соответственно в XIV—XV вв. в тексте певческих книг произошла замена редуцированных на о или е ²⁹

²⁷ Еще иначе говорят: пение «по хомоням» или «на он».

²⁸ «Хомовое» пение противопоставляется «наречному» (или «истиннонаречному», пению «на ер»), в котором бывшие редуцированные не сохранились вовсе или сохранились в том же виде, что и в чтении, и произношение вообще приближено к современному. «Наречное» пение принято не только в официальной православной церкви, но и у старообрядцев-поповцев, а также и в некоторых беспоповских общинах. Это несоответствие старообрядцев различных толков в этом вопросе, несомненно, объясняется тем, что разногласия по поводу того, каким должно быть церковное пение, возникли еще до раскола. Последовательно наречное пение стало вводиться уже при Никоне (в соответствии со специальным царским указом 1652 г.); затем оно было подтверждено собором 1666—1667 гг. и с тех пор повсеместно принято в официальной православной церкви. Среди сторонников наречного пения и противников хомоний были также признанные в старообрядчестве авторитеты, как протопоп Аввакум, Иоанн (Григорий) Неронов, Андрей Денисов — но тем не менее в Выгорецкой общине при последнем принято было пение хомовое. В то же время, ревностными приверженцами хомового пения были соловецкие старцы.

Беспоповцы в большинстве случаев искони придерживаются наонного (хомового) пения, но в некоторых общинах принято пение наречное. Последнее возможно, кажется, только в поморском согласии (что, может быть, правомерно связать с упомянутыми разногласиями по этому вопросу в Выгореции) (см. полемические сочинения беспоповцев по данному вопросу: «О хомовом пении» Гаврилы Артамонова в «Трудах Киевской Духовной Академии» за 1876 г., «О хомовом пении» в журн. «Истина», кн. 59, 61, 63, Псков, 1879). В хомовом пении старообрядцев-беспоповцев сохраняется, между прочим, и такое древнее явление, как так называемые «аненайки», т. е. вставные глоссоладии.

О добавочных гласных и вставных слогах в современном русском народном пении как явлениях, функционально соответствующем древнему хомовому пению, см.: Ст. Смоленский, О ближайших практических задачах и научных разысканиях в области русской церковно-певческой археологии, СПб., 1904, стр. 37, А. А. Потебня, К истории звуков русского языка, Воронеж, 1876, стр. 35—36. Ср. в этой связи также замечание Р. О. Якобсона о том, «что до падения слабых глухих гласных в древнерусском языке устный эпический стих сохранял силлабический характер и что после падения глухих вставка паразитного гласного сперва служила восстановлению распатанной силлабической сетки. Таким образом, — заключает Р. О. Якобсон, — первоначально вставной гласный мог быть стихотворным субститутотом утраченных еров» (Р. О. Якобсон, О соотношении между песенной и разговорной народной речью, ВЯ, 1962, 3, стр. 89).

²⁹ Эта замена была тем более необходима, что в певческих рукописях до XIV в. гласные ѣ и ь могли тянуться (в соответствии с напевом) точно так же, как и все остальные гласные: ср., например, такие написания, как *непррѣбѣбѣмѣбно*, *вьсьсь*, *пріііііиіиішааа* и т. п.

(такая замена была в принципе возможна в любой, а не только в сильной позиции), т. е. стали писать *Христосо* вместо *Христось*, *денесе* вместо *дньесь* и т. п.³⁰

Таким образом, тексты для пения не совпадают с текстами для чтения (причем расхождение этих текстов произошло задолго до раскола)³¹ и в данном случае правомерно говорить лишь об исторической связи гласных *о* и *е* с бывшими редуцированными; с синхронной точки зрения *о* и *е* произносятся не потому, что на их месте были *ъ* и *ь*, но потому, что соответствующее написание дается в текстах, по которым происходит пение³². Между тем, произношение в текстах для пения основывается на тех же самых правилах, что и в текстах для чтения.

Произношение г. Одним из характерных признаков описываемой системы является произношение г в виде фрикативного задненебного [ɣ]; подобное произношение отнюдь не ограничивается такими словами, как *Господь*, *Богъ*, *благъ* и т. п., но имеет место вообще во всех случаях³³.

Есть все основания думать, что фрикативное произношение было характерно в свое время — в частности в XVIII—XIX вв. — и для литургического языка официальной православной церкви (в какой-то степени оно сохранилось здесь и вплоть до настоящего времени)³⁴. В этой связи, между прочим, знаменательно свидетельство Сумарокова о том, что *г* в «славянских речениях» (т. е. по всей видимости, в языке православной службы XVIII в.) произносилось как латинское *h*, а в просторечии как латинское *g*³⁵. Отсюда же объясняется и фрикативное произношение *г* в языке интеллигенции XVIII в. (сохранявшееся в высоком слоге еще и в начале XIX в.), которое неоднократно констатировалось исследовате-

³⁰ Такая замена происходила сначала не во всех случаях, а в зависимости от метра или мелодии. Так, в одном тексте и даже в одной строке могло писаться и *дньесь*, и *дньесе*, *денесе*, *денесе*; позднее — к XVII в. — во всех случаях стали писать поющую огласовку (см.: Ст. Смоленский, О древне-русских певческих нотациях, СПб., 1901, стр. 80). Весьма вероятно, что именно беглый характер *о* и *е*, восходящих к бывшим редуцированным, способствовал свободе данной замены.

³¹ При этом тексты для пения отражают, вообще говоря, более древнее состояние языка: в частности, *о* или *е* может появляться в таких позициях, где соответствующий редуцированный исчез уже давно и не произносится при литургическом чтении (например, *спасо* < *спьась* в пении, но *спась* в чтении, *всемогущаа* < *вьсемогущаа* в пении, но *всемогущаа* в чтении, и т. п.).

³² Вместе с тем в свое время, кажется, могло иметь место и известное смещение текстов для пения и текстов для чтения (которое, правда, ограничилось, по-видимому, только исключительными случаями). Так, из переписки протопопа Аввакума с иосквичом Борисом мы узнаем, что некий чернец Игнатий не только выпевает по нотным книгам, но иногда «и по печати говорит» не «на речь», выкрикивая, например, *Преславенная денесе* (см. «Памятники истории старообрядчества XVII в.», кн. I, вып. 1, Л., 1927, стр. 857).

Узнаем, с другой стороны, что хомовое пение обычно совмещается в той или иной степени с элементами пения наречного.

³³ При многократном повторении *Господи помилуй* фрикативный звук нередко даже проглатывается — что совершенно соответствует произношению *Осподи помилуй*, зафиксированному еще в XV в. Ср. «знаменитое известие» новгородской летописи под 1476 годом: «Той же зимы въкоторый философъ начаша пѣти: О господи помилуй, а друзѣи: Осподи помилуй» (цит. по кн.: Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, Киев, 1950, стр. 109, примеч. 1; ср.: А. Н. Пыпин, История русской литературы, II, 4-е изд., СПб., 1911, стр. 641, Д. В. Разумовский, Церковное пение в России, I, М., 1867, стр. 65).

³⁴ Отсюда фрикативное *г* нередко вообще было характерно для речи духовенства. См.: С. Булич, Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке, ч. I, СПб., 1893, стр. 154—155. Ср. также: А. А. Шахматов, Очерки современного русского литературного языка, М., 1941, стр. 91; Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 28.

³⁵ А. П. Сумароков, Наставление ученикам, в кн.: А. П. Сумароков, Полное собрание всех сочинений..., ч. X, 2-е изд., М., 1787, стр. 49.

лями ³⁶; рефлекс такого произношения, между прочим, сохранился до наших дней в традиции передачи *h* через *z* в иностранных именах.

Соответственно мы вправе предположить, что фрикативное чтение *г* было присуще языку православного богослужения и во время, предшествующее расколу ³⁷. Мы уже видели, что в ряде отношений литургический язык синодальной православной церкви в XVIII в. еще сохраняет особенности языка церковной службы XVII в. — который, по всей вероятности, и лег в основу описываемой нами системы (см. подробнее об этом ниже). Фрикативное произношение *г* служит еще одной иллюстрацией этого.

Итак, фрикативность *г* отражает старую традицию литургического чтения, которая несомненно возникла намного ранее XVII в. В севернорусских памятниках фрикативное *z* с безусловностью констатируется во всяком случае с XIV в. ³⁸. В то же время, как известно, ряд ученых (И. А. Бодуэн де Куртене и особенно А. А. Шахматов) считали возможным относить подобное произношение в литургическом языке официальной церкви еще к киевской эпохе (объясняя его через южнорусскую манеру чтения церковных книг, которое и дало начало особому литургическому произношению) ³⁹.

Рефлексы данного произношения дошли до нашего времени как в соответствующем произношении слов *Господи*, *Бог* и некот. др., связанных с богослужебной лексикой в литературном русском языке, так и, например, в диалектальной форме имени *Ольга* (*Ольга*) (в связи с тем, что имя *Ольга* проникало в говоры под церковным влиянием) ⁴⁰.

Позиционное поведение звуков. Общим принципом является стремление избежать какого бы то ни было позиционного изменения звуков.

В отношении гласных следует указать на отсутствие редукции *и*, в частности *аканья*, которое считается совершенно недопустимым. Отсутствие *аканья* является одним из наиболее важных и устойчивых признаков описываемой системы: все случаи *аканья* тщательно поправляются при обучении произношению. Можно отметить вообще отсутствие

³⁶ См.: В. В. Виноградов, Исследования в области фонетики..., стр. 284—285; его же, Очерки по истории..., стр. 103—104; В. А. Богородицкий, Диалектологические заметки, IV, Казань, 1902, Е. Ф. Будде, указ. соч., стр. 166; К. В. Горшкова, Из истории московского говора в конце XVII — начале XVIII вв. Канд. диссерт., М., 1945, стр. 21, 123—126. — Фрикативное [γ] в XVIII в. нередко объясняют южнорусским влиянием, но гипотеза о сильном влиянии на произношение южнорусского духовенства именно в XVIII в. вызывает известные сомнения. См.: В. В. Виноградов, Исследования в области фонетики..., стр. 285.

³⁷ Заметим, что в грамматических сочинениях XVI в. могут приводиться параллельные ряды так называемых «сходительных» согласных, т. е. противопоставленных лишь по звонкости, причем коррелятом к *г* здесь выступает *х*, а не *к*: пара *г* — *х* приводится наряду с парами *б* — *п*, *в* — *ф* (*е*), *л* — *т*, *ж* — *ш*, *з* (*с*) — *с*. См., например, сочинение «Написание языком словенским о грамотѣ и о ея строеніи» (И. В. Ягич, указ. соч., стр. 371).

Таким образом, подобно тому, как нам известно в отношении произношения *ѣ*, что *ѣ* относится к *е* так же, как *я* к *а*, *и* к *ы*, *ѣ* к *о*, *ю* к *у* (см. выше, примеч. 17) — алогично, в отношении чтения *z* нам известно, что *z* относится к *z* так же, как *б* к *п*, *в* к *ф*, *д* к *т* и т. д. В обоих случаях нам дано как бы уравнение с одним неизвестным, на основании которого нетрудно заключить о значении (фонетическом) этого неизвестного.

³⁸ См. о пропуске *г* в словах *государь*, *господарь*, *господинъ* и т. п. в старых русских памятниках, свидетельствующем о его фрикативности: А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, 2-е изд., СПб., 1891, стр. 112.

³⁹ См.: А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, 4-е изд., М., 1941, стр. 92; его же, Очерк древнейшего периода истории русского языка, Пг., 1915, стр. 162, 178, 196; его же, Курс истории русского языка, ч. 1, СПб., 1910—1912, стр. 192.

⁴⁰ См. об этом: Л. Л. Касаткина, О фонеме [γ] в севернорусских говорах в связи с историей произношения [j] в имени *Ольга* (*Ольга*), «Очерки по фонетике севернорусских говоров», М., 1967.

ощутимого различия в произношении гласных под ударением и в безударной позиции, как это свойственно современному русскому произношению, — следствием чего является особый просодический рисунок церковнославянского чтения, заключающийся прежде всего в более равномерном слогаобразовании, чем в живой русской речи, и меньшем значении силового ударения. Укажем, что аналогичная особенность в большой степени прослеживается и в богослужебном чтении официальной (синодальной и патриаршей) церкви⁴¹; отсюда «оканье», наряду с фрикативным произношением *э*, часто проникало в речь духовенства и считалось, как известно, специфическим «семинарским» произношением.

В отношении согласных надо отметить тенденцию избегать ассимиляции согласных, сочетающихся друг с другом. При стыке смычных согласных после первого согласного может явственно слышаться эксплозия, предшествующая приступу второго согласного звука. Иногда — при достаточно отчетливом произношении — даже слышан и определенный «ер»-образный призвук, разделяющий согласные (при том, что между данными согласными нет разделяющего «ера»). Ср., например: *сче* [sʲeʲtʲʂe] или [sʲtʲʲʂe]. В случае стыка звонкого смычного согласного с длительным, в результате особенно тщательной артикуляции звонкости может также слышаться эксплозия с эффектом «ер»-образного призвука.

Характерно отсутствие ассимиляции в сочетании согласных, различающихся между собой только по звонкости (в таких, например, словах, как *нимѣръско* или *разбѣждѣти* и т. п.).

Ко всему только что сказанному необходима оговорка, что ассимиляции согласных практически не удается полностью избежать при чтении, но тенденция к отсутствию ассимиляции совершенно несомненна.

Сочетание одинаковых щелевых согласных, как уже упоминалось выше, произносится как долгий звук. Ср., например, удлинение различных согласных в таких словах, как *ѡбрѣдѡваннаѡ*, *ѡсѡбѡз*, *кѡсѡжжѣнѣ*, *многосѡбѣщѣнаѡ* и т. п.

В то же время при стечении одинаковых гласных — и вообще при зиянии гласных — появляется разделяющий [j] или легкая гортанная смычка. Ср. *касиѣти* [kasʲiʲtʲi], *ѡбрѣдѣти* [avraʲdʲeʲtʲi]⁴², *прѣидѣти* [prʲiʲdʲeʲtʲi] или [prʲiʲdʲʲeʲtʲi].

При этом [j] может появляться (в случае стечения гласных) перед теми гласными, которые имеют йотацию в начальной позиции, иначе говоря, в произношении сочетаний с буквами *ѣ* (e), *ѡ* (a), *ю*, и *ѣ* (i)⁴³. Перед остальными гласными в случае стечения гласных появляется гортанная смычка. Двойное произношение сочетаний с *и* может быть поставлено в связь с тем обстоятельством, что начальное *и* в определенных словах может произноситься с йотацией (например, в таких словах, как *ѣхъ*, *ѣже*).

Несовпадение произношения и написания: сохранение этимологического редукци рованного. В определенных случаях произношение слов не совпадает с их написанием; такие случаи представляют, вообще говоря, особенный интерес, поскольку здесь мы имеем возможность наблюдать традицию произношения в наиболее чистом виде (не подвергнушаяся влиянию графики), которая в принципе может иметь весьма древние корни.

⁴¹ См.: С. К. Булич, указ. соч., стр. 134—135; Булич весьма правдоподобно связывает данное явление с псалмодическим характером богослужебного чтения (ср. в этой связи сказанное выше о «погласицах», стр. 64).

⁴² Иначе говоря, здесь имеет место долгое двувершинное [a].

⁴³ Выше уже говорилось, что по нормам орфографии *ѣ* и *ѡ* в начальной позиции не пишутся, а пишутся, соответственно, *е* и *а* (см. стр. 64, примеч. 10).

Случай несовпадения произношения и написания могут быть вызваны как сохранением в произношении каких-то старых этимологических рефлексов (не сохранившихся в написании соответствующих слов), так и стремлением унифицировать произношение тех или иных слов (при разном в их орфографии) в текстах, предназначенных для чтения. Последнее носит, по-видимому, преимущественно индивидуальный характер, т. е. не относится к традиции произнесения, тогда как первое принадлежит самой системе произношения, передаваемой по традиции в разных общинах. Укажем, что несовпадение произношения и написания в приводимых ниже словах отмечалось нами — с большей или меньшей регулярностью — в чтении информантов, принадлежащих к различным общинам и даже к разным согласиям, что может служить несомненным свидетельством в пользу неслучайности такого несовпадения.

Наиболее общим случаем несовпадения произношения и написания в результате сохранения каких-то старых рефлексов является случай сохранения этимологического редуцированного (который никак не отражается в написании).

Сохранение этимологического «еря» происходит обычно в позиции после сонорного согласного: в целом ряде слов сонорный перед другим согласным читается мягко, т. е. так, как если бы их разделял *ь* (который на деле в написании отсутствует). Подобная мягкость сонорного (в сочетании с другим согласным) была отмечена в словах: *цѣркѡва*, *пѣркѡе*, *вѣтцѣа*, *концѣа*, *мла̑нѣстѡкавѣша*, *начѣлникъ*, *похѣлано*, *оумѣана*, *сопрѣтѣана*, *спѣланы*, *скѣтѣаникъ* (а также в производных от них) и т. п.

Этимологический «еря» после несонорного согласного сохраняется редко: мы можем отметить случаи *чмѣ* (с мягким *ч*), *каѣнѣма* (где буква *с* читается с палатализацией и озвончением — как [z']).

Особое произношение исторического «еря» в словах *сѣрдце* и *солнце*. Данные два слова отчетливо выделяются по своему произношению. Перед последним слогом в них явственно слышится гласный призывок, который по своему качеству более всего приближается либо к очень отчетливо произнесенному редуцированному *ъ*, либо к полному (т. е. нередуцированному) гласному *ѣ*: *сѣрце* (*сѣрдце*) [sěrdetse] или [sěrd^ətse], *солнце* [sólnetse] или [sóln^ətse].

Отметим, что произнесение данного звука не зависит от темпа речи: он произносится в указанных словах с непереносностью, не исчезая при чтении *allegro*, как это происходит с редуцированным (или же с разделяющим) призывком, возникающим в случае отсутствия ассимиляции согласных). В частности, по этой причине мы не можем рассматривать этот звук как *ъ*, к которому он может отчасти приближаться по своему звучанию. С другой стороны, этимологически в данной позиции следовало бы ожидать в обоих словах не *ъ*, а *ь*; таким образом, если бы мы и интерпретировали рассматриваемый звук как особенно отчетливый *ъ*, то наличие в данных словах именно *ъ*, а не *ь*, нуждалось бы в специальном объяснении (здесь можно было бы предполагать, например, древнюю замену *ь* на *ъ*, которая была возможна в определенный период).

Указанные слова замечательны в том отношении, что их произношение соответствует, в общем, той форме, которую мы ожидали бы встретить не в чтении, но в пении (хоровом). Можно сказать, что мы имеем здесь едва ли не уникальный случай, когда слово с редуцированным (бывшим или непосредственно наличным) совпадает по своей форме в чтении и в пении (при полной хоровости). Действительно, в певческих текстах хорового распева имеем именно формы *солнце* и *сѣрдце* (между тем, если бы здесь отражался *ъ*, а не *ь*, следовало бы ожидать формы *солноце

и *срѣдце). Соответственно, можно было бы предполагать здесь влияние произношения в пении на произношение в чтении, хотя и остается непонятным при подобном объяснении, чем вызвано такое влияние именно в данном случае. Нам, однако, кажется наиболее вероятным следующее объяснение, представляющее данное явление как весьма архаическое.

Известно, что в определенную эпоху редуцированные в отдельных случаях могли переходить в *о* и *е* не только в сильной, но и в слабой позиции — и таким образом в древнерусских памятниках XI—XII вв. могут встретиться такие формы (в точности соответствующие более поздним формам хомового пения!), как *веселеноую, добродѣтели, миро, берего всею* и т. п.⁴⁴ А. А. Шахматов объясняет это тем, что переход сильных *ъ* и *ь* в *о* и *е* в диалектах старославянского языка совершился раньше, чем в русском, причем такой переход имел место и в том диалекте, который был перенесен на Русь в X—XI вв. через книги и болгарских учителей. «Прямым результатом этого, — пишет Шахматов, — явилось то, что при чтении церковных книг русские люди стали произносить букву *ъ* как *о*, букву *ь* как *е*, не справляясь, конечно, с тем, сильные ли эти *ъ*, *ь* в живом русском произношении или слабые»⁴⁵. При этом существенно, что такое искусственное произношение воспринималось как литургическое, т. е. связывалось в сознании именно с языком церковного богослужения.

Таким образом, мы полагаем, что в произношении рассматриваемых нами слов отражается древнее (восходящее к XI—XII вв.) явление замены редуцированного *ъ* на *е* в слабой позиции (укажем в этой связи на форму *сърѣдце*, встречающуюся в текстах XII в.). При этом, поскольку перед *е* согласный не смягчается, предшествующий бывшему редуцированному согласный уже по более поздним нормам чтения стал читаться как твердый (аналогично тому, опять-таки, как это произошло в пении, — где точно так же согласный перед бывшим *ъ*, перешедшим в певческих текстах в *е*, произносится твердо).

Вероятно, не является случайным то обстоятельство, что это особое произношение сохранилось в словах, которые, как правило, пишутся под титлом и где, следовательно, более актуальной была устная традиция произношения (поскольку произносящий не имел возможности в данном случае опереться на написание слова). Характерно, с другой стороны, и фонетическое сходство данных слов, способствующее, возможно, закреплению в них обоих одного и того же явления.

Общий принцип системы. Подводя итоги рассмотрению описанной системы произношения, можно сказать, что центральный принцип системы состоит в перенесении различий древних гласных на предшествующие им согласные. Действительно, в данной системе находят выражение *е* и *ѣ* и редуцированные *ъ* и *ь*, но противопоставления этих звуков выражаются не столько в самих гласных, сколько в согласных, которые с ними соседят.

Эта система, несомненно, носит следы искусственного «книжного» выравнивания, обусловленного влиянием на произношение графики; но необходимо заметить, что и сама искусственность эта может иметь весьма древние корни.

Некоторые вопросы, связанные с происхождением данной системы и ее хронологической атрибуцией, мы рассмотрим ниже — в заключительном разделе настоящей работы.

⁴⁴ См.: А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода..., §§ 344, 414; е г о же, Курс истории..., ч. 1, стр. 251, 255, 262.

⁴⁵ А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, стр. 82—83.

Условия существования рассмотренной системы произношения Случай интерференции церковнославянского и русского произношения

Вышеприведенное описание является результатом известной идеализации, основанной на обобщении наиболее типичных случаев произношения. Естественно, что при этом рассматривались наиболее благоприятные условия произнесения — прежде всего в отношении темпа речи, ее отчетливости и т. п.⁴⁶

Между тем, описанная система не во всех случаях сохранилась в одинаковом виде, хотя необходимо признать, что в большинстве случаев произношение в различных общинах отличается разительным единообразием. Нас, однако, будут интересовать сейчас именно отклонения от общей практики (в ее описанной выше форме), хотя бы они и были достаточно нетипичны. Эти отклонения могут быть обусловлены той или иной манерой чтения, характерной в о б щ е для данного чтеца или контингента чтецов, или же определенной с и т у а ц и е й произнесения текста.

Можно сказать, что едва ли не любая из отмеченных выше черт может быть представлена в том или ином индивидуальном чтении — а иногда даже в определенной общине — в относительно слабо выраженном виде. Так, нам приходилось наблюдать общину, где допускалось взрывное чтение г, которое чередовалось здесь с фрикативным (хотя фрикативное произношение фактически и превалировало), — при том, что другие черты описанной системы сохранялись полностью; в другой общине относительно менее явным было произнесение редуцированных (при полном сохранении всех других черт); в третьей — различие ϵ и ζ могло ощущаться относительно слабо (выражаясь не в противопоставленности палатализованного и непалатализованного предшествующего согласного, но в степени его палатализации) или же это различие не было обязательным; и т. п.

Иначе говоря, в том или ином своем аспекте описанная система может выступать как бы в сглаженном виде; но следует сказать, что даже и в этом случае архаические черты (в том виде, как они описаны выше) со всей отчетливостью могут слышаться в отдельных словах — особенно, характеризующихся высокой частотой встречаемости⁴⁷. (Естественно, что это наблюдается обычно более явно в пении, а не в чтении, поскольку в пении, как уже отмечалось, более актуальна традиция непосредственного подражания.)

Если говорить о с и т у а т и в н о й обусловленности, то следует указать, что частичная модернизация произношения может происходить прежде всего в результате влияния современного русского произношения. Так, определенные особенности русского произношения (такие как ассимиляция, произношение окончания родительного падежа местоименного склонения *-ю*, а не *-ю* и т. п.) могут появляться при быстром чтении церковнославянского текста — особенно не в ситуации церковной службы (например, при чтении молитв и т. п.). Эти явления могут рассматриваться как следствие интерференции с русским произношением — обусловленное, возможно, тем, что ситуация быстрой речи ассоциируется в сознании говорящего именно с русским языком, а не с церковнославянским.

⁴⁶ Вообще о зависимости темпа произношения от условий церковного чтения (прежде всего от вида читаемого текста) см.: С. К. Булич, указ. соч., стр. 131—132.

⁴⁷ Так, например, нам приходилось слышать отчетливое противопоставление ϵ и ζ в таких словах, как *тѣѣ*, *спасѣнѣ*, там, где различие между ϵ и ζ было почти совсем сглажено; отчетливое произнесение редуцированного в сочетании *рѣчь тѣоуѣ* там, где редуцированный почти не произносился, и т. п.

Вообще следует особенно подчеркнуть, что выше описанная система произношения ассоциируется в сознании прежде всего именно с ситуацией церковного богослужения — и вне этой ситуации может утрачивать многие свои признаки (с возможным сохранением их в отдельных словах).

Наряду с определенным проникновением особенностей живого русского произношения в церковнославянское чтение (как правило, не в ситуации церковной службы), закономерен и обратный процесс — интерференция церковнославянского и современного русского произношения, проявляющаяся непосредственно в русской речи. Церковнославянские слова нередко встречаются в живой русской речи старообрядцев, причем в одних случаях они могут спорадически произноситься на русский манер (например, форма *на земли* с палатализованным произношением *з*), тогда как в других случаях они сохраняют свое особое произношение, т. е. фонетически выделяются в русской речи (в частности, мы наблюдали сохранение специального произношения в названиях праздников — *Введение* с непалатализованным *в* и т. п.). Это, несомненно, связано с самой функцией произносимого слова, т. е. с тем, насколько оно осознается как специфическое для литургических текстов или вообще ассоциируется в сознании с ситуацией церковной службы. Специфическая функция слов определяет и их специальное произношение; другими словами, речь идет о лексикализации фонетического явления.

Необходимо добавить, что описанная система произношения может вообще оказывать большое влияние на фонетику людей, особенно близких церкви (обусловливая, например, такие явления, как фрикативное *з* или оканье, нехарактерные, вообще говоря, для языкового окружения данного лица), которое может проследиваться и вне зависимости от каких-либо определенных речевых условий⁴⁸.

Анализ случаев интерференции церковнославянского и русского произношений — в различных ситуациях — важен для стратификации отмеченных выше признаков в системе по степени их устойчивости, т. е. для выделения относительно более устойчивых признаков, которым свойственно сохраняться при интерференции с русским произношением, и менее устойчивых признаков, которые теряются в той или иной ситуации столкновения с русским произношением. Разумеется, относительная устойчивость тех или иных признаков в системе может быть различной для разных общин (что может быть поставлено в прямую связь с тем, что, как уже отмечалось выше, различным общинам могут быть относительно менее свойственны те или иные из отмеченных выше признаков); естественно вообще, что если сама система произношения характеризуется относительной общностью, то способы ее ситуативного разрушения могут быть различными для разных коллективов и даже для разных индивидов.

В плане только что сказанного особенно показателен анализ произношения старообрядцев при пении духовных стихов. Несмотря на религиозное содержание этих стихов (обыкновенно они бывают положены на знаменное пение также, как и собственно религиозные тексты), при пении их не принято придерживаться вышеописанной системы произношения — что, несомненно, объясняется тем, что их пение не связано с ситуацией церковной службы. Тем не менее определенные черты системы все-таки удерживаются и в данном случае; по всей видимости, именно они и являются наиболее устойчивыми в языковом сознании. Так, в произношении при пении духовных стихов в Причудье нами наблюдалось неразличение *е* и *ѣ*, не-

⁴⁸ См. об этом: Т. Ф. Мурникова, Русские говоры в Эстонии, «Уч. зап. Латвийского гос. ун-та», XXXVI, 6 А, 1960, стр. 50.

произнесение редуцированных, оглушение конечной согласной, различные ассимиляции; но в то же время абсолютно во всех случаях сохранялась фрикативность *z* (при том, что в диалектном произношении поющих *z* было варьивным!), в подавляющем большинстве случаев не было аканья и не имел места переход ударного *e* в *o*⁴⁹. При этом переход *e* в *o* мог не происходить даже тогда, когда он требовался рифмой: так, в стихе могли рифмоваться слова *идет* и *тот*, но поющая тем не менее произносила *идет* с *e*, а не с *o*.

Вообще самый анализ рифм в духовных стихах показывает, что произношение в них является переходным от системы литургического к системе живого русского произношения: показательно, например, что в одном и том же стихе могут встречаться, с одной стороны, такие рифмы, как *тот — идет, там — днем* (подразумевающие переход ударного *e* в *o*) и, с другой стороны, такие рифмы, как *лет — пройдет, нет — нейдет* (подразумевающие, напротив, отсутствие такого перехода) (см., например, известный стих о св. Антоние). Таким образом, здесь предполагается своего рода двуязычие.

Некоторые выводы о происхождении рассмотренной системы

Каковы же истоки описанной системы церковнославянского произношения? Ответ на этот вопрос был предвосхищен отчасти в наших предыдущих рассуждениях.

Уже то обстоятельство, что данная система произношения является общей для различных старообрядческих толков (каждый из которых строго придерживался собственной обрядности и относительно мало сообщался с другими толками), не оставляет сомнения в том, что система эта существовала как сложившаяся система литургического произношения в России во всяком случае уже ко времени раскола. Этот вывод подтверждается, с другой стороны, совпадениями между признаками данной системы и некоторыми известными по косвенным данным особенностями церковнославянского произношения, практиковавшегося в XVIII в. в синодальной православной церкви (такими, как различие *e* и *ѣ*, произношение *z* — см. выше).

Мы считаем возможным полагать, таким образом, что в русской православной церкви еще до раскола (т. е., по крайней мере, в XVII в., но, несомненно, и раньше) существовало особое литургическое произношение (черты которого и сохраняет рассмотренная выше система). Это литургическое произношение могло иметь, вообще говоря, какие-то свои региональные различия (так, в принципе возможно предположить определенные отличия в традиции произношения в различных монастырях или церковных центрах), но в целом эти различия едва ли зависели непосредственно от диалектного окружения: язык церковного богослужения, несомненно, был противопоставлен в произношении живому просторечию.

⁴⁹ Любопытно заметить в этой связи, что снятие одних черт системы с оставлением других образует в данном случае произношение, очень напоминающее литургическое произношение, принятое в официальной православной церкви. Это совпадение может расцениваться не как простая случайность, поскольку последнее и в самом деле выступает как результат известной модернизации описанной выше системы (см. об этом ниже).

Можно указать, с другой стороны, что произношение, наблюдаемое при пении духовных стихов, едва ли не в точности соответствует особым нормам произношения, специально принятым при декламации стихов в России XVIII — начала XIX в. (см. описание этого специального произношения в работе Б. В. Томашевского «К истории русской рифмы» в его кн. «Стих и язык», М.—Л., 1959).

При этом в литургическом произношении могли сохраняться и такие явления, которые давно уже были утрачены в живой русской речи: не исключено, например, что редуцированные могли сохраняться в языке церковной службы на протяжении веков, в то время как в живом произношении они давно уже опали⁵⁰. Самый факт, что литургическое произношение способно вообще на протяжении веков удерживать архаические черты, легко показать, сославшись хотя бы на пример произношения, практикуемого в главенствующей православной церкви, где так и не совершился переход ударного *e* в *o*, все еще нехарактерно аканье и до недавнего времени удерживалось фрикативное произношение *z*⁵¹.

Эти и тому подобные соображения делают возможным предположение о еще более раннем происхождении данной системы, но сколько-нибудь точная хронологическая атрибуция ее представляется крайне затруднительной уже потому, что нам почти ничего не известно о литургическом произношении средневековой России.

С одной стороны, общие соображения культурно-исторического характера, также как и некоторые собственно лингвистические данные, наводят на мысль о том, что данная система могла сложиться в России в эпоху так называемого второго южнославянского влияния. Показательно само внимание к языку в эту эпоху, связанное с проникновением в Россию исихастических представлений. В соответствии с последними слово представляет собой сущность явления и обозначение тождественно познанию; отсюда — естественное внимание к правильности обозначения, т. е. к собственно лингвистическим вопросам (в частности, к орфографии и, можно думать, к произношению), нетерпимое отношение ко всякого рода ошибкам, которым придается принципиальный характер⁵² (в частности, характерное мнение, что неточности языка могут породить ересь); отсюда же и стремление очистить церковнославянский язык от позднейших народных наслоений и вообще упорядочить язык богослужения, противопоставив его народному. Даже черты искусственности описанной системы (следы «книжного» выравнивания произношения под влиянием графики, о которых говорилось выше) в принципе могут быть следствием характерного для упомянутой эпохи стремления приблизить церковнославянский язык к идеализированному «первоначальному» виду.

Приблизительно на ту же эпоху указывают и такие лингвистические признаки, как отсутствие палатализации перед *e* (если предполагать в данном случае позднее отверждение согласного в этой позиции), сохранение звонкости конечного согласного и некоторые другие; вместе с тем, в это время могла еще не быть полностью утеряна практика произнесения редуцированных (хотя бы в полном стиле и в ограниченных случаях; показательно в этой связи, что в певческих книгах переход редуцированных в сильной позиции в *o* и *e* произошел лишь в начале XIV в.).

С другой стороны, некоторые признаки нашей системы примечательным образом смыкаются с гипотетически восстанавливаемыми А. А. Шахматовым и его последователями — преимущественно на основании анализа памятников XI — XIII вв. — чертами особого церковного произношения, восходящего в своих истоках к началу христианства на Руси; ср. выводы А. А. Шахматова о фрикативном *z* как черте церковного языка, об особом церковном произношении *b* и т. п.⁵³; ср. в этой связи также предложенное выше объяснение особого произношения слов *сѣрди* и *сѣани*. Таким образом, если Шахматов исследует систему церковного произношения с позиций

⁵⁰ Ср. замечание В. В. Иванова о том, что, поскольку «редуцированные произносились по-разному в полном и беглом стиле речи... вероятно, в церковном чтении редуцированные удерживались дольше, чем в разговорной речи» (В. В. Иванов, Историческая грамматика русского языка, М., 1964, стр. 179). О связи падения редуцированных с распространением в языке беглого стиля произношения (который стал рассматриваться как нейтральный стиль) см.: R. Jakobson, Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves, в кн.: R. Jakobson, Selected writings, I, 's-Gravenhage, 1962, стр. 55.

⁵¹ Описание литургического произношения, принятого в официальной (синодальной) церкви на рубеже XX в., см. у С. Булича (указ. соч., стр. 131—156).

⁵² Характерно, что ошибки в чтении или произношении и сейчас еще немедленно исправляются во время службы у старообрядцев (это отмечает, между прочим, и А. М. Селищев; см. указ. соч., стр. 16).

⁵³ См.: А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода..., стр. 208, 114, 169, 325; е го же, Курс истории..., стр. 241, 220, 268; е го же, Очерк современного русского литературного языка, стр. 91, и ряд других работ.

памятников древнейшей поры, то рассмотренный материал позволяет судить о том же явлении с совершенно другой позиции — с позиции XVII в.

Следует всячески подчеркнуть при этом, что речь идет не о сохранении некоторого единого произношения, но о сохранении (возможно — частичном) именно с и с т е м ы, т. е. определенных норм чтения графически запечатленного текста. Поскольку тексты менялись, менялась орфография, постольку претерпевало изменение и произношение — хотя система соответствия устного и письменного текста могла оставаться неизменной. В связи с тем, что в результате «второго южнославянского влияния» относительно установилась орфография в церковных книгах, в это время могло соответственно определиться и более или менее фиксированное произношение (а не отдельные нормы чтения). Таким образом, оба предположения о происхождении данной системы, которые были высказаны выше, не обязательно противоречат друг другу.

Итак, мы предполагаем, что описанная система была свойственна литургическому произношению в русской православной церкви в эпоху, предшествующую расколу. После раскола она сохранялась еще в XVIII в. не только у старообрядцев, но и в синодальной православной церкви. Следы этого сохранились в XVIII — начале XIX в. в высоком стиле, который испытывал непосредственное влияние церковнославянского (литургического) языка⁵⁴. Действительно, фонетические признаки высокого стиля, в общем, совпадают с перечисленными выше особенностями рассмотренной системы произношения (ср. такие признаки высокого стиля произношения, как различение *ѣ* и *е*, фрикативность *з*, тенденция к оканью, отсутствие перехода ударного *е* в *о*⁵⁵).

Позднее данная система была в большой степени утрачена (сохранилась лишь частично) как господствующей православной церковью, так и старообрядцами, приемлющими священство (последнее может объясняться хотя бы тем обстоятельством, что священники у старообрядцев-поповцев в большинстве случаев переходили к ним из синодальной церкви — неся с собою и литургическое произношение этой церкви), оставаясь только у старообрядцев-беспоповцев, как у наиболее бескомпромиссной — и тем самым архаической — части старообрядчества⁵⁶.

⁵⁴ Отголосок этой связи литургического языка и высокого слога может слышаться, между прочим, в бытующем среди старообрядцев мнении, что тот, кто владеет системой церковнославянского произношения, лучше говорит и по-русски.

⁵⁵ См.: В. В. Виноградов, *Очерки по истории русского литературного языка*, М., 1938, стр. 101. — В то же время, описанная система литургического произношения отразилась и на живом русском языке уже наших дней — непосредственно или через высокий стиль; ср. фрикативное *з* в словах *Бог*, *Господи* и некоторых других, отсутствие перехода *е > о* в ряде слов (типа *ветхий*), а также особые нормы адаптации иностранных слов в русском языке.

⁵⁶ Автор глубоко признателен Е. М. Верещагину, В. А. Дыбо, П. С. Кузнецову, М. И. Лекомцевой, Т. Ф. Мурниковой, Н. И. Толстому и Р. О. Якобсону, прочитавшим эту работу в рукописи и высказавшим ряд ценных замечаний в связи с затронутыми в ней проблемами.

А. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

К ИЗУЧЕНИЮ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (XI—XVI вв.)

I. Изучение литературного языка неразрывно связано с исследованием памятников письменности. Богатое литературное наследие тюркоязычных народов все еще остается в трудно доступных иногда книгохранилищах и собраниях рукописей.

То обстоятельство, что только относительно небольшая часть средневековой тюркской письменности опубликована, объясняется известным историческим фактом позднего распространения книгопечатания на мусульманском Востоке. Вплоть до XIX в. восточная рукопись заменяла печатное издание литературного произведения, а тростниковый калем и скромные орудия производства ориентального писца — типографский станок. Представители классической филологии часто ссылаются на то, что уже в XVI в. все сохранившиеся в рукописях латинские и греческие тексты были изданы. Тюркология в этом отношении никак, особенно количественно, не может сравниться с классической филологией.

Инвентаризация и опись тюркоязычных рукописей началась во второй половине XIX в. К этому времени относятся «классические» каталоги таких общеизвестных собраний манускриптов, как Британского Музея в Лондоне (Рьё), Венской надворной коллекции (Флюгель), Берлинской государственной библиотеки (Пертц) и других. Только в 30-х годах нашего столетия появилось первое печатное издание каталога турецких рукописей богатейшего собрания Национальной библиотеки в Париже (Блоше), а совсем недавно издан каталог «*Elenco dei manoscritti turchi*» ватиканской библиотеки (Росси).

Все это показывает, насколько затянулся (полтора века) процесс описания и изучения тюркских рукописей, который еще отнюдь не закончен. Следует упомянуть о большой работе, проделанной в таких крупных центрах востоковедения, как Ленинград, где появляются новейшие описи рукописей, или Ташкент, где громадное количество весьма ценных списков, поступивших из коллекций Средней Азии, представлено в шести томах «Собрания восточных рукописей Академии наук УзССР». К сожалению, и этот шеститомный каталог является только эксерптом и не представляет всего богатства многотысячного собрания¹.

Так же дело обстоит с другими европейскими собраниями. Достаточно ознакомиться с работой, проводимой в настоящее время в ФРГ над инвентаризацией 40 тысяч восточных рукописей², в частности тюркоязычных, чтобы ясно осознать, что пока рано утверждать, якобы мы достаточно хорошо осведомлены о литературном наследии тюркских народов. Ведь еще

¹ О значении рукописей только по чагатайской письменности из этого собрания см.: K. H. M e n g e s, Report on an excursion to Leningrad and Taškent for research in Sağataj manuscripts, «Central Asiatic journal», 1963, VIII, 4, стр. 245—249.

² См. об этом сборник работ совещания, проведенного в Марбурге в 1965 г.: «Forschungen und Fortschritte der Katalogisierung der orientalischen Handschriften in Deutschland», hrsg. von W. Voigt, Wiesbaden, 1966.

и сегодня, оказывается, можно обнаружить уникальные рукописи до сих пор совсем неизвестных авторов и произведений, например XIV в. из Анатолии³. Удача с находкой большой (почти 5 тысяч дистихов) романтической поэмы из частного рукописного собрания (Süssheim), поступившего для инвентаризации, — явление, конечно, не единичное и не случайное. Почти каждый востоковед, особенно тюрколог, мог бы привести из своей практики аналогичные случаи находок. Ведь и знаменитому итальянскому тюркологу и иранисту Э. Росси в наше время удалось раздобыть в Ватиканской библиотеке список «Kitāb-i Dede Qorqut», скрытый в сборной рукописи под диковинным заголовком «Polihistoria turcica». Этот классический памятник тюркской письменности до половины XX в., со времен «романтического ориентализма» и его прекурсора фон Дица⁴ в начале XIX в., был известен только по довольно небрежной так называемой Дрезденской рукописи.

Пишущий эти строки мог бы из своей практики привести пример удачного приобретения из частного собрания неизвестной уникальной рукописи анатолийского перевода «Марзубан-наме», считавшегося затерянным. Рукопись эту сегодня приходится отнести к тяжелым военным потерям (сожжена в Варшаве в 1944 г.), но все же автор успел описать этот памятник в нескольких работах⁵.

Еще менее отградным представляется положение с каталогизацией собраний тюркских рукописей в восточных странах, например в Турции и Иране. Богатейшие рукописные коллекции таких книгохранилищ, как Аюа Софуа в Стамбуле, до сего времени не имеют каталога, отвечающего современным требованиям науки (приходится пользоваться старым инвентарным указателем, изданным еще в 1886 г. под заголовком «Defter-i Kütüphanesi-i Aya Sofya»), а султанское собрание рукописей из дворца Торкарі только несколько лет тому назад стало доступным благодаря изданию хорошего каталога под руководством Фехми Эдхема Каратая (всего в этом собрании более 3 тысяч турецких рукописей, опись арабских рукописей еще не закончена, до сих пор их насчитано около 8 тысяч).

Иранские книгохранилища только в настоящее время издают каталоги рукописей («Catalogue méthodique descriptif et raisonné») библиотеки Меджлиса (т. е. парламента), Университетской библиотеки и других в Тегеране (автор Данеш-Пажух). Все еще остаются мало доступными богатства собраний манускриптов в таких центрах, как Мешхед и т. д.

За последнее время турецким ученым удалось ввести в научный обиход довольно много находок из Анатолии, благодаря региональным поездкам и исследованиям местных малоизвестных анатолийских библиотек. Как пример здесь следует упомянуть старейшую датированную рукопись «Муқаддимат ал-адаб» Замахшари 655 г. хиджры (1257 г.), почти на 10 лет старше уникального списка словаря Махмуда Кашгарского (664 г./1266 г.). Эта рукопись найдена Ахмедом Атешем (ум. 1966 г.)⁶ во время поездки в Йозгат.

³ См.: B. Fleming, Türkische Handschriften der Staatsbibliothek, «Forschungen und Forschritte der Katalogisierung der orientalischen Handschriften in Deutschland», стр. 2—4.

⁴ Ср. интересную монографию: K. Mommsen, Goethe und Diez, Quellenuntersuchungen zu Gedichten der Divan-Epoche, «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst, Jg. 1961, 4, Berlin, 1961.

⁵ См.: A. Zajączkowski, La plus ancienne version turque du recueil persan de contes, intitulé Marzubān-nāme, «Bullétin International de l'Académie Polonaise des sciences et des lettres», Classe de philologie, 7—10 (1936), Cracovie, 1937, стр. 186—192. В турецком переводе — см. журн. «Türklük», İstanbul, 1939, 2.

⁶ A h m e d A t e ş, Anadolu kütüphanelerinden bazı mühim türkçe el yazmaları, «Türk dili ve edebiyatı anadisi», İstanbul, 1958, VIII, стр. 90—103. Ср. A. Zającz-

Совсем почти недоступны европейским тюркологам турецкие рукописи из собраний Индии (например, собрания Rampur, Rezaie), Египта (Каир), Ирака (Багдад) и других восточных стран.

Этот краткий и по необходимости суммарный обзор показывает, что мы все еще только приближаемся к достижению полной документации и осведомленности о всех памятниках тюркской письменности, сохраняющихся в рукописях. Первым условием успешного завершения филологических исследований является разработка подробной истории письменности тюркоязычных народов и составление полного перечня литературных заголовков с указанием изданий или рукописных собраний. Таким может быть пособие вроде знаменитого свода «Geschichte der arabischen Literatur» К. Брокельмана для арабской письменности, особенно Supplementband, который объемом превзошел сам основной компендиум, или же для персидской литературы библиографический свод К. А. Сторей (ум. 1967 г.) (C. A. Storey, Persian Literature), не законченный и поныне, хотя печатается начиная с 1927 г. Эта нелегкая задача (как видно хотя бы из иранского примера) все же должна быть выполнена, и представляется, что для некоторых периодов развития тюркской письменности это вполне осуществимо в настоящее время.

Конечно, иначе дело обстоит с османско-турецкой литературой и, главным образом, с поэзией, особенно «диванного» типа (так называемая *dīvān edebiyātı*). Здесь приходится пользоваться все еще не совсем устаревшим, изданным в начале нашего столетия шеститомным сводом Э. Гибба⁷; новейшая библиография по турецким источникам приводится в доскональном учебнике по всей тюркской литературе А. Бомбачи⁸; можно надеяться, что новое, пополненное издание этого пособия, которое должно появиться на французском языке, принесет еще более богатую документацию.

II. Перейдем к классификации литературного языка или, вернее, языка тюркских письменных памятников (по-немецки: *Schriftsprache*). Вопрос этот ставился в тюркологии неоднократно и до сих пор все еще не решен окончательно⁹. Не установлена также стабильная номенклатура. Некоторые ученые (особенно немецкие) охотно употребляют термин: старо- или древнетюркский язык (*Alttürkisch, Old Turkish*) и среднетюркский (*Mitteltürkisch, Middle Turkish*). Такое наименование выводится главным образом из традиционного приравнивания или даже отождествления языковых процессов у тюрков с понятиями индоевропейской диахронической грамматики, по аналогии с такими названиями, как *altdeutsch* или *mittelpersisch*¹⁰. Поэтому следует оговориться, что термины «древнетюркские» или «средневековые» памятники выделяют только — и то для большего удобства — хронологию, т. е. эпоху, время создания данного памятника.

Говоря о развитии тюркской письменности от ее начала вплоть до XIX в., Р. Р. Арат (ум. в 1964 г.) за период, как он считал, 2000 лет (I)

K o w s k i, Nad rękopisami Propedeutyki literatury (Muqaddimat al-abad) Zamachszari'ego (XII w.) w zbiorach irańskich i tureckich, «Sprawozdania z prac Wyzd. I PAN», 1965, z. 3, str. 8—13.

⁷ E. J. W. Gibb, A history of Ottoman poetry, I—VI, London, 1900—1909.

⁸ A. Bombaci, Storia della letteratura turca dall'antico impero di Mongolia all'odierna Turchia, Milano, 1956.

⁹ См., например: Resid Rahmeti Arat, Über die Entwicklungsperioden der türkischen Schriftsprache, «Akten des XXIV Internationalen Orientalisten-Kongresses. München 28. August bis 4. September 1957», Wiesbaden, 1959.

¹⁰ См.: A. Zajączkowski, Monumenta linguarum Asiae Maioris, IV, RO. XV (1939—1949), 1949, стр. 441: «все дело только в том, что мы „старо- и среднетюркского“ языка не знаем... чтобы говорить о старотюркском, надо бы, пожалуй, знать этот язык времен примерно эпохи „ледниковой“...».

выделял только два понятия — «älteste Periode», т. е. старейший период, и «neue Periode», т. е. новейший. По географическому же принципу он делил всю литературу на три группы: южно- (Анатолия), северно- (Казань) и восточнотюркскую (Туркестан). Конечно, такое упрощенное деление односторонне. В историческом процессе следует отметить в литературе уже с начала XI в. наименование *туркī* наряду с *гузī*, примерно в таком же сопоставлении, в каком в XIII в. зачастую ставили *түрк* и *кыпчак*. А. Бомбачи, цитируя старейшее персидское свидетельство о существовании тюркской поэзии при дворе Газневида Мас'уда I в Афганистане (1030—1040): «tu šī'r-i turkī bar-ḥvān marā u'šī 'r-i guzī» «читай (декламируй) мне стихи тюркские и стихи огузские», делает правильный вывод, что эти наименования соответствуют двум языковым группам, представленным в среде Газневидов¹¹.

Однако выделение исконно огузской письменности из общетюркской (*turkī*), а также в некоторых случаях и из кыпчакской довольно сложно и неоднозначно. Дело в том, что на протяжении XIII—XV вв. сложился единый тюркский литературный или письменный язык, а диалектное разнообразие прежде всего представлено (богатым и требующим постоянного изменения и пополнения) лексическим материалом. Этим и объясняется тот факт, что некоторые исследователи дробят лексику классического литературного произведения XIV в. из Золотой Орды не только на такие группы, как на принадлежащие диалектам огузским и кыпчакским, но даже на «огузско-кыпчакские» или «восточно-кыпчакские» наряду с «общетюркскими»¹².

Богатая лексика тюркской письменности как раз и является наиболее характерным компонентом, а равно — показателем языковых изменений в течение столетий. Что для одного периода считается исконно кыпчакским элементом, то для другого, более раннего может быть «общетюркским» или «огузским». Дело в хронологии и постоянном пополнении лексики за счет диалектных элементов. Этому вопросу я надеюсь посвятить особую статью. Здесь представляется необходимым указать на то обстоятельство, что в средневековый период тюркская письменность обозначается не иначе, как общим термином: *türki* или *türki dili*. Выражение *türki diline* (*naql eyledüm*) встречается в анатолийско-турецких памятниках XIV в., а также в мамлюкском переводе «Шах-наме» начала XVI в. из Египта (*döne türki diline*). Термин *türki* употреблялся и в субстантивированном виде, как это следует из примеров (перевод «Шах-наме»): *türkidēn āsān* «легче, чем турецкий язык», *türkisini istediñ* «ты желаешь турецкий перевод его»¹³.

Термин *türki* распространен не только на анатолийской территории тюркской языковой среды. Хорошо известен и на Востоке: например, в индийском диване стихов султана Бабура его язык, явно не схожий с анатолийским, назван *türki*, тогда как новейшие исследователи, исходя из современного положения, считают его «староузбекским языком»¹⁴.

¹¹ A. B o m b a c i, The Turkic literatures. Introductory notes on the history and style, «Philologiae Turcicae Fundamenta», II, Wiesbaden, 1964, стр. XVIII.

¹² См., например: Э. Н. Н а д ж и а, «Хосрау и Ширин» Кутба и его язык, «Тюркологический сборник», М., 1966, стр. 85, 89.

¹³ См.: A. Z a j a c z k o w s k i, Turecka wersja Šāh-nāme z Egiptu Mameluckiego, Warszawa, 1965, стр. 13. Эти примеры свидетельствуют ясно, что давнишнее традиционное определение термина *тюркī* только как «восточнотурецкого», как называемого «чагатайского», неправильно в историческом плане. В этом отношении очень интересно замечание О. Сенковского (J. Sękowski): «Самый чистый язык турки, или, если угодно джагатайский...» («Энциклопедический лексикон», XVI, СПб., 1833, стр. 232).

¹⁴ Ср.: С. А з и м д ж а н о в а, Индийский диван Бабура, Ташкент, 1966, стр. 65 и 38.

Конечно, наука требует от нас уточнения наименования, но здесь и в области номенклатуры далеко не всегда все устойчиво и общеприемлемо. Так, например, для богатой, как известно уже сегодня, анатолийско-тюрецкой письменности времен так называемой малоазиатской декархии (Aydin Ogulları, Germiyan Ogulları, Mentese Ogulları и т. д.)¹⁵ было предложено в свое время употребление термина «староосманский» (нем. alt-osmanisch, франц. vieille osmanlie), который относится к условно принятой дате 1453 г. (завоевание Константинополя)¹⁶.

Хотя этот термин и применяется в новейшем компендиуме по литературам тюркских народов, и при том именно в таком традиционном обрамлении¹⁷, но, конечно, он устарел. Прежде всего, сама датировка — с середины XV в. — должна быть изменена хотя бы на начало или первую четверть XVI в.: выявлены новые, доселе неизвестные памятники анатолийско-тюрецкой письменности, воссозданные на периферийной территории мамлюкского государства в Египте (роль лимитрофных языковых областей в сохранении архаического языка общеизвестна), — такие как, например, цитированный уже перевод «Шах-наме» (60 тысяч двустихий).

С другой стороны, само наименование «староосманский» неправильно и неприемлемо сегодня. Существуют попытки называть этот язык «старо-анатолийско-тюрецким» (но это довольно громоздко)¹⁸, или «старорумско-тюрецким» (это уже возможно, пожалуй, только в немецком)¹⁹. Во всяком случае, вопрос остается открытым и без оговорок одним кратким термином здесь не обойтись.

Поскольку наши выводы ограничены эпохой мусульманского средневековья (примерно XI—XVI вв.), памятники тюркской письменности этого периода можно отнести к четырем группам по принципу регионально-государственных структур, как: 1) караханидская, 2) хорезмийско-золотоордынская²⁰ и мамлюкская (кыпчакская), 3) чагатайская (восточно-тюркская) и 4) анатолийско-османская (огузская). Такое деление в общем принято в «Philologiae Turcicae Fundamenta» (II) для тюркских литератур старшего периода «после принятия ислама».

III. Остается еще осветить проблему научных изданий и публикаций тюркских литературных памятников. Большое число важнейших — но далеко не всех — произведений доступны исследователю в печатном виде. Однако форма и даже качество таких изданий не всегда одинаковы, и зачастую еще и сегодня выдвигаются большие планы новых, критических изданий наиболее ценных, классических сочинений на тюркских языках.

Для примера можно указать, что общеизвестный старейший памятник XI в. «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгарского (доступный только по

¹⁵ А. Бомбачи («Storia della letteratura turca», стр. 287) сравнивает эти анатолийские эмираты с tawā'ifu-'l-mulūk или reyes de taifas в средневековой Испании.

¹⁶ См.: А. Зажэцковский, Studja nad językiem staroosmańskim, I, Kraków, 1934, стр. V—VI.

¹⁷ См.: W. Björkman, Die altosmanische Literatur, «Philologiae Turcicae Fundamenta», II, стр. 403.

¹⁸ Ср.: В. Флеминг, Türkische Handschriften der Staatsbibliothek, стр. 3—Altanatolisch-Türkische. Ср. также в новейших работах советских тюркологов: «старо-анатолийско-тюркского языка» («Тюркологический сборник», стр. 43).

¹⁹ Ср.: В. Флеминг, указ. соч., стр. 3: «Altrümtürkisch», «früher allgemein Altosmanisch genannt». Немецкий язык употребляет даже такие сложные обозначения, как «Reichtürkische» или «Türkeitürkische» для турецкого языка (употребляемого в Турции), аналогично и в Турции вводится термин «Türkiye Türkçesi» («Türk dili», 1967, стр. 413).

²⁰ Даже авторы, относящие памятники этой литературы XIV в. к «староузбекскому языку», применяют наименование «хорезмийские» к самим памятникам (и письменности?). Довольно показательны для такого симбиоза заглавие новейшей работы: Э. Фазылов, Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века, Ташкент, 1966.

уникальной рукописи XIII в.), по которому уже существует целая литература, в том числе — несколько его изданий и обработок, вновь выдвигается мировой наукой с предложением нового, критического издания и точного перевода также а р а б с к о й части труда. Нам известно, что проф. О. Придак (Гарвардский университет, США) планирует такую большую работу; работа над этим словарем ведется также в Азербайджане и других центрах советской тюркологии (Ашхабад).

То же самое *mutatis mutandis* можно отнести к другому — и по времени и по значению — памятнику арабо-тюркской (а также персидской) лексикологии, а именно к труду «Мукаддимат ал-адаб» («Введение в словесность») Замахшари (XII в.), известного по многим рукописям, в том числе — по не изданной до сих пор старейшей рукописи (она на 10 лет старше списка «Диван луг'ат ат-турк»), хранящейся в Сулейманийе в Стамбуле и датированной 655 г. х. (1257 г.)²¹. Труд Замахшари, как выяснилось, был составлен приблизительно в 1125 г. н. э., так как посвящен сипахсалару Атсуз до его вступления в сан хорезмшаха (1127/8 г.), т. е., только спустя полвека после труда Махмуда Кашгарского (1074 г., т. е. разница около 50 лет). О старой рукописи того же труда, которая хранится в Рампурском собрании (Индия), содержит тюркские глоссы, восходящие, по-видимому, к хорезмийско-огузскому диалекту, и представляет собой первичную редакцию самого Замахшари, привел сообщение в новой статье проф. З. Велиди Тоган²². Конечно, имея в распоряжении несколько старейших списков, издатель должен учесть наряду с арабским текстом также и персидские глоссы, а может, даже хорезмийско-иранские²³. Задача нелегкая, но ее необходимо осуществить, поскольку сегодня признана первостепенная важность труда Замахшари, который ставится в один ряд со словарем Махмуда Кашгарского²⁴.

Приведенный пример ярко доказывает, что изучение даже старейших филологических пособий по тюркским языкам все еще не удовлетворительно.

Более благополучно обстоит дело с изданием довольно обильных письменных памятников по арабо-тюркской (кыпчакской) лексикографии из государства Мамлюков (в Египте и Сирии) XIII—XV вв. Однако и в этой области следует отметить факт, характерный для европейского востоковедения конца прошлого и начала нашего столетия: старейшие словари, как, например, памятник середины XIII в., изданный голландским тюркологом Хоутсма, доступен нам только по типографскому изданию (1894 г.) без факсимиле, а значит — и без возможности контроля по уникальной лейденской рукописи. То же самое относится к словарю Абу Хаййана и др. Только в новейших изданиях, в том числе и в моих пуб-

²¹ Обширная литература вопроса представлена в новейшем докладе, сделанном в Польской Академии наук, см.: A. Z a j a c z k o w s k i, *Nad rękopisami Propedeutyki literatury (Muqaddimat al-abad Zamachszari'ego (XII w.) w zbiorach irańskich i tureckich)*, «Sprawozdania z prac naukowych Wydziału I PAN», Warszawa, 1965, 3, стр. 8—13. В печати находится также моя статья: «Мукаддимат ал-адаб» Замахшари по старейшему списку 655 г. х.», в сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков», V (Баку). В «Rocznik orientalistyczny», XXX, появится первое издание (с факсимиле) одной главы из этого списка («о животных»).

²² См.: Z. V e l i d i T o g a n, *Zimahşeri'nin doğu türkçesi ile «Mukaddimatü'l-Edeb»i*, «Türkiyat mecmuası», XLV, İstanbul, 1964, стр. 88 («Horezm'de yazılmıştır... yani asıl Zimahşeri elinden çıkan redaksiyondandır»). В этой статье, стр. 81—92, даны указания на 12 старейших списков (главным образом, XIV в.) из книгохранилищ в Турции.

²³ Там же, стр. 86: «Zimahşeri'nin türkçe glossarının aslı ilk şeklini tesbit etmek için [...] horezmçe ve farsça glossarlarını da ele alarak her üçünü karşılaştırmak şarttır».

²⁴ Там же, стр. 86: «ehemmiyeti itibariyle Mahmud Kaşgarî'ninkine nisbetle ikinci mevkiî tutan... en zengin abidesi ...» и в добавлении (ek) к стр. 88: «ancak Mahmud Kaşgarî ile yan yana konulabilir».

ликациях словаря из Сирии «Булғат ал-муштāқ», глоссария «эт-Тухфет ез-зекиййа», начиная с 40-х годов стал проводиться в научную жизнь важнейший постулат современной филологии: публиковать наряду с текстом и транскрипцией также оригинал (т. е. факсимиле) рукописи.

Если такие требования предъявляются к изданию лексикографических памятников, то тем более обязательно факсимиле при публикации литературных произведений. Так, например, критическому изданию текста (в транскрипции) классического памятника караханидской письменности «Кутадгу билиг» (издатель — Р. Р. Арат, 1947 г.) было предпослано фототипическое издание факсимиле всех трех рукописей: каирской, ферганской и гератской. К сожалению, до сих пор, несмотря на 20 лет, минувших с момента издания текста этого старейшего памятника XI в., все еще не вышел в свет давно обещанный и готовый к печати словарь-конкорданс к «Кутадгу билиг».

Не ставя своей задачей перечислять издания в с е х письменных тюркских памятников средневековья, отметим только на нескольких приведенных примерах, что до сих пор не выработалась еще каноническая форма таких публикаций. Наряду с изданиями текста в транскрипции, а также с факсимиле, имеются хорошие, но тоже вполне не удовлетворяющие (из-за технических недостатков) фототипические издания одной только рукописи, например «Қысақ ал-анбиййа» Рабғұзй ²⁵, или же типографские издания текста арабским шрифтом, без транскрипции и т. д. Показательной здесь может быть сводная рецензия на 10 средневековых тюркоязычных памятников, изданных за пять лет (1954—1958 гг.) в разных странах (Турции, СССР, Югославии и т. д.); в ней отмечалось, что большинство памятников появилось в факсимиле (четыре, в том числе — золотоордынский перевод «Гулистана», «Нехдж ул-ферāдис», «Мантйк ат-тайр» Гульшехри или в факсимиле с транскрипцией (три и среди них — «Китаб-и Деде Коркут») и только две (в СССР) — печатным арабским шрифтом ²⁶.

Конечно, всегда можно упрекнуть сторонников фототипического издания (türki basım, как это зачастую принято, прежде всего, в Турции) в том, что в этом случае следуют по пути наименьшего сопротивления. Но это не совсем верно. Во всяком случае, если такое издание по замыслу издателя является только первым, вступительным шагом к разработке памятника, то надо считать этот шаг необходимым.

Итак, оптимальной, как мне кажется, формой привлечения литературного памятника, доступного для исследования, является издание: 1) факсимиле, 2) текста в транскрипции и 3) словарного материала, где подобрана особенно характерная для данного памятника древняя тюркская лексика. Принятие такого принципа для научного издательского станка тюрколога в общем все шире распространяется в научных кругах. Как новейший пример этому, следует привести план издания новонайденной старопаназиатской версии «Хосров-у-Ширин» (около 5 тысяч двустиший) по предложению Б. Флемминг ²⁷.

Конечно, такая оптимальная «модель» издания не исчерпывает всех возможностей обследования литературного текста. Наряду с факсимиле,

²⁵ Ср.: A. Zajączkowski, Monumenta linguarum Asiae Maioris, IV, стр. 439—445.

²⁶ Ср.: A. Zajączkowski, Dziesięć nowych edycji zabytków piśmiennictwa tureckiego (Monumenta Turcica), RO, 1960, XXIII, 2, стр. 126—133.

²⁷ Ср.: B. Flemming, указ. соч., стр. 4: «...wird es sich empfehlen, die Ausgabe ähnlich der von Zajączkowski's Qutb, anzulegen, nämlich: ein Band Faksimile, ein Band Transkription, dazu Glossar und Anmerkungen». Указание на мое издание старейшей тюркской версии «Хосров-у-Ширин» Кутба из Золотой Орды как «образец» (издано мною три тома: 1 — транскрипция, 2 — факсимиле, 3 — словарь), конечно, случайно. Можно бы найти и другие примеры.

особенно в случае пользования несколькими заслуживающими доверия списками, издатель может облегчить задачу исследователя, создавая «критическое издание» текста типографским арабским шрифтом с вариантами в критическом аппарате — таково, например, издание «дивана» азербайджанского поэта XVI в. Шах Исмаил Хатā'и (ed. Tourkhan Gandjei, Napoli, 1959).

Когда дело шло с литературой типа свободного перевода или скорее творческой адаптации (так называемая *pažiga*), особенно в ряде произведений, воссозданных тюркскими поэтами на основе персидского оригинала, хотелось бы — для наглядного сравнения с текстом оригинала — издать тюркскую поэму, например «Хосров-у-Ширин» Кутба, параллельно (на *rozwarciu*) с персидским текстом Низами, отмечая соответствия каждого бейта. Для изучения проблемы восприятия (*recerption*) иранского творчества в тюркоязычной среде такое наглядное сопоставительное пособие дало бы очень интересный и ценный материал.

IV. Оставляя пока в стороне такой, даже не оптимальный, а максимальный план изучения литературного памятника, хотелось бы в заключение обсудить некоторые вопросы, связанные с наиболее трудоемким аспектом работы издателя — изданием текста в транскрипции. Общеизвестно, что каждая транскрипция, если только она не является формальной и надуманной транслитерацией, в какой-то мере представляет собой явно индивидуальное восприятие текста издателем. Но в то же время транскрипция и е о б х о д и м а, ибо она-то и дает читателю и исследователю представление о том, как понимал текст сам издатель (хотя такое понимание ни к чему не обязывает нового исследователя). Транскрипция необходима при издании не только памятников, писанных арабским шрифтом, особенно вокализованным, но и редких, исключительных ценных рукописей, исполненных другими алфавитами, например армянским (для кыпчакского языка), древнееврейским (для караимского языка) или латинским — им написан «Codex Sumanicus». Этот последний пример может быть очень наглядной иллюстрацией для нашей темы.

«Codex Sumanicus», впервые изданный венгерским ученым Кууном (1880 г.) старым «кустарным» способом — без факсимиле и проч., был неоднократно предметом обработки (например, Радлов), но все на основе того же, очень неточного, издания; о недоразумениях и новых ошибках даже не будем вспоминать. Только в 1936 г. появилось прекрасное фототипическое издание факсимиле рукописи, выпущенное К. Грэнбеком, а в 1942 г. — обработка глоссария. Но весь «Codex Sumanicus», несмотря на весьма обильную литературу, все еще остается не изданным по принципу полного издания всех текстов в транскрипции. Кстати, для будущего исследователя упомянем здесь, что несколько лет тому назад, работая в библиотеке Medicea Laurenziana во Флоренции, мне удалось ознакомиться с хранящейся там второй копией «Codex Sumanicus» — довольно поздней, но весьма интересной, с добавочными глоссами арабским шрифтом. В литературе об этом нет даже и мелкого замечания; тем не менее, думается, что этот список может заслуживать также внимания и сравнения с оригиналом из библиотеки Св. Марка в Венеции (шифр: Ashb. 1584).

Практика изданий тюркоязычных памятников установила в общем основы научной транскрипции, хотя разные исследователи вводят в отдельных случаях различные детали. В свое время, лет 35 назад, при издании старороманского перевода Калилы и Димны, я предложил систему транскрипции, сочетавшей в себе и некоторые принципы транслитерации. Основной задачей такой транскрипции было дать по возможности «читаемый» текст и в то же время сохранить все особенности орфографии в арабской зашифровке. Так, например, для долгих гласных в словах арабского и

персидского происхождения (т. е. там, где долготы действительно выступают) было предложено начертание $\bar{a}$, $\bar{i}$, $\bar{u}$, однако, в тюркских словах для тех же знаков *matres lectionis* принималось начертание $\bar{a}$, $\bar{i}$, $\bar{u}$, $\bar{\delta}$, $\bar{u}$ и т. д. Таким образом, одна и та же форма $\bar{e}$ могла быть передана как $b\bar{a}g$, означая слово персидского происхождения «сад, виноградник», или как $b\bar{a}u$ в значении «пучок, связка»; тем самым частая в поэзии фигура $\bar{t}ad\bar{z}\bar{n}is$ (т. е. игра слов) должна была быть расшифрована самим издателем, и его транскрипция уже свидетельствовала о том, как понимается текст.

В основу этой передачи был положен принцип, по которому каждому знаку транскрипции в тексте соответствовал только один знак арабского алфавита, хотя тот же знак мог иметь даже несколько соответствий в системе транскрипции. Так, арабская буква $\int$ могла обозначаться как k , g и η (заднее веларное n). Для расшифровки омонимов издателю часто приходится прибегать даже к условному разграничению k и g . Так, например форма كون наряду с общеизвестным турецким словом $g\bar{u}n$ «солнце» и «день» может передавать $k\bar{u}n$ «народ, простолюдины»²⁸, в таком значении очень часто выступая в сложениях $el\ u\ k\bar{u}n$, $el\ k\bar{u}n$ и др. в переводе «Шах-наме» из мамлюкского Египта²⁹. Не имея возможности точно установить, как произносилось это слово в староанатолийском (хотя словарь Менинского 1680 г. и дает транскрипцию: «vul.: $e\bar{l}g\bar{u}n$ „populus“»), издатель сознательно привил начертание $k\bar{u}n$ для того, чтобы отличить его от другого слова $g\bar{u}n$ в ином значении.

Транскрипция может довольно отчетливо свидетельствовать о многих фонетических явлениях (например, ассимиляция согласных и т. д.); особенно ценно бывает в этом отношении исследование правописания в рифме. В «Шах-наме», например, встречаем такие рифмы, как: $bah\bar{d}i-tah\bar{t}i$ «посмотрел» — «его трон»³⁰. Указывает это не только на переход $q > h$ (как в азербайджанском), но, по-видимому, на оглушение $-d\bar{i} > -t\bar{i}$, поскольку $bah\bar{d}i$ рифмуется с $tah\bar{t}i$. Далее, если встречаем в рифме $bah\bar{t}i$ — $b\bar{i}raq\bar{d}i$ «его счастье» — «бросил», можно утверждать, что глагол $b\bar{i}raq$, несмотря на арабскую графику произносился $b\bar{i}rah$ - ($q > h$); так же и пара рифм $iy\bar{u}hi$ — $h\bar{u}$ «сон» — «сам» (перс.) не оставляет сомнения в произношении слова $iy\bar{u}hi$ (< $iy\bar{u}hi$); ср. еще: $tabb\bar{a}h$ — bah «повар» — «смотри» и т. д.³¹

Вопрос установления транскрипции, соответствующей произношению, связан также в известной степени с изучением живых тюркских языков и наречий. Конечно, здесь следует сделать оговорку, что относится это к таким живым языкам, которые сохранили более или менее древний облик, иными словами «законсервировались» (иногда в иноязычной среде). Так, например, при установлении правильного произношения кыпчакского языка тюрко-армянских памятников XV—XVI вв. большую помощь оказывают живые говоры караимского языка. Для тюркской лексики староанатолийских памятников может быть с успехом привлечен богатый словарный фонд современных анатолийских диалектов (ср. словарь «Anadilden derlemele») и др.

Однако было бы неправильной постановкой и крайним упрощением проблемы пытаться воспроизводить хорезмийский памятник так называемый

²⁸ См.: Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, I, СПб., 1869, стр. 203: «уйг. каз. ايل كون [без произношения] „сельский народ или общество“».

²⁹ На это слово уже было обращено внимание в статье: A. Z a j a c z k o w s k i, Historia Isfandiara podług tureckiej wersji «Säh-näme» z Egiptu Mameluckiego, RO, 1964, XXVIII, 1, стр. 56, примеч. 24.

³⁰ Ср.: A. Z a j a c z k o w s k i, Turecka wersja Säh-näme z Egiptu Mameluckiego, стр. 80 и 107 (рифма в обратном порядке: $tah\bar{t}i$ — $bah\bar{d}i$).

³¹ Там же, стр. 82, 229, 235.

мого староузбекского языка (например, «Хосров-у-Шйрйн») в транскрипции на основе сегодняшнего произношения современного литературного узбекского языка. А такие попытки, по-моему — неудачные, к сожалению, встречаются в некоторых изданиях.

Введенная мною в научный обиход транскрипция в общем, насколько можно судить по многим отзывам, рецензиям и дискуссиям (ср., например, мнение Ж. Дени, выраженное на тюркологической секции XXI Международного конгресса востоковедов в Париже, 1948 г.), была одобрена и даже приводится как образец фонетической реконструкции турецкого текста³².

Конечно, нельзя видеть ни в этой, ни в других транскрипциях какого-либо «идеала» или вполне удовлетворяющей «модели». Тюркские языковые элементы, фонетика которых в общем может быть установлена, требуют одного подхода, а многочисленные элементы арабского и персидского происхождения — другого. Здесь условность фонетической передачи, известная конвенциональность является абсолютной необходимостью.

Следует здесь упомянуть о практике, введенной турецким издателем старейшего средневекового памятника «Кутадгу билиг» Р. Аратом, который сознательно принял принцип турецкого сегодняшнего произношения (*türklerin bugünkü söyleyişi*) для заимствованных слов (*yabancı kelimeler*)³³. Не располагая возможностью установить точную фонетическую запись для арабо-персидских лексических элементов, пишущий эти строки также принял традиционный конвенциональный метод транскрипции для передачи литературного памятника Золотой Орды «Хосров-у-Шйрйн»³⁴. Как следует даже из новейших попыток обработки лексики этой поэмы, в транскрипции здесь все еще выступает разноречивой, далекий от какой-либо последовательности³⁵. Для тюрколога, разумеется, самой важной задачей является обработка исконно турецкого лингвистического материала.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть исключительное значение публикации литературных памятников типа «Шāх-нāме», «Хосров-у-Шйрйн» и других поэм, дающих богатый материал по языку, грамматике, лексике, а также поэтике и риторике. Издание только избранных фрагментов большой эпической поэмы «Шāх-нāме», заключающей 60 тысяч двустиший, дает возможность всесторонней разработки литературного языка Анатолии и мамлюкского Египта в XV—XVI вв.³⁶ Штудиря этот памятник, можно только удивляться тому, что такое богатое литературное наследие могло оставаться в неизвестности столь длительное время.

Надо надеяться, что ближайшее будущее продвинет вперед вопрос изучения тюркоязычных средневековых памятников как в отношении формы изданий, так и обработки языкового материала, прежде всего — кодификации богатейшей тюркской лексики, а также поэтики.

³² Можно отослать читателя к новейшим высказываниям — см.: G. H a z a i, Eine türkische Urkunde zur Geschichte der ungarisch-türkischen Beziehungen im XV. Jh., UAJb, 36. 3—4, 1965, стр. 336: «...er[A. Zajaczkowski] ein Beispiel dafür geschaffen hat, daß man versuchen muss, das Hindernis der arabischen Schrift zu überwinden und das Sprachdenkmal durch die Rekonstruktion des jeweils gegebenen Phonetismus der sprachgeschichtlichen Forschung zugänglich zu machen».

³³ Reşid Rahmeti Arat, Kutadgu Bilig, I — Metin, İstanbul, 1947, стр. XLIII. Там же автор оговорился, что вопросами происхождения заимствований (*yabancı kelimelerin okunuşu meseleleri*) думает заняться в будущем; этому его намерению не суждено было сбыться. Система транскрипции в этом труде принята в соответствии с инструкцией «Türk ilmi transkripsiyon kılavuzu», İstanbul, 1946. Примеры: ср. стр. 4: «*dürüd resülka selam* (а не: *dürüd, rasül, salām*)», стр. 249 «*alem* (а не: *‘ālam*)».

³⁴ См.: A. Z a j a c z k o w s k i, Najstarsza wersja turecka *ḡusrāv u Šīrīn Qutba*, I — Tekst, Warszawa, 1958, стр. 8—13; II — Facsimile, Warszawa, 1958, стр. VI.

³⁵ Ср.: Э. Ф а з л о в, укаа. соч., стр. 55 *андйша*, но стр. 258 *бйша*, стр. 50 *амāнат*, но стр. 305 *вилāйт*, стр. 111 *ақл*, но стр. 336 *дәэр*, и т. д.

³⁶ См.: A. Z a j a c z k o w s k i, La plus ancienne traduction turque du *Šāh-nāme*, «Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten» (1966), Ankara, 1967.

Г. А. ЗОЛотова

О СТРУКТУРЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Известно, что русский язык, особенно в его разговорной разновидности, богат разнообразными формами безглагольных предложений (*У лукоморья дуб зеленый; Тишь, безлюдье вокруг; Дел — по горло; У него ни кола, ни двора; Вся жизнь ит — подвиг неустанный; Большому кораблю большое плавание; А в даме — стук, ходьба; Хлопот полон рот; С жильем туго; У семи нянек дитя без глазу; Без хорошего разговора — что за жизнь; Не в разуме тут сила; У детей праздник; Деньги ему солома* и т. д.). Эти и подобные им примеры представляют типы предложений, большинство которых традиционной грамматикой квалифицируется как неполные, эллиптические, с опущенными или «нулевыми» членами — соотносительно с полными двусоставными глагольными предложениями, принимаемыми за эталон. Вместе с тем не вызывают сомнений ни широкая употребительность, ни экспрессивно-стилистические достоинства подобных предложений, ни их независимость от контекста коммуникативная достаточность.

Приемы подстановки, восстановления «опущенных» или «нулевых» членов помогают исследователям в конструировании идеального объекта, облегчая создание стройных схем, но при этом уводя от реальной языковой действительности. Нельзя не признать, что, обладая некоторыми преимуществами, эти приемы не снимают стоящей перед языкознанием задачи поисков действительных структурных основ реального предложения, во всем, без теоретической «дискриминации», многообразия его конкретных воплощений.

Направление поисков подсказывает история синтаксической науки. Столетие назад русскими лингвистами было признано, что глагол, *verbum finitum*, не является необходимым структурным элементом всякого русского предложения, не является единственным носителем предикативности.

Прогрессивные педагоги и языковеды второй половины XIX в., видя противоречие между логико-грамматической схемой и реальными языковыми фактами, обсуждали вопрос о том, только ли именительным падежом может быть выражено подлежащее¹. Схоластическая теория членов предложения направляла подобные вопросы по замкнутому кругу. Однако противоречие остается. И признав необязательность для многих типов предложений личного глагола, логично признать необязательность существительного в именительном падеже. Абсолютизация номинативно-глагольного предложения неизбежно ведет к недооценке подлинного разнообразия синтаксических типов предложений.

2. Важнейшим достижением синтаксической науки было разрешение во «Введении в синтаксис» Академической грамматики 1952 г. коренного теоретического вопроса — о соотношении предложения и словосочетания. Опытом предшествующего периода была подготовлена необходимость

¹ См. об этом: В. В. Виноградов, Из истории изучения синтаксиса русского языка, М., 1958.

и возможность обоснования качественного различия предложения и словосочетания как объектов разных сфер синтаксиса, соответствующих различным общественным функциям языка — коммуникативной и номинативной — и разным единицам мышления.

Однако отсюда должны быть сделаны выводы, касающиеся методов изучения каждого из этих двух объектов. Тогда как в теории словосочетания изучаются синтаксические свойства слова, приемы распространения слов разных категорий, правила построения составных обозначений, в теории предложения должны изучаться явления иного порядка. Ненужный параллелизм в описаниях словосочетаний и членов предложения, неразрешенность многих синтаксических вопросов объясняется тем, что к предложению применяется метод изучения словосочетаний, в предложении видят цепочку, образуемую посредством распространения слов. Между тем предложение как акт, в котором реализуется формирование, выражение и сообщение мысли, не сводимо к разворачиванию цепочки слов, и способы построения предложения принципиально отличны от способов построения словосочетаний.

Правомерно и необходимо искать в предложении элементы, из которых и посредством которых формируется выражение мысли, и — соответственно — те структуры, через которые выражаются эти элементы в каждом данном языке. Предложение создается прежде всего потребностью выразить мысль, сочетать те или иные понятия таким образом, чтобы отразить интересующие говорящего отношения реальной действительности. Как для выражения этих понятий, так и для приведения их в связь в каждом языке существуют определенные средства.

3. Можно полагать, что в русском языке выразителями элементов смысла, сочетанием которых создается предложение, являются не конкретные слова, а определенные синтаксические формы слов, которые в единстве своего категориально-лексического и грамматического значения служат обозначением понятий более высокой абстракции, чем лексемы². Выражаемые определенными синтаксическими формами слов такие понятия, как производитель действия, носитель состояния, субъект обладания, предмет исчисления, действие, состояние, качество, количество, место, время, причина и т. п., и составляют структурно-смысловые элементы предложения. Сочетаемость их, возможности и способы их соединения должны изучаться теорией предложения.

Другими словами, содержанием теории предложения, в отличие от теории словосочетания, должно стать не выяснение сочетаемости слов, а выяснение сочетаемости смыслов, выраженных словами, следовательно, и выяснение способов словесного выражения тех смысловых элементов, из сочетания которых образуются предложения.

Поскольку связи и отношения явлений действительности категориальны, т. е. человеческим сознанием распределены и подведены под те или иные категории, столь же категориальны и высказывания об этих связях и отношениях. В предложении определенной структуры отражается та или иная разновидность отношений объективной действительности, и наоборот, для выражения того или иного характера реальных связей в языке имеются структурно определенные разновидности предложений. Конечность лингвистических форм и закономерность их объединения отражает системность познания связей и отношений объективного мира.

Выбор говорящим типа, структуры предложения определяется смы-

² Ср.: «Модели построения определений не есть модели соединения слов; это — модели соединения форм, выступающих как носители и частных и общих грамматических значений» (В. В. Виноградов, О преодолении последствий культа личности в советском языкознании, ИАН ОЛЯ, 1963, 4, стр. 284).

словым назначением предложения. Смысловое его назначение состоит в том, что предложение призвано определенным сочетанием определенных структурно-смысловых единиц сообщить либо о действии предмета, либо о состоянии субъекта или среды, либо о качествах предмета, о количестве предметов, о наличии или отсутствии предмета, явления, соотносить предмет, явление с временем или пространством, установить причину, цель события, явления, дать характеристику (оценку) явлению и т. д.

Названные (но не перечисленные) здесь значения предложений являются не частными, конкретными, а обобщенными, типовыми. Каждое из типовых значений в каждом данном языке выражается через определенные модели предложений, основные и вариативные. В принципе возможен конечный список и типовых значений и моделей.

4. В каждой модели имеются свои организующие компоненты, постоянные и переменные. И если для предложений, сообщающих о действии предмета, основная модель организуется сочетанием синтаксической формы имени в номинативе с личной синтаксической формой глагола, для предложений, сообщающих о качестве предмета, — сочетанием синтаксической формы имени в номинативе с синтаксической формой прилагательного, то для многих других типовых значений основные модели организуются компонентами, отнюдь не совпадающими с традиционными главными членами предложения.

Так, основная модель предложений, содержащих количественную характеристику предметов, организуется сочетанием двух компонентов, один из которых называет характеризуемый предмет синтаксической формой имени в родительном падеже, а другой постоянно обозначает количество, но переменными способами (числительным, существительным и наречием с количественным значением, фразеологизмом, сравнительным оборотом и т. д.): *Лыжников — сотни; Нас мало; Нас, может быть, четверо; Дел по горло; Каменщиков — что муж; Убитых было без счета; Птицы всякой видимо-невидимо; Трудных минут тоже хватает; Гостей — пруд пруди; Молока — залейся; Примеров — множество* и под.

В предложениях, сообщающих о субъекте и объекте обладания, первым организующим центром, обозначающим субъект, является синтаксическая форма «у + родительный падеж», вторым центром — форма номинатива (или ее эквиваленты): *У них новая квартира; У нее сын и дочь; У колхоза две легковушки; У двух матерей по пяти сыновей*. В построении предложения может участвовать глагол *есть* (было, будет): *У меня есть яблоко; У соседей был сад; У бабки была внучка*.

Если же субъект характеризуется как обладатель признака, свойства или как носитель состояния, глагол *есть* не включается: *У него голубые глаза; У девушки счастливое лицо; У капель тяжесть запонок; У него покладистый характер; У матери большое сердце; У строителей радость; У мальчика грипп* (ср. различия в отрицательной форме: *У соседей нет сада, у соседей не было сада; У него не голубые глаза, у него были не голубые глаза*)³.

³ Косвенным подтверждением организующей роли в предложении синтаксической формы родительного падежа с количественным значением и синтаксической формы «у + родительный падеж», обозначающей субъект действия-состояния, может служить их широкое употребление в русских народных говорах (северновеликорусских) соответственно литературному номинативу: *Комаров налетят; В сумке было пшени; Было у меня сыновей; Есь у нас рек, озер, лесу; Ровят-то есь у его?; Редко к нам таких людей является; У пса убежело куда-то; У меня наделили валенки; У него было жонконось; У волков идено корову; У него простуженось; У него уехати в лес и под*. (см. работы А. Б. Шапиро, Е. В. Немченко и И. Б. Кузьминой и других диалектологов).

Для типового значения состояния субъекта в русском языке есть и другие модели, в которых субъект состояния (первый организующий центр) выражается синтаксическими формами дательного падежа (*Ему и больно и смешно; Мне нездоровится; Саше не спится, но весело ей; Вам холодно, вам дремлет; Мне не до шуток*); творительного с предлогом *с* (*С женщиной обморок; С ним удар; С мамой стало плохо; С женой истерика*); реже — винительного (*Меня знобит; Его затошнило*), а также именительного (*Он спит; Он грустит; Ты нездорова; Родители в тревоге; Зверь в ярости; Наш молодец в кручине и печали* и т. п.).

Различия между этими моделями не только в условиях сочетаемости данного способа выражения субъекта с определенными лексико-грамматическими способами выражения состояния, но и в оттенках общего типового значения «состояния субъекта», для анализа которых необходимо особое место.

Для общего типового значения явление и его оценка, в одной из его разновидностей «оценка положения», модель организуется сочетанием постоянного центра, называющего тему оцениваемой ситуации с помощью синтаксической формы «с + творительный падеж», и переменного центра, разными лексико-грамматическими средствами выражающего оценку: *С кадрами туго; С подачей пара перебой; С планом благополучно; С билетами не везет; С продуктами стало лучше; С алгеброй не ладится* и т. п.

Модель для предложений, назначением которых является раскрытие содержания одного отвлеченного понятия через другое, строится сочетанием двух компонентов, первый из которых выражен номинативом, второй — либо именем в предложном падеже с предлогом *в*, либо номинативом, либо инфинитивом: *Причина отставания — в плохой организации работ (плохая организация работ); Очередная задача — в укомплектовании кадров (укомплектование кадров; укомплектовать кадры); Сила — с знаниями; Условие прогресса — сохранение мира* и т. п.⁴

Типовое значение осуществимости или осуществленности действия выявляется в модели, постоянный компонент которой — инфинитив, обозначающий возможность действия, а второй, переменный компонент разными средствами выражает реальность или нереальность его осуществления: *Погубить себя — не хочется, разойтись — нету волюшки; Бранить есть кому, а кормить некому; Догонять не имело смысла; Ездить верхом было слишком жарко; Писать дневник вошло в привычку*.

Типовые значения предложений, утверждающих соотносительность предмета и места, события и времени, явления и причины и т. д., выявляются в моделях, первый компонент которых выражен номинативом соответствующей лексико-семантической категории, а второй — одним из существующих в языке средств (наречиями, синтаксическими формами имени и др.) для обозначения соответствующих понятий. При этом важно, что структурно-смысловые элементы со значением места, времени, причины и под. не распространяют здесь предикативную основу предложения, а составляют ее, образуют в сочетании с первым компонентом тот предикативный минимум, без которого не было бы предложения (*Кавказ подо мною; Глаза — на рогах, а дом — на*

⁴ Подробнее о последних двух типах см. работы автора: «Развитие некоторых типов именных двусоставных предложений в современном русском языке», в сб.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка», М., 1964; «К развитию предложно-падежных конструкций (сочетания с существительным в творительном падеже с предлогом с)», сб. «Развитие синтаксиса современного русского языка», М., 1966.

спине; Комната князя Андрея в среднем этаже; Лес — за рекою; Начало — в семь часов; Ученье продолжалось часа три-четыре; Вся-то ссора — из-за пустяка; А гордость его — от самолобия).

Приведенных иллюстраций (а пока это только иллюстрации; воссоздание системы типовых значений и выражающих их моделей — дело будущего), по-видимому, достаточно для того, чтобы обосновать некоторые выводы:

а) Для возникновения предикативных отношений в предложении, а следовательно, и для возникновения самого предложения нужны не канонизированные подлежащее и сказуемое, а значимые элементы, благодаря сочетанию которых осуществляется смысловое назначение предложения. Предикативность (т. е. отнесенность содержания предложения к действительности, выражающаяся в синтаксических категориях модальности, времени и лица), следовательно, создается сочетанием организующих структурно-смысловых центров предложения, обычно двух.

Естественно, что в односоставных предложениях (*Тишина; Темно; Морозит и под.*) происходит не сочетание двух центров, а непосредственное отнесение к действительности одного. Вместе с тем есть типы предложений, модель которых создается сочетанием трех необходимых центров. Таковы, например, предложения с типовым значением «эмоционально-оценочное отношение субъекта к объекту» (*Матери картина понравилась; Им такая жизнь не по вкусу; И зло наслуцало ему*). В модели этого типа сочетаются три компонента, составляющие предикативный минимум: субъект, выраженный синтаксической формой имени в дательном падеже, объект, выраженный синтаксической формой имени в номинативе, и обозначение отношения, по способу выражения переменное.

Таким образом, модель предложения, или его предикативная основа, представляет собой минимально достаточное сочетание синтаксических форм, образующее коммуникативную единицу с определенным типовым значением в ряду аналогичных единиц с тем же типовым значением⁵.

б) Семантика предложения (типовое значение) и его структура неразрывно и взаимообусловленно связаны. Ни путь активной грамматики (от значения к форме), ни путь пассивной грамматики (от формы к значению) не вправе игнорировать эту связь. Поиски «модели» предложения, ведущиеся современной наукой, не могут быть плодотворны без учета смыслового назначения предложения⁶.

⁵ Ср. определение понятия структурной основы предложения в «Основах построения описательной грамматики современного русского литературного языка», М., 1966, стр. 146. Предлагаемое в нашей статье понимание предикативной основы предложения может сделать более последовательным применение разрабатываемой Н. Ю. Шведовой парадигматики предложения. Если считать значение реальной модальности и настоящего времени одной из форм в парадигме предложения, то все приведенные выше модели, за исключением некоторых, связанных с фразеологическим выражением одного из компонентов, легко поддаются процедуре перевода в формы другого времени и модальности (например, *Лыжишко было, будет, было бы множество; Ему было, будет, было бы не до сна; Зверь был, будет, был бы в ярости; У них был, будет, был бы сад; С жильем было, будет, было бы туго* и т. д.), занимая, таким образом, законное место среди других двусоставных моделей, тогда как их положение в «Основах построения описательной грамматики» 1966 г. остается промежуточным и неопределенным. Противопоставление «двусоставность / односоставность» не соотносительно, таким образом, с противопоставлением «личность / безличность».

⁶ В русской лингвистике на связь семантики и формы предложения обратил внимание еще В. А. Богородицкий, выделивший в «Общем курсе русской грамматики» (1913, стр. 290 и сл.) три структурно-смысловых типа русских предложений. Известно оставшееся нереализованным замечание А. А. Шахматова о связи формы и значения предложений («Синтаксис», § 34). Применительно к немецкому языку идею В. А. Богородицкого развивает В. Г. Адмони («Введение в синтаксис современного немецкого языка», М., 1955). В зарубежном языковедении ему близки по принципам

Следует заметить, что модели, представляющие разные типовые значения, неравноценны в отношении свободы их лексического наполнения, а также в отношении активности, продуктивности их в синтаксическом строе языка той или иной эпохи его развития. На границах между типовыми значениями возникают различные случаи взаимодействий типовых значений между собой. Особенно энергично вступают во взаимодействие с «соседями» типовые значения, продуктивные для данного периода синтаксического развития. Так, например, модель, где первым организующим центром является синтаксическая форма «с + творительный падеж», с общим оценочным значением дает разновидности «оценка состояния субъекта» (*С ней плохо; С ним несчастье* — ср. *Ей плохо; У него несчастье*), примыкающую к типовому значению «состояние субъекта», и «оценка количества предмета» (*С семенами неблагоприятно; С хлебом туго* — ср. *Семян, хлеба мало, недостаточно, не хватает*), примыкающих к типовому значению «предмет и его количество».

Можно думать, что принцип различения типовых значений и моделей для их выражения окажется полезным для построения синтаксической синонимии,⁷ а также для методики преподавания иностранных языков (русского языка нерусским, в частности) и для разработки теории перевода.⁸

Для разных языков, по-видимому, будут общими основные типовые значения. Конечно, возможны различия и в составе типовых значений и в соотношениях их между собой. Но специфика каждого языка проявляется в средствах выражения этих общих значений, в структурно-семантических способах организации предложений⁹.

5. Если в понятие модели предложения входят организующие центры (один, два, три — для разных типовых значений), составляющие предикативную основу-минимум, то в понятие структуры включаются и компоненты, распространяющие и усложняющие эту основу. Понятие структуры предложения, таким образом, шире понятия модели предложения.

Распространение модели предложения, составляющей его предикативный минимум, происходит в основном двумя путями:

а) по правилам сочетаемости слов, образующих словосочетание; но это, собственно, область теории словосочетания;

классификации предложений К. Сведельвус, Э. Сенар, Ч. Фриз. До сих пор, однако, авторы исходят из отношений между подлежащим и сказуемым. Проблема ждет дальнейшей разработки.

⁷ Курьевский, во впечатляющий эксперимент французских лингвистов с последовательным переводом фразы на 14 языков, в результате которого фраза «Искусство пивоварения так же старо, как и история человечества» превратилась во фразу «Пиво с древнейших времен является одним из любимейших напитков человечества» (см. «Звание — сила», 1966, 12), позволяет думать, что определение типового значения предложения могло бы быть первым условием сохранения его смысла при переводе.

⁸ Составление способов, закономерных схождения и расхождения в выражении одних и тех же типовых значений в разных языках должно стать частью сравнительно-типологического изучения синтаксиса языка. Ср., например, способы выражения значения «состояние субъекта»: *У меня болит голова; У меня головная боль; Boli mié glava; Mám bóli hlavy; Mám bolení hlavy; J'ai mal à la tête; La tête me fait mal; Mi duole il capo; Mir schmerzt der Kopf; Ich habe Kopfschmerzen; I have headache* и т. д. Еще В. Матезиус в своих сопоставительных наблюдениях учитывал единство структуры и семантики предложений: тогда как «в некоторых языках тип безглагольного предложения выражает самую суть грамматической системы, ... например, в русском языке, где безглагольные предложения являются нормальным типом для выражения некоторых видов оценочных и притяжательных предикаций, — в других языках, например в чешском, безглагольные предложения, не находясь в такой тесной связи с самой сутью грамматической системы, являются типом окказиональным» (В. Матезиус, О системном грамматическом анализе, в кн. «Пражский лингвистический кружок», М., 1967, стр. 237—238).

б) по правилам сочетаемости смыслов, прибавления определенных синтаксических форм к предикативной основе предложения, а затем, последовательно, к сумме предикативной основы с прибавленными уже смыслами.

Ср., например: *Теперь [на даче {вечерами} (тишина)]; У одной работницы (дело спорится), у другой [часами (техника простаивает)]; После этого праздника [из-за своей бестактности (разодрался он мне)].*

Синтаксические формы слов, составляющие предикативную основу предложения и распространяющие ее дополнительными смыслами, выполняют в предложении структурную роль, они создают структуру предложения.

Синтаксические формы слов, распространяющие другие слова в предложении и находящиеся в «присловной» позиции, структурной функции в предложении не несут⁹, они участвуют в построении словосочетания, которое в целом в одной из своих форм включается в структуру предложения как распространенная синтаксическая форма. Ср. примеры, в которых чертами разделены синтаксические элементы (представленные нераспространенными и распространенными синтаксическими формами), образующие структуру предложения: *Над седой равниной моря /ветер/ тучи собирает; За отсутствием доктора /больных принимает/ фельдшер Курятин; В этом городе/знать три языка/ — ненужная роскошь.* Таким образом, границы каждого из словосочетаний, использованных в данном предложении, совпадают с границами образуемого им компонента предложения.

Ср. несколько предложений одной структуры, но с разным составом каждого из трех его обязательных структурных элементов (см. выше стр. 101): *Лаврецукому [такое множество народа] было не по нутру; И по сердцу [эта картина] всем любящим русский народ; А ты/ ему/ не очень по душе; Командиру [есе] в привычку.*

Роль синтаксической формы в предложении зависит от ее собственных свойств и возможностей, которые пока еще мало изучены. Падежные и предложно-падежные формы имени, например, распадаются на два класса с точки зрения способности участвовать в структуре предложения. Несструктурные синтаксические формы имени существительного — это, прежде всего, управляемые формы, заданные, предсказуемые «господствующим» словом словосочетания. Связь между управляемым и управляющим в словосочетании¹⁰ основана, как правило, на относительности значения управляющего, на потребности его в восполнении своего смысла. Как писал в свое время А. В. Добиаш, «слово А может своим значением выразить смысл неполный: оно содержит в себе, выражаясь математически, кроме известного а, еще неизвестное x. Это неизвестное x слова А должно быть определено словом В...»¹¹. Ср. *достигнуть берега, писать сочинение, присматривать за детьми, любоваться морем, открытие выставки, игра в лапту* и т. п.

Таким образом, распространение управляющего слова — сфера лек-

⁹ Близкое понимание неравноправности традиционных членов предложения в качестве компонентов структуры предложения см. в книге П. Адамца «Порядок слов в современном русском языке» (Прага, 1966, стр. 5—7) с тем существенным отличием, что признание неструктурности приименных и приаждективных членов в книге не распространяется последовательно на приглагольные управляемые члены.

¹⁰ Из анализа синтаксических форм с необходимостью вытекает значительно более узкое понимание управления и словосочетания, чем принятое, например, в Академической грамматике 1952 г., в «Основах построения описательной грамматики» 1966 г. и в диссертации автора 1954 г.

¹¹ А. В. Добиаш. Синтаксис Аполлония Дискола, Киев, 1882, стр. 171—172.

сического синтаксиса, в отличие от структурного синтаксиса, в котором не участвуют управляемые формы¹².

Управляемые формы — это связанные формы, вне «своего» словосочетания не употребляющиеся и не выявляющие своего синтаксического значения.

К неструктурным формам, наряду с собственно управляемыми, относится форма приименного родительного, а также согласуемые и некоторые из примыкающих определений. Отличаются они от связанных форм тем, что присоединяются и к словам с абсолютным значением, так что связь их с господствующим словом факультативна.

Среди структурных неуправляемых форм имени различаются две группы: а) свободные синтаксические формы, которые с самостоятельным структурно-семантическим значением выступают как организующие и распространяющие предикативную основу элементы, а вне предложения — как заголовки (*В степи; Перед экзаменами; За бережливость; По следу; Без поражения; Среди льдов; Детям; О друзьях* и т. п.); б) конструктивно-обусловленные синтаксические формы, не имеющие самостоятельного структурно-семантического значения вне предложения, но организующие предложение в качестве одного из его взаимообусловленных центров: *У него ревматизм; Вопросы масса; Он здесь сторожем; Ему нездоровится; Секрет — в организации труда; Со снабжением неполадки* и т. д.

Понятие синтаксической формы слова отличается от понятия морфологической словоформы, кроме прочего, и тем, что в одной морфологической форме могут совпадать разные синтаксические формы — омонимы. Ср. *За садом — река* (своб.) и *указывать за садом* (связ.); *Сыну* (своб.) — *верить сыну* (связ.) — *сыну не спится* (констр.-обусл.) и т. п.

Неуправляемые формы в предложении могут распространять и слово, занимая позицию подчиненного компонента словосочетания и создавая тем самым аналог словосочетания (*работа в лесу, люди у костра, непорядки с жильем, теплая на солнце, холодная в тени стена* и т. п.). Такая связь не является собственно подчинением, ибо свободная и конструктивно-обусловленная формы не задаются «господствующим» словом, они существуют и реализуются вне словосочетания, это тоже своего рода координация смыслов (в данном случае — лексического значения «господствующего» слова и обобщенного значения синтаксической формы распространяющей). С точки зрения предложения важно то, что в «присловной» позиции неуправляемые формы утрачивают структурную роль. Однако поскольку связь в таком аналоге словосочетания не собственно подчинительная, остается ощутимой внутренняя граница, шов между сочетавшимися словами. Графически можно изобразить этот «шов» пунктирной чертой: *Месяц полный | плывет | над дубравой; Многие | за ним | поглядели на неизвестного человека; у стойки; Денщик | поставил плошку | с дымящимися варениками; На столе | стопочка книг | и даже какой-нибудь цветок | в полбутылке | из-под сливок; Ей | вспомнилась | вся эта последняя | перед ее замужеством зима | и ее увлечение Вронским.*

Более тесная связь в некоторых аналогах словосочетаний вплоть до необходимой (*очутиться в городе, выйти из дому*) объясняется относительностью значения первого слова, в котором заложена потребность в вос-

¹² Часто цитируют высказывание Л. В. Щербы о том, что «управление... чаще всего оказывается принадлежностью каждого отдельного слова, а потому является фактом словаря» («Преподавание иностранных языков в средней школе», М., 1947, стр. 93), — для подкрепления мысли о многообразии форм управления и неподчинности их строгим грамматическим правилам. По-видимому, смысл этого высказывания не только и не столько в этом. Можно видеть в нем и подтверждение лексического характера синтаксических отношений, выражающихся в управлении.

полнении смысла. Однако форма второго слова остается свободной. Функция синтаксической формы и степень тесноты ее связи с распространяемым словом определяются разными факторами.

6. Какова роль прибавленных к предикативной основе смысловых элементов с точки зрения типового значения?

а) Синтаксическая форма, прибавленная к предикативной основе, может, не изменяя основного типового значения предложения, усложнить его. Так, двусоставные предложения с оценочным или квалифицирующим значением часто дополняются синтаксической формой со значением аспекта оценки или критерия. Структурно это элемент не обязательный, семантически он часто представляет необходимое условие сочетания компонентов предикативной основы (*Для трусливого Афоньки и заяц — волк; У сильного всегда бессильный виноват; Пугать людей для них отрада; С точки зрения рентгенобельности этот метод не оправдывает себя; Синтаксис в таком понимании — система правил сочетаемости слов; На взгляд то он хорош; Без товарища и радость нам не в радость; Все великолепье труб — лишь только лепет трав перед тобой*).

Разнообразные синтаксические формы со значением места, времени, причины и т. д. могут дополнять и конкретизировать предикативные основы предложений разных типов (*Все утро тоска...; Плохо в такую ночь бесприютным; По приезде на станцию первая забота была поскорее переодеться; Марья Матвеевна была в страшном горе по поводу происшествия с тестом; Много было в этот год перелетной птицы*)¹⁸.

б) Введение в предложение дополнительной, по отношению к предикативной основе, синтаксической формы может изменить типовое значение предложения. Например, в предложениях *Девочка идет в школу; Огонь погас* содержатся сообщения о конкретном действии лица, о результативном состоянии предмета. В предложениях же *А у нас (огонь погас); У меня (девочка идет в школу); У нее новое платье; У нее (болен ребенок); У кумушки-лисы (зубушки острые)* и т. п. содержатся сообщения об признаках, отличающих «нас», «меня», «ее», «лису», т. е. субъект обладания. Типовое значение предикативной основы оказывается компонентом общего типового значения на следующей ступени членения. Предложения с *n*-ступенчатой структурой, образованные путем прибавления структурно-смысловых элементов к предикативной основе, оказываются полипредикативными.

То же подчинение внутреннего типового значения общему типовому значению наблюдается в двухступенчатых моделях предложений, сообщающих о субъекте и объекте обладания, о ситуации, характеризующей то или иное место: *У меня (вопросов масса)*, ср. *У меня вопрос; На пристани (людей было мало)*, ср. *На пристани было тихо; В городе (с жильем трудно)*, ср. *В городе нехватка жилья*.

Определенные структурно-смысловые элементы тяготеют друг к другу, обнаруживая склонность образовывать комплексы значений: в двух- (трех)ступенчатых моделях часто комплексно соединяются значения «наличествующий предмет — количество — место», «наличествующий предмет — количество — владелец» (кроме вышеприведенных ср. примеры:

¹⁸ На тех же основаниях простое предложение может распространяться придаточными предложениями; таким образом, изучение принципов организации и распространения простого предложения — необходимый этап и для понимания структуры сложного предложения. Ср.: Ст. Ж а ж а. К вопросу о синтактико-семантическом и актуальном членении сложного предложения, «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», A 13, 1965, стр. 72.

Бездна звезд на небе; Людей в вагоне мало; Во дворе на этот раз много ребят; Нас у матери пятеро; Было у мужика три сына; У ситого коня восемь ног; У них денег вагон; Своих князей у них довольно); «состояние среды — место — время» (На дворе было тихо; С утра было тихо; Очень уж тихо в лесу по ночам; Длинными зимними вечерами в колонии было жутко; В воздухе посвистывало и выло; В комнате весь день шумно и накурено; В доме Ростовых было невесело) и т. д.

Другие способы и приемы осложнения первичных моделей предложения нуждаются в специальном рассмотрении. Важно отметить, что средством дальнейшего усложнения структуры простого предложения служат свободные и конструктивно-обусловленные формы с присущими им структурно-смысловыми значениями. Ср. *Он в задумчивости — В задумчивости ходил он по комнате; Он был женихом; Он совсем больной; Он здесь учителем — Он ездил к ним женихом; Он пришел совсем больной; Он работает водителем троллейбуса; После окончания обучения предоставляется работа | водителем троллейбуса* и т. п.

Связанные по смыслу синтаксические формы, например, субъекта и объекта обладания, части и целого, находятся между собой в закономерных трансформационных отношениях. Ср.:

<i>У нее — зонтик</i>	}	<i>У нее в руках зонтик:</i>
<i>Зонтик — в руке</i>		<i>Она с зонтиком в руке;</i>
<i>Она — с зонтиком</i>		<i>Прошла женщина с зонтиком в руке;</i>

У Шабашкина на голове картуз — Шабашкин, с картузом на голове, стоял подбочась; У него костистые лопатки, шишка под глазом — С костистыми лопатками, с шишкой под глазом, он представлял из себя смешную фигуру и т. д.¹⁴.

Модели полипредикативных предложений заключают в себе возможность неоднозначных решений вопроса об общем типовом значении, иными словами — возможность различного использования одной и той же структуры в разных композиционно-смысловых условиях речи. Например, в предложении *По утрам [у нее (времени бывало в обрез)]* общим типовым значением может быть либо характеристика «ее» как субъекта обладания (в данном случае малым количеством времени), и тогда оно двухступенчато, а свободная форма «по утрам» ограничивает временной приуроченностью осуществление данной характеристики, либо предложение трехступенчато и содержит характеристику «утр» (ср. синонимичное: *утра ее были особенно напряженными*). Язык создает структурные возможности для реализации того или иного типового значения; в речи, в конкретных условиях контекста, выявляется, какая из этих возможностей реализована.

Вопросы порядка слов в предложении требуют особого внимания. Порядок слов является элементом построения модели предложения, причем у разных моделей бóльшая или меньшая свобода перемещения компонентов. Однако, в основном, возможности размещения и перемещения структурно-смысловых компонентов предложения и распространяющих их слов определяются композиционно-синтаксической и экспрессивно-интонационной организацией контекста и подлежат изучению не в плане языка, а в плане речи.

¹⁴ Не располагая понятием синтаксической формы слова как структурно-смыслового элемента предложения, лингвисты, работающие в области трансформационной грамматики, объясняют подобные явления сложением предложений. В этом объяснении есть известная искусственность исследовательского приема. Вероятнее видеть здесь сложение смыслов, выраженных соответствующими синтаксическими формами слова.

7. Многие изменения, наблюдаемые в синтаксисе русского языка на протяжении XIX—XX вв., находят объяснение с точки зрения изложенного понимания структуры предложения. Целый ряд фактов, зарегистрированных исследователями, говорит в пользу того, что идет процесс дифференциации средств выражения типовых значений, уточнения условий сочетаемости структурно-смысловых элементов, условий включения тех или иных синтаксических форм в те или иные модели.

Так, в предложениях типа *Хлопот Мартышке полон рот* (Крылов), *Деньги ему солома* (Сухово-Кобылин) и под. дательный субъекта устарел, уступил место синтаксическим формам «у + родительный падеж» в первом случае и «для + родительный падеж» во втором потому, что за дательным закрепилось значение субъекта внутреннего состояния (организующего компонента моделей для соответствующего типового значения), форма «для + родительный падеж» развила значение субъекта критерия в двусоставных оценочных предложениях (ср. *Деньги для него солома*)¹⁵, а форма «у + родительный падеж» укрепляется в значении субъекта обладания как организующего компонента моделей предложений, сообщающих о наличии чего-то в каком-то количестве (ср. *У Мартышки хлопот полон рот*).

Вытеснение формой «у + родительный падеж» именительного падежа субъекта в предложениях, характеризующих субъект как носителя признака или состояния:

<i>Она красивого лица</i>	} <i>У нее красивое лицо</i>	
<i>Она с красивым лицом</i>		» » » »
<i>Дети в scarlatине</i>		<i>У детей scarlatина</i>
<i>Я в деньгах</i>		<i>У меня (есть) деньги</i>
<i>Он будет в возможности</i> <i>содержать себя</i>		<i>У меня будет возможность...</i>

и под. (примеры Н. Ю. Шведовой); развитие параллельно именительному и дательному субъекта формы «с + творительный падеж» для обозначения субъекта оцениваемого состояния (*Здоровье неважно > Со здоровьем неважно; Нервы не в порядке > С нервами не в порядке; Женщине плохо > С женщиной плохо* и т. п.) свидетельствуют о выработке языком средств, отвечающих потребности в дифференцированном синтаксическом выражении категорий субъекта активного, действующего и субъекта пассивного, косвенного, носителя признака или состояния как организующего компонента моделей соответствующих типовых значений.

Уточнение синтаксических условий построения предложения, а следовательно, и становления синтаксических форм проявляется также в координации значений действия — состояния — качества между предикативной основой и распространяющими ее синтаксическими формами. Так, на протяжении XIX в. за причинной конструкцией «от + родительный падеж» закрепляется значение состояния как источника другого состояния и, следовательно, способность распространять предложения глагольные и

¹⁵ Ослабление позиций дательного субъекта и расширение употребительности родительного с предлогом *для* за счет дательного в литературном языке XIX в. на большом материале установлено в «Очерках по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.», М., 1964 (см. гл. «Изменения в системе простого предложения»). Справедливее, однако, видеть в этом процессе не «стирание семантических различий» (стр. 250) между названными конструкциями, а, напротив, дифференциацию как их значений, так и условий сочетаемости. Кроме того, развитие новых значений у формы «для + родительный падеж» неверно рассматривать «в системе глагольных и именных словосочетаний» (там же): синтаксическая форма «для + родительный падеж» в значениях субъекта оценки и критерия не вступает в словосочетания, она — типичный распространитель предикативной основы предложения.

безглагольные, в том числе безличные, сообщающие о состоянии, изменении состояния и под. За конструкцией же «из + родительный падеж» закрепляется значение состояния, свойства как активного стимула к действию и, следовательно, способность включаться в предложения глагольные, но не в безличные, не в именные.

Синтаксическая форма «из + родительный падеж» в значении внутреннего стимула к действию, так же, как и синтаксическая форма деепричастия, на протяжении XIX в. подчиняет свое участие в предложении условию единства субъектной оси (отнесенности главного и второстепенного действия, состояния к одному субъекту): выходят из употребления конструкции *шуметь из безделицы, работать из хлеба*, как не отвечающие этому условию.

На рубеже XIX—XX вв. и позже обрабатываются условия включения в предложение синтаксической формы с предлогом *путем* (отношение активного, произвольного действия к другому действию), с предлогами *за счет, в целях* и с другими отыменными предлогами.

Становление синтаксических форм «с + творительный падеж», «в + предложный падеж», родительного количественного как организующих компонентов предложений с соответствующими типовыми значениями (*С ремонтом благополучно; Сила — в сплоченности; Гостей — хоть пруд пруди* и т. п.) свидетельствует о том, что становятся продуктивными определенные типы предложений с двучленной структурно-логической организацией, с несогласуемыми, но взаимообусловленными структурно-смысловыми центрами.

Вопросы исторических изменений, так же как и вопросы структурно-семантической организации предложения в современном русском языке, требуют дальнейшего изучения.

В. А. НИКОНОВ

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Антропонимы (личные имена — как в узком смысле имен персональных, так и в широком, включая отчества, фамилии, латинские cognomen и проч.) несут в обществе многообразную службу. Естественно, что ими давно и много занимается наука о праве, история, этнография. Но личные имена — слова и, как все слова, подчиняются законам языка, по которым образуются, функционируют, изменяются. За последние десятилетия антропонимика¹ как отрасль лингвистики почти всюду получила огромный размах (вышедшая в 1952 г. библиография одной только англоязычной литературы о личных именах включила 3415 заглавий). На основе накопленного материала и многих исследований крупные лингвисты создали сводные обобщающие труды (А. Доза — по французской антропонимии, А. Бах — по немецкой). Состоялись девять международных конгрессов по ономастике, где антропонимика представлена учеными из полусотни стран; выходят несколько журналов по ономастике. В славянских странах В. Ташицкий, П. Эволинский, С. Роспонд, А. Заремба, Мария Каршдук (Польша), Я. Свобода, Й. Бенеш (Чехословакия), И. Дуриданов, Й. Займов, С. Милчев (Болгария) — только одна из шеренг многочисленного отряда лингвистов-антропонимистов. В нашей стране антропонимика как наука пока еще нет. Есть россыпь фрагментарных работ немногих разрозненных исследователей. Благополучной обстоит дело вне РСФСР: в первую голову труды Н. В. Бирило в Белоруссии и деятельность коллективов на Украине — в Киеве (группа ономастики во главе с К. К. Целуйко при АН УССР), Львове (И. И. Ковалик, Л. Л. Гумецкая, Ю. К. Редько) и др. городах; есть работы по личным именам таджиков (А. Г. Гафуров), туркмен (З. Б. Мухамедова), узбеков (Э. Бегматов), казахов (Т. Жанузаков). В РСФСР относительно чаще оказываются объектом рассмотрения антропонимии других народов², чем русских. Подлинно научное исследование русской антропонимии, начатое в конце прошлого столетия академиком А. И. Соболевским³, пытался развернуть только А. М. Селищев, незавершенную антропонимическую рукопись которого⁴ посмертно опубликовал его ученик В. К. Чичагов (его собственная небольшая работа издана также посмертно⁵). С тех пор появлялись отдельные работы, случайные, описательные и узкие (перечисление имен одного села). Отдельного упоминания заслуживают статьи А. Н. Мирославской, В. И. Тагуновой, немногие другие⁶, а также подсчеты личных имен в гор. Пензе за 50 лет, проведенные

¹ Антропонимия — сама масса личных имен, антропонимика — учение о них (аналогично — топонимия; топонимика). Антропонимика и топонимика — две главные части ономастики — науки о собственных именах.

² Г. Е. А й п л а т о в, О марийских собственных именах XVIII века, «Советское финно-угроведение», 1965, 2; В. П. В ы б о р н о в, Личные собственные имена и их стилиевые и экспрессивно-оценочные формы в нижневыходских говорах коми-языка, «Уч. зап. коми пед. ин-та», Сыктывкар, 1962; К. Е. Г а г г а е в, Состав и функции осетинских личных имен, «Изв. Северо-Осетинского НИИ», XXIV, I — Языкознание, Орджоникидзе, 1964; Б. О. Д о л г и х, Старинные обычаи эвцев, связанные с рождением ребенка и выбором ему имени, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», 20, М., 1954; Г. Ф. С а т т а р о в, Некоторые вопросы татарской антропонимии, «Вопросы истории, филологии и педагогики», Казань, 1965; В. С в е т л а к о в, К вопросу о происхождении коми-пермяцких фамилий, «Наш край», 1, [Шернь], 1964.

³ А. [И.] С о б о л е в с к и й, Заметки о собственных именах в великорусских былинах, «Живая старина», II, СПб., 1890; е г о ж е, Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии, СПб., 1910, гл. XV.

⁴ А. М. С е л и щ е в, Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ, «Уч. зап. [МГУ]», 128 — Труды кафедры русского языка, кн. 1, М., 1948.

⁵ В. К. Ч и ч а г о в, Из истории русских имен, отчества и фамилий, М., 1959.

⁶ А. Н. М и р о с л а в с к а я, Древнерусские имена и прозвища в «Новгородских записных каменных книгах 100—104 и 111 годов», «Уч. зап. [Калининградского пед. ин-та]», VI, 1959; е е ж е, К истории развития русских имен, там же, В. И. Т а г у н о в а, Из истории суффикса -ище в личных собственных именах, «Уч. зап. [Муромского пед. ин-та]», вып. 6 филологический, 1963; е е ж е, Из жизни личных

в Пензенском педагогическом институте под руководством В. Д. Бондалетова. Больше занимались именами литературные персонажи (интересны работы С. А. Копорского, Л. И. Ройзензона, В. Н. Михайлова, Э. Магазаника), но это не заполняет основного пробела. Вот почти и все за послевоенное 20-летие, если не считать популяризаторских брошюр; лишь Л. В. Успенский поддержал в читателе интерес к личным именам. Так сложилось, что за последние годы наиболее значительные работы по антропонимии России принадлежат иностранным ученым (Б. Унбегаун, А. Баклунд, Ст. Роспанд и др.). Такое положение неоправданно и нетерпимо. Пример топонимики, 10 лет тому назад находившейся у нас в таком же состоянии, а теперь занявшей свое место в мировой науке, убеждает, что есть все возможности покончить и с отставанием русской антропонимики.

Первоочереден сбор материала, грандиозного по своему объему. Предлагаемая статья служит опытом в этом направлении. Автором выполнены на выборочных территориях сплошные подсчеты личных имен в России (охвачено больше миллиона носителей), особенно по материалам XVIII—XIX вв. в архивах ЦГАДА (Москва), ЦИА (Ленинград), областных архивах десяти областей (Владимирский, Воронежский, Горьковский, Калужский, Куйбышевский, Курский, Орловский, Пензенский, Тамбовский, Ульяновский) и по метрикам XX в. в ЗАГС'ах одиннадцати областей (Владимирская, Горьковская, Калужская, Костромская, Куйбышевская, Курская, Пензенская, Тамбовская, Тульская, Ульяновская, Ярославская). В статье рассмотрены только личные имена в узком смысле и только в их современном состоянии, наиболее важном и практически, и теоретически (тем более, что перечисленные работы за единичными исключениями его не затрагивают), с необходимым привлечением данных прошлого, чтобы выявить основные тенденции. Этот материал позволяет сделать первоначальные выводы. Все приводимые данные относятся только к русскому населению.

Личные имена в дореволюционной России были заданы официальным церковным перечнем. Поэтому исследователи не проявляли интереса к именам, считая их стандартными. В действительности же острая «борьба имен» не прекращалась и после окончательного уничтожения имен нецерковных (конец XVII в.), опосредствованно отражая борьбу, которая составляла историю страны. Из нескольких тысяч имен, канонизованных церковью, употребляли меньше десятой доли, а выбор этого ограниченного репертуара резко различался у различных слоев населения, для всего многомиллионного крестьянства оставаясь неподвижным на протяжении нескольких столетий — преобладали имена *Иван, Василий*, женские — *Авдотья (Евдокия)*, [а в северной половине (местами и южнее) — *Анна*. Развитие капитализма, расшатав колыбель быт деревни, вызвало некоторые сдвиги и в ее антропонимии. На протяжении XIX в. там возрастал процент имен *Николай, Александр, Мария*, сначала очень медленно, а затем быстрее, но еще и в начале XX в. крестьянский именник номинал городской начала прошлого века — их разделяла дистанция длиной почти в столетие. И в начале нашего века среди крестьянок не редки *Акулины, Меланы, Феклы*, немислимые в привилегированных слоях, а получившие преобладание в тех слоях *Ольга* и *Елена* не пользовались популярностью в деревне. Даже имена, как будто обычные в разных слоях, имели полярно противоположную тенденцию: стояло имени *Мария*, самому частому имени дворянок и купчих первой половины XIX в., стать частым именем и крестьянок, с 60-х годов оно круто падает у дворянок⁷.

Революция уничтожила обязательность церковного списка имен. В середине 20-х годов развернулось движение против прежних имен, входивших в святцы. Из городов оно распространилось и на деревню. Подсчет по метрикам за 1930 г. застаёт этот процесс в разгаре. Данные по женским именам⁸ см. в табл. 1.

собственных имен, «Ономастика», Київ, 1966; Н. М. М а л е ч а, Собственные личные имена людей, Уральск, 1966; Т. Ф. М у р и к о в а, Личные имена в говоре Причудья, «Труды по русской и славянской филологии», II, Тарту, 1959 («Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 78); А. А. Б е л о в а, К вопросу о личных именах, прозвищах и фамилиях села Каблукова Калининской (бывшей Тверской) области, «Уч. зап. Калининского пед. ин-та», 30 — Серия филологическая, 1963; А. А. Г о р б у н о в а, Заметки по ономастике рукописных грамот XVII века, «Вопросы фonetики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания», I, Пермь, 1964.

⁷ Понятно, что на страницах лингвистического журнала предпочтение отдано не социологическому аспекту. Ему специально посвящена работа автора «Личное имя — социальный знак» («Сов. этнография», 1967, 5). Вместе со статьей «Формы русских фамилий» (в сб. «Studia językoznawcze poświęcone prof. dr. St. Rospondowi», Wrocław, 1966) и данной статьей все три представляют сокращенное изложение разделов книги автора «Антропонимия России» (подготавливается к печати для изд-ва «Наука»), где подробней рассмотрены и вопросы, затронутые в настоящей статье.

⁸ Документы прошлых лет в архивах ЗАГС'ов сгруппированы применительно к административно-территориальному делению, существующему теперь.

Таблица 1

	Кол-во имен	В том числе		% новых имен	
		преж- них	новых	по кол-ву имен	по кол-ву н.сителей
Кострома	139	41	98	70	29
Пенза	88	41	47	53	12
Калуга (1931 г.)	78	41	37	47	11
Костромск. обл., Чухломск. р-н	40	34	6	15	1
Костромск. обл., Кадыйск. р-н	36	33	3	8	1
Калужск. обл., Куйбышевск. р-н	41	36	5	13	1
Калужск. обл., Хво- стовичск. р-н	61	49	12	20	2

Резка была пестрота имен в городах, там ассортимент новых имен стал шире, из прежних в обиход остались немногие, а новые возникли в изобилии. Процесс протекла неравномерно. Из трех приведенных городов самый высокий процент рабочих имела Кострома (работницы-текстильщицы), именно там максимально представлены новые имена. Одни из них как *Фижий* или *Веренетта*, остались уникальными, другие распространились повсеместно (*Алла*, *Октябрина*), но употребительность всех новых имен не последовала за бурным ростом их ассортимента: даже в городах (Пенза, Калуга) новое имя в 1930 г. получила только 1 из 9 новорожденных девочек, а в деревнях — 1 из 100.

Новшества в русской антропонимии той поры разнородны:

1. Самые многочисленные среди новых имен — иностранные личные имена, заимствованные преимущественно через литературу, театр, кино: *Август*, *Альберт*, *Арнольд*, *Артур*, *Роберт*, *Рудольф*, *Эдуард*, *Эрик*, *Ада*, *Аза*, *Аида*, *Альбина*, *Жанна*, *Римма*, *Элиза*, *Элеонора*, *Эльвира*, *Эмилия*, *Эмма* и мн. др. Некоторые из них и раньше проникали в Россию с переселявшимися иностранцами, но не могли стать именами русских. Два обязательных признака характеризуют эти имена — полная утрата этимологии и резко-иноязычные фонетические черты, отчетливые даже на слух: обилие сонорных, неотгированное инициальное *e* (орфографически *е*), исконно необычные для русского языка сочетания (два гласных подряд, *p* или *l* перед согласными, удвоенные согласные). Именно эти «экзотичные» признаки и послужили притягательной силой, неся необычное в противовес привычному.

2. К этой наибольшей группе примыкает другая, однако, принципиально отличающаяся от нее. Это личные имена действительно новые — из заимствованных нарицательных слов, превращаемых в собственные без какого-либо формального изменения: *Авангард*, *Гений*, *Герой*, *Энергия*, *Электрификация*, *Индустрия*, *Идея*, *Идиллия*, *Лира*, *Поэма*, *Новелла*. Среди них нет слов с предметными значениями; значения абстрактны и принадлежат политике или искусству.

3. Называвшие воспринимали новыми и те имена, которые числились в святцах, но никогда не были народными. Имя *Лариса* в прошлом «опускалось» только до купечества, а в 1930 г. оно обычно во всех городах, появилось и в деревне. Почти исключительно монашескими были в старой России имена *Магдалина* (впервые с иной тоналностью прозвучало в поэзии А. Блока, но тоже не без ассоциаций с евангельской грешницей), *Маргарита*, которым изредка пользовались аристократия или интеллигенция. Давая такие имена в 1930 г., воспринимали их как новые, противопоставленные именам из святцев.

4. Принимали за новые имена и уменьшительные формы, записанные в метрике как полные, паспортные имена: мужские — *Алик*, *Слава* (из имен на *-слав*), женские — *Аля*, *Гая*, *Ира*, *Лара*, *Мари*, *Оля*, *Рая*, *Юля* и проч.⁹ Немногие родители давали такое имя намеренно, в большинстве же это продукт малограмотности, как *Лианора* или *Андрелима* (т. е. *Ангелина*); и в церковных метриках, под контролем консисторий, заурядно встречалась *Липа* (вместо *Олимпиада*).

5. Следующая группа — имена, новые в данной ситуации, но по происхождению предшествовавшие церковным. Это — воскресенные имена древнерусские или нерусского происхождения (даже вообще неславянского), известные по древним лето-

⁹ Многие иноязычные уменьшительные формы стали самостоятельными именами еще за рубежом и заимствованы как полные (т. е. относятся к группе 1): *Ирма* из *Ирмгард*, аналогично — *Адель*, *Лина* и др.

писям и актам, но отвергнутые и запрещенные православной церковью: *Святослав, Славомир, Руслан, Рюрик*, женские — *Злата, Лада, Милана, Светлана, Рогнеда, Роксана, Руслана*. Имя *Светлана* знакомо только по балладе В. А. Жуковского; среди девочек, рожденных в 1930 г., оно встречается в каждом из 3 городов, но еще не успело завоевать деревню из нескольких тысяч девочек *Светлана* лишь одна.

6. Наконец, небольшое меньшинство составляли имена собственно новые, нескольких видов. Одни, наиболее удачные, образованы с формантами, включающими их в антропонимический ряд: *Октябрина, Майя*. Другие — аббревиатуры, также идеологического содержания: *Владлен* (сокращение из Владимир Ленин), *Виллана* (из его же инициалов), *Кэм* («коммунизм, электрификация, механизация»), комбинированные образования: *Электрофина, Новомир, Новомира* (г. Кострома, 1930), *Ревмир* («революция мировая») (Пенза, 20-е годы) и *Ревмира* (Ульяновск, обл., 30-е годы), приведенные Л. Успенским два имени, связанные с героической эпопеей челюскинцев, *Оюшминальда* («Отто Юльевич Шмидт на льдине») и *Ласкишвара* («лагерь Шмидта в Арктике»). Единично имя переворнутое — *Нинель* из Ленин; такая операция, как правило, неудачна, так как нарушает модели морфологического строения и коверкает привычные звуко сочетания, но в этом случае фонетическая структура оказалась «обратимой» (все три согласные нечетны, а ставший финальным *л'*, соответствует окончаниям существительных женского рода, к тому же полученное новое имя перекликается с привычным (*Нина*); поэтому искусственное создание на этот раз получило некоторое распространение. Особняком стоят составные имена, образованные слиянием двух самостоятельных слов, например определения и определяемого — *Краснослав* (г. Кострома, 1930).

После 30-х годов такие имена пошли на убыль. Только немногие из них сохранили слабую продуктивность и позже. Впрочем единичные новшества иногда еще продолжали возникать¹⁰. Бесспорно, половодье новых имен привнесло много неудач и мало удач. Сблаженные заграничной «красивостью» родители в Пензе той поры называли сына именем *Наполеон*, а другие — *Эмбрион* (материалы В. Д. Бондалетова). Но теперь, спустя три десятилетия, можно оценить это явление объективно. У *Эвелины* и *Мэри* (Калуга, 1931) и отцы, и матери рабочие, там же у *Иозольды* (так записана) отец пред. завкома; *Роберт* называли сына источник и уборщица (Кострома, 1930), а *Гелиотроп* сын смазчика и катушечницы (там же). Это — жажда вырваться из старого быта, порыв к культуре из векового бескультурья. Не вина, а беда называвших, в каком облике представлялась им культура. Ведь лингвисты стояли в стороне, и поиски велись вслепую, с единственным критерием «мне нравится» — «мне не нравится».

Новые имена своей необычностью бросались в глаза, их-то и принимали за главную перемену в именной. А на самом деле они были лишь поверхностны и несущественны для основных глубинных процессов, неброских и малозаметных тогда, зато подлинно массовых, которые не ломали прежнего списка имен, но перестраивали самую толщу именной. К 1930 г. в городах уже стали любимыми именами *Владимир, Юрий, Нина, Валентина, Галина*, за ними *Тамара*, не только отбросив назад, но и сведя к единичным имена *Иван, Василий, Анна, Мария, Екатерина*. В деревне этот процесс протекал медленней, но и там к 1930 г. *Валентина, Нина*, даже *Галина, Тамара* уже оставили далеко позади *Анну, Марию*, а *Евдокия* встречалась лишь единично. Но еще и в городах не всюду завоевали популярность *Игорь* и *Светлана*, а в сельские районы они только начали проникать единично. Оставались еще и такие острова, как в Костромском Заволяжье, где из родившихся в 1930 г. девочек в Чухломском районе 13 получили имя *Капитолина*, а в Кадыйском 10 — *Манефа*.

Коренной пересмотр именной отчетливо выразился в многочисленной перемене имен. За 1932—1935 гг. всего чаще отрекались от имени *Матрена* (12% всех женщин, переименовавших имя), *Фекла* (7%), *Акулина, Агафья, Евдокия*; а сменили всего чаще на *Галину* и *Валентину*; еще сталкивались встречные тенденции — одни меняли имя на *Мария, Фаина*, а другие брали те же имена. Из мужских чаще всего изменяли имя *Иван*, за ним *Кузьма, Степан, Никита, Фома, Афанасий*, избраны чаще всего *Владимир* (13%), *Николай, Александр, Леонид, Анатолий*. Среди сменивших тогда имена значительно больше мужчин, чем женщин.

История вообще ничего не делает без необходимости, писал Маркс. Не было никакой необходимости сражаться против прежних имен и придумывать взамен непременно свои собственные. Сформулированное автором (на топонимическом материале) положение о трех плазах значений собственных имен¹¹ объясняет, почему прежние имена вполне приемлемы и для нас. Применительно к антропонимии значения до-антропонимические (этимологические) у прежних имен почти целиком утрачены давно (имя уже не вызывало никаких ассоциаций со «святым»), остались значе-

¹⁰ В Тамбовский ЗАГС пришел запрос из армии с просьбой уточнить имя рожденного в 1942 г. в Хоботовском районе. Подняв документы, даже привычные работники ЗАГС'а оговорили: там значилось Венигрет.

¹¹ В. А. Н и к о н о в, Введение в топонимику, М., 1965, стр. 57—63.

Таблица 2
Женские имена (год рождения 1961, на 1 тыс. в каждом столбце)

	Областные центры						Сельские районы										
	Курск	Калуга	Истрема	Владимир	Тамбов	Пенза	Ульяновск	Курская обл.	Калужская обл.	Тульская обл.	Ярославская обл.	Костромская обл.	Владимирская обл.	Тамбовская обл.	Пензенская обл.	Ульяновская обл.	Куйбышевская обл.
Алевтина	—	3	4	1	3	4	2	—	3	2	16	18	10	1	7	2	2
Александра	5	2	2	2	1	1	1	6	6	9	6	5	12	7	4	8	1
Алла	19	17	3	16	16	9	7	11	11	5	6	—	4	2	2	2	2
Альбина	2	1	5	2	1	—	3	1	2	—	3	3	8	1	—	5	1
Анна	6	6	5	2	6	3	5	10	24	8	6	11	13	16	6	14	12
Антонина	3	5	3	1	4	1	1	15	27	22	8	20	14	9	11	12	18
Валентина	18	16	10	13	12	17	8	107	105	94	39	76	46	72	71	69	79
Вера	14	7	14	14	29	20	17	43	24	29	25	15	53	49	55	41	48
Виктория	3	—	1	1	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Галина	67	68	43	74	86	60	51	92	82	94	103	107	108	91	95	83	93
Евгения	3	3	2	2	2	2	7	1	1	6	2	2	4	2	1	6	1
Екатерина	2	3	7	3	4	3	2	20	6	6	11	12	9	4	8	2	3
Елена	131	164	123	166	134	87	97	57	43	80	129	82	77	41	43	48	47
Зинаида	1	—	—	2	2	1	2	2	10	6	3	8	4	13	7	—	2
Зоя	2	—	2	1	3	1	—	10	7	11	3	3	6	8	8	8	4
Ирина	9	5	3	4	2	6	—	2	2	1	—	—	—	1	—	—	—
Ираида	2	1	—	—	10	3	1	4	1	1	2	3	5	—	3	—	—
Ирина	139	118	105	104	94	115	93	13	12	33	58	48	23	17	14	28	35
Клавдия	2	—	—	—	—	—	—	2	6	1	—	1	3	1	—	3	1
Лариса	46	21	26	23	29	44	34	5	4	15	6	8	11	9	7	9	6
Лидия	4	5	6	4	7	4	5	19	17	12	13	8	15	21	33	22	25
Любовь	32	24	34	28	17	33	40	53	65	60	70	46	60	67	88	81	75
Людмила	60	58	27	17	46	51	54	70	35	32	42	62	40	50	46	51	50
Маргарита	13	25	7	4	8	5	8	—	1	5	4	2	1	1	1	1	1
Мария	3	2	5	3	4	2	4	7	33	3	4	10	8	24	10	13	10
Надежда	19	27	26	49	71	29	26	50	55	75	65	65	95	96	80	63	76
Наталья	78	66	66	84	57	89	107	85	50	60	48	40	75	75	89	88	67
Нина	8	10	14	14	16	11	14	40	69	49	57	60	31	45	56	41	40
Нелли	4	2	4	3	1	—	3	—	—	—	3	1	—	—	—	—	—
Ольга	42	71	121	89	99	120	121	58	30	48	46	51	70	67	48	58	106
Ракса	3	4	—	1	3	3	4	26	28	5	—	6	8	15	15	6	5
Ринна	4	6	1	1	3	2	4	2	1	3	1	2	3	4	1	1	—
Светлана	37	59	96	73	36	70	74	15	35	25	54	54	29	18	18	31	23
Лидия	6	2	—	3	2	3	4	1	1	—	3	—	—	1	4	3	1
Марина	80	90	123	93	80	76	79	3	12	29	30	22	25	5	9	10	7
Тамара	11	11	5	4	10	10	12	16	26	26	13	24	10	20	18	28	18
Татьяна	95	79	87	84	81	91	98	142	136	140	107	101	108	124	128	138	118
Юлия	2	—	1	3	2	1	3	1	1	5	1	—	3	7	4	1	2
Проч. 1	25	19	18	13	18	22	6	14	27	8	9	23	14	10	15	24	18

1 В обл. центрах: Анастасия, Ангелина, Белла, Валерия, Варвара, Вероника, Виктория, Виолетта, Дина, Елизавета, Жаннета, Жанна, Инга, Инесса, Кира, Лолита, Майя, Марианна, Милана, Нинель, Нонна, Оксана, Софья, Таисия, Ульяна, Элеонора, Элла, Эльвира, Эмма; по одному разу: Ада, Аделина, Ангелика, Берга, Виталина, Генриетта, Гортензия, Диана, Дженни, Евакия, Ила, Изабелла, Лана, Леонора, Лилиана, Лина, Луиза, Люся, Люция, Мэри, Миральда, Полина, Рита, Роза, Стелла, Фаина, Элина, Эльвира, Эля, Эмира, Эрмина. В сельских районах: Анастасия, Антонида, Варвара, Гертруда, Дина, Евдокия, Елизавета, Жанна, Ира, Капитолина, Клара, Ксения, Матрена, Пелагея, Полина, Рита, Роза, Серафима, Софья, Таисия, Фаина, Эльвира, Эмма; по одному разу: Ада, Анисья, Белла, Вероника, Евфимия, Лилия, Лина, Майя, Манера, Пловца, Прасковья, Ульяна, Федосья, Элеонора, Элина, Элла, Эльза.

ния собственно антропонимические (идеологически нейтральный знак, только указывающий данное лицо) и развились новые значения отантропонимические (придающие нейтральному знаку идеологическое значение от того лица, которое он обозначил, — так, имя *Владимир* для большевизма, конечно, связано с В. И. Лениным).

Прошло еще три десятилетия. Схлынула пена, которую несла на гребне волна движения за перестройку именина. А глубокие течения сформировали русский именинник нашего дня, бесконечно далекий от прежнего и иной, чем в 1930 г. Тенденции

Таблица 3

Мужские имена (год рождения 1961, на 1 тыс. в каждом столбце)

Имена	Областные центры							Сельские районы									
	Курск	Калуга	Кострома	Владимир	Тамбов	Пенза	Ульяновск	Курский обл.	Калужская обл.	Иренинская обл.	Костромская обл.	Владимирская обл.	Тамбовская обл.	Пензенская обл.	Ульяновская обл.	Кузнецкая обл.	
Александр	122	109	137	146	142	143	145	140	126	158	142	133	156	190	202	177	
Алексей	13	20	31	46	29	48	33	23	53	40	40	56	41	30	30	29	
Альберт	—	1	4	4	2	1	2	—	—	2	2	—	—	—	—	—	
Анатолий	22	12	27	12	17	20	21	35	23	45	36	15	40	34	35	30	
Андрей	29	77	115	102	59	33	53	11	7	21	23	16	4	6	5	7	
Аркадий	—	1	6	1	3	3	3	—	—	2	2	—	—	—	—	—	
Борис	7	13	6	5	8	8	5	5	5	7	14	3	6	4	3	3	
Вадим	4	7	15	9	5	4	5	1	2	5	3	3	1	—	—	—	
Валентин	4	4	2	1	2	3	3	7	2	6	9	7	8	5	6	4	
Валерий	34	31	32	42	42	56	57	11	20	28	20	24	29	22	33	25	
Василий	6	3	11	9	10	4	4	50	38	15	24	42	24	23	21	33	
Виктор	32	30	26	26	29	28	20	74	87	35	40	62	75	75	49	54	
Виталий	10	12	7	4	9	13	5	7	3	1	16	5	4	1	2	4	
Владимир	87	81	95	86	88	100	101	114	96	119	109	103	103	135	139	111	
Владислав	2	2	1	3	4	6	2	—	1	—	—	—	2	—	—	1	
Вячеслав	19	17	20	19	19	28	34	5	23	21	16	23	17	12	21	14	
Геннадий	30	26	9	5	43	19	10	13	19	15	13	28	14	22	20	20	
Георгий	3	2	2	1	2	1	4	1	3	1	—	1	1	—	1	2	
Герман	—	—	2	5	2	3	2	—	—	1	5	—	—	2	—	—	
Григорий	2	1	3	2	3	1	1	12	3	2	2	2	1	4	1	5	
Дмитрий	9	9	9	13	7	11	8	8	7	6	2	3	4	1	5	6	
Евгений	21	31	23	11	11	24	35	3	12	37	37	38	25	16	47	34	
Иван	4	4	4	3	7	2	4	50	44	11	5	24	44	23	27	23	
Игорь	82	104	30	53	69	57	38	7	21	8	8	7	8	9	3	6	
Константин	4	9	4	8	8	6	15	—	—	6	4	6	2	4	6	3	
Лев	—	—	1	4	1	1	2	—	—	—	—	2	2	—	—	—	
Леонид	8	7	12	7	1	2	3	15	8	8	30	3	4	—	2	7	
Михаил	35	47	45	43	47	58	22	35	45	34	39	50	34	41	33	29	
Николай	37	27	54	47	41	19	30	112	97	124	130	91	91	68	90	91	
Олег	56	42	27	29	39	48	35	3	3	8	15	7	6	9	6	7	
Павел	5	7	19	10	11	6	13	12	6	15	9	12	8	4	8	12	
Петр	1	2	4	2	7	2	3	7	24	2	2	10	20	13	12	26	
Роман	1	2	1	2	1	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	
Сергей	164	149	162	174	136	162	210	127	111	146	132	142	113	139	122	137	
Станислав	4	1	8	2	4	2	3	5	2	2	4	1	1	1	1	1	
Федор	1	1	2	1	1	2	1	1	1	4	5	2	1	—	4	2	
Эдуард	8	3	2	4	3	2	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	
Юрий	132	102	31	56	87	68	63	93	90	65	60	70	109	104	63	90	
Проч. ¹	1	7	2	3	1	6	4	9	17	3	2	2	3	3	3	7	

¹ В обл. центрах: Артур, Вениамин, Всеволод, Илья, Матвей, Кирилл, Роберт, Ростислав, Рудольф, Руслан, Семен, Степан, Яков; по одному разу: Арнльд, Арсений, Ортем, Владлен, Вг р, Илларион, Леонтий, Максим, Марк, Мир, слав, Митр фая, Никита, Олимп. Пантелей, Родион, Свято, слав, Серге, Спартак, Тимур, Эдмунд, Ярослав. В сельских районах: Вениамин, Егор, Илья, Максим, Матвей, Рудольф, Семен, Серафим, Яков; по одному разу: Афанасий, Всеволод, Дементий, Игнат, Кирилл, Минай, Степан, Тимофей, Филипп, Эрик.

массовых изменений, не во всем уловимые непосредственным восприятием, взвешиваемы подсчетами (а иногда лишь ими обнаруживаемы). Приводимые данные за 1961 г. (см. табл. 2, 3) охватывают полностью всех родившихся по 7 областным центрам, избегая самых крупных, и по 50 сельским районам из 9 различных областей Европейской России (в отношении мальчиков; имена девочек — по 44 районам из 10 областей); районы взяты по возможности отдаленные от крупных городов, промышленных центров и транспортных узлов; данные не выражают средних чисел по области, а показывают состояние в деревне «периферийной». Данные приведены не в абсолютных числах, а в промиллях, т. е. в пересчете на 1 тыс. новорожденных по каждому столбцу, соответствующему определенной территории. Все показатели округлены до

единицы; тире в графах означает полное отсутствие, а точка — величину меньше 0,5 на 1 тыс. чел. Имена показаны в их «паспортной» форме, записанной в метриках, например, раздельно ваты *Егор* и *Георгий*; не приняты во внимание мелкие различия написаний (*Нэлли* — *Велли* — *Налк* — *Неля* — *Нелия*).

Каков же русский именьник наших дней?

1. Установился довольно постоянный и компактный ассортимент имен, по сравнению с 1930 г. весьма строгий. Всего в 1961 г. употреблено имен:

Таблица 4

	Мужских			Женских		
	Всего	из них		Всего	из них	
		по 1 разу	чаще		по 1 разу	чаще
В обл. центрах	76	20	56	100	32	68
В обследованных районах	59	12	47	79	17	62

Против 1930 г. перечень употребляемых имен резко сократился в каждом районе, а в каждом городе даже больше чем вдвое, хотя количество родившихся больше чем вдвое возросло. Насколько строже стал именьник, ясно видно по именам родившихся в г. Костроме:

	1930 г.	1961 г.
Мужских имен	100	48
в том числе по 1 разу	44	8
Женских имен	139	57
в том числе по 1 разу	57	18

Во всех семи обследованных областных центрах всего только пять самых распространенных имен (*Сергей*, *Александр*, *Владимир*, *Юрий*, *Андрей*) охватили больше половины всех родившихся; еще сильней концентрация имен в каждом сельском районе. На родившихся за 1961 г. в многолюдном Майнском р-не (Ульяновская обл.) хватило 19 имен мужских и 25 женских (если не считать употребленных по одному разу).

2. Русский именьник 1961 г. коренным образом отличается не только от дореволюционного, а и от 1930 г. полной сменой преобладающих имен. В городах на первом месте имя *Сергей*, почти не имеющее соперников (не ниже 149 на 1 тыс., за исключением Тамбова), за ним — *Александр* (от 109 до 146 на 1 тыс.), затем *Владимир*, *Юрий*. А в сельских районах почти всех областей первое место заняли *Александр*, за ним *Сергей*, далее *Владимир* и *Николай* (местами в обратном порядке), *Юрий* и *Виктор*. Женские имена несколько пестрей: в большинстве областных центров преобладает *Елена*, но в Курске — *Ирина* (в других городах это имя занимает второе-третье место), а в Пензе и Ульяновске — *Ольга*¹²; следующие места, чередуясь, занимают *Марина*, *Татьяна*, *Наталья*, за ними *Светлана*, *Галина*. В деревне всюду на первом месте *Татьяна*, кроме Северного Поволжья и Куйбышевского Заволжья, где позиции этого имени слабей; пока еще очень часты *Валентина* и *Галина*, очень убывшие в городах; местами сильны *Ольга*, *Елена*, *Надежда*. Господствовавшие прежде имена сильно поредели и в деревне, а в городах почти совсем вышли из употребления, че говоря уже об окончательно исчезнувших именах *Архип*, *Гаврил*, *Тит*, *Тихон*, *Агафья*, *Акулина*, *Устинья*, *Фекла*; только в глубине Костромского Заволжья изредка еще появляется единственная *Манефа* или *Илюда*. Именьник деревни веками оставался почти неизменным и тем разительней перемены, происшедшие за послеоктябрьские десятилетия. В деревне, где только немногие осмеливались дать дочери городское имя *Ольга*, а крестьянку *Тамару* немисливо было представить, сегодня *Тамара* одно из самых частых имен (в сельских районах 10 областей 10—27 на тысячу девочек, родившихся в 1961 г.). В колхозе «Россия» Теренгульского района Ульяновской обл. пастух и доярка назвали дочь *Эрмина* (1961). И. не одобряя выбора данного имени, нельзя не видеть, какой небывалый переворот свершился на глазах одного поколения.

3. Из «новых» имен довоенных лет вошли в современный именьник очень немногие. Некоторые оказались удачными: так, совсем неопытима разнородность имен

¹² Среди девочек, рожденных в г. Ульяновске за 1966 г., на первое место тоже вышло имя *Елена*. Можно с уверенностью сказать, что то же отнесенные имени *Ольга* именами *Елена*, *Ирина* за 1966 г. обнаружили бы подсчеты по г. Пенза.

Татьяна и Светлана. Употребляемые все чаще имена *Эдуард, Виктория* (пока преимущественно в городах), вероятно, скоро станут обычными, как стали *Валерий, Алла*. Эти имена сегодня уже не вызывающие. Именинник стал «спокойным». Демонстративная инородность теперь редка, однако, она еще продолжает сказываться. Рожденные в 1961 г. девочки получили имена: в Калуге и Тамбове — *Лолита*, во Владимире — *Эмира*, в Костроме — *Альвира*. Обсуждая, надо ли работникам ЗАГС'ов вмешиваться в выбор имен, газета «Известия» сообщила, что в 1964 г. один родитель в Москве назвал дочь *Балдера*, не подозревая, конечно, что за профессию означает это слово. Подобные имена теперь перекинулись и в деревню. В отличие от 20-х годов теперь нельзя оправдать их ни противопоставленностью прошлому, ни бескультурьем.

4. Одна из самых характерных и важных черт — у нас нет антагонистической социальной дифференциации личных имен; этим советская антропонимия принципиально противоположна дооктябрьской. Теперь именинник в основном действительно един. Как показывают таблицы, еще значительно различие употребительности имен в городе и деревне, но между ними нет былой пропасти. Именинник современной деревни близок к имениннику городов примерно 40-х годов, хотя и неравномерно (например, наименьший из 7 привлеченных областных центров Тамбов дал наименее «городские» показатели, а 4 заводских района Ярославской обл. наиболее приблизились к показателям городов). Читая таблицы построчно, легко заметить такое различие. В деревне еще очень часты *Валентина, Галина, Александр*, оттесненные в городах с первых мест. Пережив бурный успех в городах, *Валентин* и *Виктор* пошли там на убыль, но в деревне позиции этих имен еще сильны. А *Елена, Ирина, Марина* и некоторые другие имена, выйдя на первые места в городах, еще не получили такого призывания в деревне, хотя уже пришли туда¹³. Пока еще гораздо реже в деревне, чем в городе, дают имена *Светлана, Игорь, Олег*; еще держатся там некоторые имена, давно отброшенные в городах.

Интервал между именинником города и деревни сокращается, и сам темп сближения ускоряется.

5. В русской деревне искони мужские имена были разнообразней женских; например, в XIX в. ассортимент употребляемых крестьянством мужских имен был всюду вдвое шире, чем женских. Сегодня соотношение ассортимента имен обратно, женские имена стали «жюкелдливей» — женские имена всюду разнообразнее мужских; доля имен единичных, не повторенных за год в том же районе, стала выше среди женских имен, чем среди мужских. Общее количество различных имен, на всех рожденных в 1961 г. в деревне (по каждой области взяты 4—5 районов):

	Муж.	Жен.
Калужск. обл.	41	48
Костромск. обл.	36	49
Владимирск. обл.	37	42
Тамбовск. обл.	37	48
Пензенск. обл.	32	41
Ульяновск. обл.	37	49

6. Язык стремится к нормализации формы; тем сильнее унификация формы имен собственных. Во-первых, их этимологические значения стерты. Во-вторых, имена собственные образовали специфический, отчетливо ощущаемый лексический отряд со своей историей (неслучайно почти все личные имена по происхождению иноязычны за исключением трех-четырех), а это неизбежно приводит к установлению собственных формальных признаков отряда (подобно тому, как наименования большинства минералов образованы суффиксом *-ит*).

Так, для женских имен в русском языке искони обязательна форма на *-а* (графически и *-я*). Это единообразие удержано на протяжении многих столетий, с небольшим участием имен на мягкий согласный звук (*Любовь*, теперь эту группу пополнило имя *Нинель*). Оба эти окончания — признаки грамматического женского рода и для всей массы нарицательных существительных. Той же норме подчинены и имена, появившиеся в 20—30-х годах, не только заимствованные (*Эльвира* и др.), а и отобразованные из нарицательных — *Баррикада, Энергия* (при мужском имени *Энергий*) или новообразованные — *Октябрина, Ревмира*. Небольшую брешь в абсолютной норме пробрели только имена на *-и*: в минувшем столетии они занесены в Россию из Зап. Европы (*Фанни, Мэри, Нелли*), но паспортными смогли стать только теперь; их очень мало, а употребительность их ничтожна.

¹³ Старой деревне некогда были хорошо знакомы имена *Елена* (в формах *Алена, Олена*) и *Ирина* (в формах *Арина, Орина*), но еще в XVIII в. они начали убывать и в начале XIX в. почти вышли там из употребления, после чего их подхватили привилегированные слои, а имя *Марина*, нередкое в деревне XVII—XVIII вв., исчезло там еще в первой половине XIX в. Теперь эти имена пришли в деревню из города как новые, без всякой преемственности.

Отчетливо формализованы и мужские имена. В конце XIX в. именам на твердый согласный принадлежало абсолютное большинство — 60%; среди родившихся в 1961 г. они составили от 43 до 47%, уступив первое место именам на -й, употребительность которых неуклонно росла: во второй половине XVIII в. они составляли 26%, во второй половине XIX в. — 32%, а в 1961 г. — 51%, несмотря на то, что резко упала употребительность имени *Николай*, бывшего самым частым в этой группе, а *Тимофей*, *Терентий* или *Евсей* практически вовсе выбыли. Теперь лидеры этой фракции имен *Сергей*, *Юрий*, *Геннадий*. Имена на -а (*Илья*, *Кузьма*, *Никита*, *Фома* и др.) в XVIII в. охватили около 14% всех мужчин, но в XIX в. сокращались непрерывно, — очевидно, из-за омонимичности этой формы с показателем женского грамматического рода. В переписи 1897 г. именам на -а принадлежало 4% носителей, а среди мальчиков рожденных в 1961 г. меньше 0.1% (конечно, и десятая доля процента при миллионах родившихся составляет несколько тысяч); имена этой группы ощущаются как архаические и сходят со сцены. Зато имя *Игорь*, которое получили 6% мальчиков 1961 г. рождения (если его не объединять с именем на -й в общую группу имен на мягкий согласный), продолжая увеличивать употребительность, может стать сильной фракцией среди мужских имен.

Формальный признак безусловно способствует возвышению или падению имени, хотя также безусловно, что сами выбирающие имя не только не сознают значимости этого признака, но даже не замечают его — здесь неумолимо действует неосознаваемая сила языкового чутья» (подобно безошибочному употреблению грамматического рода). Внимательно изучив движение личных имен за несколько столетий, можно сформулировать вывод, выглядящий парадоксальным: не потому победила форма на -й, что полюбились имена *Сергей*, *Юрий*, *Геннадий* и т. д., а потому они предпочтены, что принадлежат к этой группе¹⁴. Победа имен на -й подготовлена тенденцией роста их употребительности за несколько столетий.

Вероятно, именно тенденция к расподоблению мужских и женских имен вытеснила женские имена *Александра*, *Евгения* ради мужских *Александр*, *Евгений*, пожертвовав мужским именем *Валентин* из-за экспансии женского имени *Валентина* (наблюдение Г. Ф. Благовой).

7. Неожиданным покажется и еще один вывод, также опирающийся на данные широких подсчетов. Конечно, главная магистраль распространения личных имен — от Москвы по стране и через города, и непосредственно (печатать, радио, школа и др. каналы), но наряду с этим подсчеты обнаружили и несомненную пространственность распространения личных имен, действующую и сегодня. В 1961 г. сельские районы почти всех охваченных подсчетами областей отдали предпочтение имени *Татьяна* — кроме Северного Заволжья, где оно оказалось на втором месте. Проследив многие строки обеих таблиц, легко увидеть примеры волнового распространения имен. На каждую тысячу родившихся девочек *Раиса* представлена в сельских районах юго-западных областей по 25, в Пензенской и Тамбовской по 15, во Владимирской — 8, в Ульяновской, Куйбышевской, Костромской по 5—6, в заволжских районах Ярославской обл. — ни одной.

Можно заметить и «островные» явления: например, максимум имен *Леонид* и *Надежда* во Владимире, *Ираида* и *Геннадий* в Тамбове и Тамбовской обл. Таковы и минимумы имен *Людмила* во Владимире, *Любовь* в Тамбове, *Игорь* и *Юрий* в Костроме. Такие аномалии, случайные по отношению к общей тенденции, недолговечны; едва ли удастся объяснить эти «напрыжки моды».

Современные волны имен отличаются от былой региональности имен, когда на протяжении сотен лет в одной половине страны преобладало имя *Анна*, а на другой — *Евдокия* (*Авдотья*). Сибирь выделяла имя *Иннокентий*, держались «островки» локальных имен, связанных с культом местных «святых» (*Серафим* в Пензенской и соседних губерниях, *Митрофан* в Воронежской). Волны имен сегодня отражают только неравномерность роста и убыли, замедление или ускорение их темпа в различных местностях при общей тенденции для всех них. Такие различия временны. Весь строй жизни у нас способствует интеграции имен, а не локальной дифференциации их.

8. Проследив по строкам таблиц процент того или иного имени на разных территориях, обнаруживаем удивительные «совпадения». Выбор имени в каждом случае представляется совершенно свободным, а в различных местностях частота его оказы-

¹⁴ В могуществе таких процессов автор убедился, исследуя топонимию. При Грозном опустели многие деревни, а когда позже возникли новые, то названия с совершенно другими лексическими основами сохранили прежнее количественное соотношение формантов на той же территории (например, 7%-ица в названиях Бежецких деревень). Бывший *Екатеринодар*, где *дар* «подарок» давно утратило этимологическое значение, легко превратился в *Краснодар*, где *дар* никакого лексического значения не несет, а служит топонимобразующим формантом (В. А. Николов, Введение в топонимику, стр. 95). Эта, по выражению Б. А. Серебренникова, «формальность» властвует в антропонимии.

вается настолько одинаковой, словно задана нормой. Не сговариваясь между собой и даже не зная, какие имена преобладают в соседнем районе, все 7 областных центров дали на 1 тыс. от 81 до 98 *Татьян*, а сельские местности всех 10 областей от 101 до 142. Так же ограничена амплитуда колебаний для большинства имен. Выдающийся польский антропонимист Т. Милевский, ныне покойный, утверждал, что личные имена отличаются от нарицательных слов полной свободой выбора¹⁵. Вопреки этому данные обширных подсчетов неоспоримо доказывают, насколько жестко обусловлен выбор личных имен даже при отсутствии религиозных или юридических запретов, обусловлен общественным вкусом, современной антропонимической нормой, хотя бы и не осознаваемой выбирающим. Выяснив эти нормы и поняв закономерность их формирования, антропонимика сможет активно влиять на эти процессы.

---

¹⁵ T. M i l e w s k i, *Słowiańskie imiona osobowe na tle porównawczym, «Z polskich studiów slawistycznych», ser. 2, Warszawa. 1963.*

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ю. И. ЛЕВИН

О КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СИМВОЛОВ В ТЕКСТЕ

В этой статье речь идет о том, как измерять упорядоченность распределения того или иного символа в тексте. Точнее говоря, вопрос ставится так: дан текст или фрагмент текста, в котором достаточно часто повторяется некоторый элемент α (это может быть фонема или группа фонем — например, гласные, — или морфема, лексема, грамматическая форма, синтаксическая конструкция, интонационный элемент и пр.; в стиховедении, например, та или иная ритмическая форма и т. д.); требуется найти количественную меру, показывающую, насколько компактно (или, наоборот, диффузно) расположен в тексте этот элемент, т. е. имеют ли его вхождения в текст тенденцию к сосредоточению в отдельных местах, отделенных друг от друга большими расстояниями, или, наоборот, к равномерному рассредоточению по тексту. Таким образом, здесь ставится не обычный в лингвистической статистике вопрос о частоте изучаемого элемента, а вопрос о характере его размещения — независимо от частоты.

В разделе I вводятся меры компактности и излагаются некоторые соображения, связанные с их использованием. Раздел II имеет целью проиллюстрировать применение этих мер на конкретных примерах.

I. 1. Итак, имеется некоторая конечная последовательность, состоящая из символов двух родов: α и β . Изучается вопрос о том, насколько компактно распределен в ней символ α (если α , например, интересующая нас фонема, то символом β обозначены все остальные фонемы).

Пусть последовательность состоит из n экземпляров символа α и m — символа β . Перенумеровав все вхождения α слева направо, получим запись вида

$$\beta\beta\alpha_1\beta\beta\beta\alpha_2\beta\alpha_3\alpha_4\beta\beta \dots \alpha_n\beta.$$

Обозначим через d_i ($i = 1, 2, \dots, n - 1$) расстояние между α_i и α_{i+1} , т. е. число символов β , их разделяющих ($0 \leq d_i \leq m$); введем, кроме того, величину d_n , положив ее равной суммарному количеству символов β , предшествующих α_1 и следующих за α_n . Тогда $\sum_{i=1}^n d_i = m$.

Максимально компактной (относительно α) будем считать последовательность, для которой все $d_i = 0$, кроме одного, равного m (т. е., например, вида $\beta\beta\alpha\alpha\alpha\beta\beta\beta$), максимально диффузной — такую, в которой α распределено равномерно, т. е. с $d_1 = d_2 = \dots = d_n = \frac{m}{n}$ (в предположении, что $\frac{m}{n}$ — целое; иначе равномерное распределение просто невозможно).

При отыскании выражений, которые характеризовали бы меру компактности, неудобно (с математической точки зрения) целочисленный характер величин d_i . Поэтому рассмотрим, наряду с описанным выше дискретным случаем (символы в последовательности), непрерывный случай (точки на отрезке). Именно, будем считать, что на отрезке длины m расположены n точек с координатами x_i ($i = 1, 2, \dots, n$), причем $x_i \leq x_{i+1}$ при любом i . Введем расстояния $d_i = x_{i+1} - x_i$ ($i = 1, \dots, n - 1$), $d_n = m - x_n + x_1$. Условия максимума компактности и диффузности сохраняют свой вид (в частности, максимально компактное распределение имеем, когда все точки совпадают).

При такой формулировке имеется соответствие между дискретным и непрерывным случаем: каждой последовательности отвечает определенное расположение точек на отрезке. Например, последовательности

$$\beta\alpha\beta\alpha\beta\alpha\beta\alpha\beta\beta\alpha\beta$$

отвечает расположение $n (= 6)$ точек на отрезке длины $m (= 8)$, изображенное на рис. 1; в обоих случаях $d_1 = 1, d_2 = 1, d_3 = 1, d_4 = 3, d_5 = 0, d_6 = 2$.

Дальнейшие рассуждения проводятся для непрерывного случая, но результаты автоматически переносятся и на дискретный.

Рис. 1

2. Степень компактности распределения будем оценивать с помощью непрерывной функции $f(d_1, d_2, \dots, d_n)$, к которой, при $0 \leq d_1 \leq m, \sum_1^n d_i = m$, естественно предъявить следующие требования:

(а) f имеет единственный минимум при $d_1 = \dots = d_n = \frac{m}{n}$ (случай максимальной диффузности);

(б) f достигает наибольшего значения при условии: все $d_i = 0$, кроме одного (случай максимальной компактности);

(в) f симметрична по любой паре переменных (это требование означает, что мы считаем существенным для оценки компактности лишь длины интервалов d_i , но не расположение этих интервалов, т. е., например, мы считаем одинаково компактными расположения, изображенные на рис. 1 и 2¹⁾;

Рис. 2

Рис. 3

(г) $f(x, a - x, d_2, \dots, d_n)$ убывает по x на $(0, a/2)$ (это означает, что если в распределении имеется фрагмент вида, изображенного на рис. 3, и мы начнем перемещать среднюю точку в направлении к одной из крайних, оставляя прочие точки неподвижными, то степень компактности увеличивается).

Чтобы удовлетворить требованию (в), будем искать f в виде $\prod_{i=1}^n h(d_i)$, где функ-

цию $h(x)$ будем считать дважды дифференцируемой и имеющей конечный предел при $x \rightarrow +0$. Легко доказать, что (а) влечет за собой вогнутость $h(x)$ при $x > 0$ и что (б) и (г) при этом тоже выполняются.

Функцию h , с помощью которой строится мера компактности, назовем *базисной*.

Базисной, таким образом, может быть любая функция $h(x)$ такая, что $\lim_{x \rightarrow +0} h(x)$ конечен, и $sh'(x) > 0$ при $x > 0$. Не нарушая общности, можно считать, что $\lim_{x \rightarrow +0} h(x) = 0$.

От меры компактности, которую мы будем обозначать через F_h (при базисной функции h) погреем, кроме того, чтобы она изменялась от 0 (случай максимальной диффузности) до 1 (случай максимальной компактности). Так как $f_{\min} = nh(m/n)$,

$f_{\max} = h(m)$, а нормировать f естественно так: $\frac{f - f_{\min}}{f_{\max} - f_{\min}}$, то мы получаем для меры компактности выражение:

$$F_h = \frac{\sum h(d_i) - nh\left(\frac{m}{n}\right)}{h(m) - nh\left(\frac{m}{n}\right)}.$$

¹ Мера компактности, которую мы хотим ввести, должна отвечать нашим интуитивным представлениям о компактности (диффузности) того или иного распределения символов или точек. К сожалению, если только речь не идет о сравнении случаев, достаточно близких к крайним (т. е. распределения, близкого к максимально компактному с распределением, близким к максимально диффузному), наша интуиция сама оказывается в затруднительном положении: ср. хотя бы распределения на рис. 1 и 2. Нам представляется, что требования (а) — (г) исчерпывают все, что в ясных терминах можно сформулировать, опираясь на интуитивные представления.

3. Наложим на меру компактности требование, чтобы она была инвариантной относительно преобразования подобия: $\bar{n} = n$, $\bar{m} = \lambda m$, $\bar{d}_i = \lambda d_i$ (при сохранении числа точек отрезок равномерно растягивается в λ раз, при этом расстояния между точками увеличиваются во столько же раз; аналогично в дискретном случае). Это требование означает в некотором смысле независимость меры компактности от общей «густоты» точек на отрезке (соответственно, частоты символов α в последовательности) и зависимость лишь от характера их расположения².

Это требование (в совокупности с некоторыми другими, менее существенными) позволяет выделить базисные функции $h = x \log x$ и $h = x^a$ ($a > 1$), что дает следующие меры компактности:

$$F_{x \log x} = 1 + \frac{\sum_1^n \delta_i \log \delta_i}{\log n}, \text{ где } \delta_i = \frac{d_i}{m} \text{ (основание логарифмов несущественно);}$$

$$F_{x^a} = \frac{\frac{n^a - 1}{m^a} \sum_1^n d_i^a - 1}{n^{a-1} - 1}.$$

Из мер F_{x^a} практически удобна лишь $F_{x^2} = \frac{n \sum d_i^2 - m^2}{m^2(n-1)}$.

Заметим, что $\delta_i = \frac{d_i}{m}$ представляет собой вероятность попадания в интервал d_i и потому $-\sum \delta_i \log \delta_i$ есть шенноновская энтропия распределения точек — в том смысле, что эта величина измеряет неопределенность исхода опыта по угадыванию того, в какой интервал мы попадем, ткнув наудачу в отрезок; $\log n$ — максимальная возможная энтропия, достигаемая при равенстве всех интервалов. Таким образом, величина $F_{x \log x}$ есть в указанном смысле избыточность данного распределения (точнее — избыточность сообщения о попадании в некоторый интервал при данном расположении точек).

Величина же F_{x^2} представляет собой пронормированную дисперсию случайной величины d — длины интервала между соседними точками. Действительно, $\sigma^2 = \frac{\sum (d_i - \bar{d})^2}{n} = \frac{n \sum d_i^2 - m^2}{n^2}$ (так как $\bar{d} = \frac{\sum d_i}{n}$, $\sum d_i = m$), $\sigma_{max}^2 = \frac{m^2(n-1)}{n^2}$ и $F_{x^2} = \frac{\sigma^2}{\sigma_{max}^2}$.

Любопытно, что обе эти величины — избыточность и нормированная дисперсия — получены здесь чисто аналитическим путем, без каких бы то ни было вероятностных соображений.

Меры $F_{x \log x}$ и F_{x^2} достаточно удобны в вычислительном отношении (первая — благодаря существованию таблиц функции $x \log x$). В дальнейшем будем пользоваться обозначениями: $L = F_{x \log x}$, $Q = F_{x^2}$.

Чем руководствоваться при выборе одной из этих двух мер? Они ведут себя по-разному относительно преобразования, состоящего в том, что количество точек (при сохранении длины отрезка) увеличивается в μ раз, причем между каждыми двумя «старыми» точками размещены равномерно $\mu - 1$ «новых» (т. е. $n' = \mu n$, $m' = m$, d_i превращается в μ раз взятое d_i/μ). Именно, при этом преобразовании Q асимптотически (при $n \rightarrow \infty$) уменьшается в μ раз, тогда как L асимптотически инвариантна относительно этого преобразования.

Характер изменения введенных мер виден из табл. 1.

4. Естественно возникает вопрос о сравнении полученной для какого-либо распределения величины меры компактности с мерой компактности «идеально случайного» распределения, т. е. такого, когда каждая точка распределена на отрезке по закону равномерной плотности (для дискретного случая это означает, что n экземпляров символа α случайным образом и независимо друг от друга вставляются в последовательность из m символов β).

Можно показать, что плотность распределения случайной величины l — длины интервала между фиксированной точкой и ближайшей справа $\varphi(x) = \frac{n-1}{m^{n-1} x^2} \times$

² Эта инвариантность относительно подобного преобразования позволяет, например, при некоторых условиях, вычисляя меру компактности размещения данного слова в тексте, подсчитывать не число слов, разделяющих вхождения изучаемого слова, а число предложений.

Т а б л и ц а 1

Последовательность	L	Q
αβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβα	0,00	0,00
αβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβα	0,28	0,09
αβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβα	0,44	0,18
αβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβα	0,56	0,27
αβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβα	0,72	0,45
αβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβαβα	1,00	1,00

$\times (m - x)^{n-2}$. Поэтому среднее значение случайной величины $\sum h(d_i)$ равно

$$\frac{n(n-1)}{m^{n-1}} \int_0^m (m-x)^{n-2} h(x) dx \text{ и, следовательно,}$$

$$\bar{F}_h = \frac{\frac{n(n-1)}{m^{n-1}} \int_0^m (m-x)^{n-2} h(x) dx - nh\left(\frac{m}{n}\right)}{h(m) - nh\left(\frac{m}{n}\right)}$$

($\bar{F}_h$ — значение меры F_h для «идеально случайного» распределения³, точнее — среднее значение случайной величины F_h).

В непрерывном случае получаем:

$$\bar{L}(n) = 1 - \frac{1}{2} + \frac{1}{3} + \dots + \frac{1}{n}, \quad \bar{Q}(n) = \frac{1}{n+1}.$$

Таблица значений $\bar{L}(n)$ для значений n от 2 до 100 помещена в приложении.

Заметим, что если не требуется особая точность, то в качестве приближенного значения $\bar{L}(n)$ (с избытком) можно брать величину $\frac{1-C}{\ln n} \approx \frac{0,423}{\ln n}$ ($C = 0,5772\dots$ — постоянная Эйлера); ошибка при этом меньше, чем $\frac{1}{2n \ln n}$. Большую

точность дает величина $\frac{1-C-\frac{1}{2n}}{\ln n}$ ($\bar{L}(n)$ получается с недостатком; ошибка имеет порядок $\frac{1}{10n^2}$).

Если вычисленная для данного распределения мера компактности существенно выше или ниже, чем $\bar{F}$, то это говорит об «организованности» этого распределения — в сторону ли большей густотности в отдельных местах и разреженности в других, или, наоборот, в сторону нарочитой равномерности.

К сожалению, выписать столь же простые формулы для мер компактности идеально случайного распределения в дискретном случае невозможно. Если n/m достаточно мало, то можно и в дискретном случае пользоваться формулами, полученными для непрерывного случая.

5. Поставим вопрос о том, как реагирует F_h на увеличение длины отрезка (последовательности). Хотелось бы, чтобы — в предположении, что текст статистически однороден относительно данного символа (например, фонемы) — F_h при увеличении выборки практически не менялось.

Сформулируем задачу более точно. Пусть имеется k последовательностей, каждая из которых содержит по n символов α и по m символов β (т. е. частота символа

³ Наше «идеально случайное» распределение точек весьма близко к пуассоновскому (при распределении точек по закону Пуассона плотность распределения длины интервала была бы $\frac{m}{n} e^{-\frac{m}{n} x}$). Однако, поскольку при определении компактности мы имеем дело с замкнутым текстом (отрезком), а не с открытой совокупностью текстов (бесконечной прямой), использование распределения Пуассона дает лишь приближенные результаты.

α во всех последовательностях одинакова). Меры компактности их $F_h^{(1)}, F_h^{(2)}, \dots, F_h^{(k)}$, вообще говоря, различны. Составим из этих последовательностей новую, приложив их друг к другу. Кажется естественным требование, чтобы мера компактности F_h новой, длинной последовательности равнялась среднему арифметическому мер компактности составляющих:

$F_h = \frac{1}{k} \sum_{i=1}^k F_h^{(i)}$. Однако оказывается, что это условие

противоречит требованиям (а) — (г) п. 2 и удовлетворить ему невозможно.

Действительно, для новой последовательности

$$F_h = \frac{\sum d_i - knh \left(\frac{m}{n}\right)}{h(km) - knh \left(\frac{m}{n}\right)}, \text{ тогда как } \frac{1}{k} \sum F_h^{(i)} = \frac{\sum d_i - knh \left(\frac{m}{n}\right)}{kh(m) - knh \left(\frac{m}{n}\right)}.$$

Для их равенства необходимо и достаточно, чтобы $h(km) = kh(m)$, но такому условию удовлетворяет только линейная функция $h(x) = cx$, которая не подчиняется требованию вогнутости, необходимому для базисной функции.

Легко понять источник этого противоречия: чем длиннее текст, тем менее компактно вхождение в него данного символа (если только отдельные куски этого текста статистически однородны), т. е. мера компактности в результате «сшивания» отдельных кусков в цельный текст должна убывать.

Сшивание нового текста из k равных и одинаковых по частоте α кусков, таким образом, уменьшает меру компактности по сравнению со средним арифметическим

мер компактности кусков $\frac{h(km) - nh \left(\frac{m}{n}\right)}{h(m) - nh \left(\frac{m}{n}\right)}$ раз, что дает для меры L вели-

чину $1 + \frac{\log k}{\log n}$, а для меры Q — величину $\frac{kn-1}{n-1} \approx k$.

(Это показывает, что мера L удобнее для работы с большими массивами, ибо убывает при увеличении массива много медленнее, чем Q ; например, при $n = 50$ Q уменьшается вдвое при двукратном увеличении массива, тогда как L — лишь при 50-кратном.)

6. Подчеркнем, что мера компактности имеет не статистический, а детерминированный характер: измеряется характеристика определенного текста (или фрагмента). В этом отношении результат, полученный по определенному тексту, подобен результату е д и н и ч н о г о измерения, например, в физике. Если нас интересует не столько определенный текст, сколько средние величины (например, общеязыковые, или по текстам данного стиля или данного автора и т. д.), то результаты отдельных измерений должны быть усреднены и, если необходимо, обработаны обычными статистическими методами. Постановка задачи о мере компактности в открытой совокупности текстов (например, о мере компактности распределения данной фонемы в текстах данного языка) просто не имеет смысла, ибо эта мера будет существенно зависеть от величины выборки (и убывать с ее увеличением), а также — при данной величине выборки — от частоты символа (грубо говоря, для более редкого символа нужна большая выборка). Эти обстоятельства затрудняют сравнение мер компактности распределения одного и того же символа в разных текстах, а также разных символов в одном тексте.

Эту трудность, однако, можно обойти.

Пусть имеются r текстов, причем в j -м тексте ($j = 1, \dots, r$) содержится n_j символов α (в частности, это может быть один текст, состоящий из r типов символов), и мера компактности j -го текста относительно α равна L_j (или Q_j). Количество символов β в каждом тексте безразлично. Для того чтобы результаты по всем текстам были сравнимы, мы должны, приняв любой из текстов, например 1-й, за эталонный, умножить каждое из L_j на $\frac{\log n_1}{\log n_j}$ (соответственно каждое Q_j — на $\frac{n_1 - 1}{n_j - 1}$).

Действительно, пусть m_j — количество символов β в j -м тексте, и пусть $\frac{n_j}{m_j} = \lambda \frac{n_1}{m_1}$,

т. е. плотность символа α в j -м тексте в λ раз больше, чем в 1-м. Подвергнем j -й текст подобному преобразованию с коэффициентом λ (см. п. 3); мера компактности при этом не изменится, а преобразованный j -й текст станет в $k = \frac{\lambda m_j}{m_1} = \frac{n_j}{m_1}$ раз длиннее 1-го при одинаковой с 1-м частоте α ; но в этом случае применимы соображения

п. 5 о k -кратном удлинении текста: L_j должно быть увеличено в $1 + \frac{\log k}{\log n_1} = \frac{\log n}{\log n_1}$ раз, а Q_j — в $\frac{kn_1 - 1}{n_1 - 1} = \frac{n_j - 1}{n_1 - 1}$ раз.

Большая точность (для меры L), как можно показать, достигается при умножении каждого L_j на $\frac{\log n_j}{\log n_1} \cdot \frac{0,423 - \frac{1}{2n_1}}{0,423 - \frac{1}{2n_j}}$.

Это выражение представляет собой приближенную величину отношения $\frac{\bar{L}(n_1)}{\bar{L}(n_j)}$. Действительно,

$$\frac{\bar{L}(n_1)}{\bar{L}(n_j)} = \frac{1 - \frac{\frac{1}{2} + \dots + \frac{1}{n_1}}{\ln n_1}}{1 - \frac{\frac{1}{2} + \dots + \frac{1}{n_j}}{\ln n_j}} = \frac{\ln n_1}{\ln n_j} \cdot \frac{\ln n_1 - \left(\frac{1}{2} + \dots + \frac{1}{n_1}\right)}{\ln n_j - \left(\frac{1}{2} + \dots + \frac{1}{n_j}\right)}$$

но, как известно, $\ln n - \sum_{k=2}^n \frac{1}{k} = 1 - C - \frac{1}{2n} + \gamma$, где $C = 0,5772\dots$ — постоянная

Эйлера, а γ — величина высшего порядка малости по сравнению с $1/2n$.

В частности, если мы хотим добиться сравнимости мер компактности по разным текстам (или по разным символам в одном тексте), не пользуясь этими вспомогательными множителями, то необходимо, чтобы каждый из сравниваемых текстов содержал точно одинаковое число символов α .

Возвращаясь к началу этого пункта, можно сказать, что если нам нужно получить среднее значение меры компактности по целому классу текстов, то выборки из каждого текста целесообразно брать такими, чтобы в каждой из них интересующий нас символ содержался одинаковое число раз. Выбор самого этого числа несуществен, но если мы хотим сравнить результат по одному классу текстов с результатом по другому, то это число надо брать одним и тем же для обоих классов.

II. Приводимые ниже примеры имеют иллюстративный характер и не претендуют на теоретическую значимость. Самое большее они позволяют выдвинуть некоторые гипотезы о характере распределения символов в тексте. Используется только мера

$$L = 1 - \frac{\sum_{i=1}^n (-\delta_i \log \delta_i)}{\log n} \left(\delta_i = \frac{d_i}{n} \right)^4 ;$$

везде для сравнения приводится соответствующее значение $\bar{L}$, отвечающее «случайному» (по закону равномерной плотности) распределению символов.

1. Д л и н ы п р е д л о ж е н и й. В качестве d_i рассматриваются длины предложений (т. е. количество слов в них). Таким образом, роль символов β играют слова, а роль α — пробелы между предложениями (то есть пунктуационные точки). Изучается вопрос о том, имеют ли длины предложений в тексте тенденцию к равенству (небольшой разброс около средней длины) или, наоборот, и как эта тенденция зависит от характера текста.

Мы брали выборки, состоящие из 16 предложений (т. е. $n = 16$; общее же число m слов, разумеется, для разных выборок различно); поэтому все результаты можно непосредственно сравнивать друг с другом и с величиной $\bar{L}(16) = 0,141$ («идеально случайное» распределение пробелов между предложениями). Для каждой выборки приводится средняя длина предложения $\bar{d} = m/n$.

Приведем три конкретных примера распределения длины предложений. Обычный случай (пример 1): $d_i = 31, 31, 33, 9, 4, 16, 4, 19, 23, 5, 15, 15, 12, 29, 15, 2$; очень

⁴ Таблицу значений функции $y = -x \log_2 x$ можно найти в книге: А. М. Я г л о м, И. М. Я г л о м, Вероятность и информация, 2-е изд. М., 1960 или в книге: Е. С. Венцель, Теория вероятностей, М., 1962; таблицы двоичных логарифмов (для вычисления знаменателя) — в той же книге Е. С. Венцель (или же можно воспользоваться десятичными логарифмами и формулой $\log_2 x = 3,3219 \cdot \log_{10} x$).

Таблица 2

№№	Название текста	L	d	Примечания
1	Чехов, Скучная история	0,077	16,4	авторский текст от 1-го лица
2	» » »	0,078	16,4	» » » » »
3	Чехов, Припадок	0,090	8,6	диалог с авторскими ремарками
4	» » »	0,158	5,6	» »
5	Платонов, Джан	0,103	16,3	авторский текст
6	» » »	0,054	15,4	» »
7	» » »	0,023	23,1	» »
8	» » »	0,055	23,5	» »
9	Аксенов, Дикой	0,071	14,6	» » от 1 лица
10	» » »	0,088	15,6	» » » 1 »
11	Аксенов, Пора, мой друг, пора	0,049	12,0	» » » 1 »
12	» » » » »	0,079	18,2	» » » 1 »
13	Пильняк, Волки	0,093	13,9	авторский текст
14	» » »	0,080	13,9	» »
15	Пильняк, Голый год	0,087	15,9	» »
16	Вс. Иванов, Партизаны	0,080	5,0	диалог с авторскими ремарками
17	» » »	0,094	4,8	то же
18	Цветаева, Пленный дух	0,052	18,4	авторский текст
19	» » »	0,119	19,2	» »
20	» » »	0,122	17,0	» »
21	» » »	0,245	11,4	» »
22	Модер и Филиппс, Сетевое планирование	0,050	15,4	
23	Иванов и Топоров, Санскрит	0,015	24,4	
24	» » »	0,029	19,3	

низкое L (пример 7): $d_i = 12, 23, 25, 29, 41, 31, 19, 33, 32, 21, 19, 17, 10, 22, 19$; очень высокое L (пример 21): $d_i = 8, 25, 67, 2, 5, 4, 13, 28, 3, 7, 4, 1, 4, 1, 6, 4$.

Сравнение данных табл. 2 с $\bar{L}(16) = 0,141$ показывает отчетливую тенденцию к равномерности (почти во всех примерах $L < \bar{L}$). Структура текста, следовательно, как правило, такова, что пробелы между предложениями нельзя рассматривать как разбросанные случайным образом по тексту. Эта тенденция к равномерности соотносится с известными результатами Г. А. Лескиса, согласно которым средняя длина предложения является существенной характеристикой текста. Замечательно то обстоятельство, что эта равномерность не связана со средней длиной предложения: ср., например, данные по Вс. Иванову с данными по Чехову или Пильняку.

Любопытно, что даже «орнаментальная проза» Пильняка и «современная манера» Аксенова не дают существенного повышения L . Особняком стоит лишь проза Цветаевой.

Смешанный характер текста (авторский текст + диалог), естественно, может повышать L , но даже и в этом случае она редко превышает $\bar{L}$.

По-видимому, в некоторых случаях величину L можно рассматривать как значимую стилистическую, точнее — стилистически-тематическую характеристику текста. Именно, значимыми оказываются отклонения величины L от нормы (нормой при $n = 16$ можно считать интервал от 0,05 до 0,10), не вызванные смешанным характером текста (например, смесь диалога с повествованием). Так, значимо отличие между 1-й и 3-й выборками из Платонова: в первой ($L = 0,103$) дается описание институтского двора попережку с несобственно-прямой речью героя; в третьей же ($L = 0,023$) — эпического характера — опасается жизнь народа джан в пустыне. Значимо и повышенное значение L у Цветаевой (последняя выборка, с наибольшим L , в особенности характеризуется повышенной экспрессивностью).

В научной прозе длины предложений распределены еще более равномерно, чем в художественной.

2. Слово в тексте. Рассматривается последовательность слов в тексте и изучается характер расположения вхождений изучаемого слова (α) среди других слов (β).

Таким образом, d_i здесь — это расстояния между соседними вхождениями изучаемого слова. В табл. 3, наряду с L , указано число вхождений n изучаемого слова в выборку и соответствующее $\bar{L}$.

Таблица 3

№№	Название текста	Слово (α)	L	$\bar{L}$	n
1	Иванов и Топоров, Санскрит	и (союз)	0,174	0,141	16
2	» » »	» »	0,130	0,141	16
3	Статья из «Правды»	» »	0,127	0,128	23
4	Пушкин, Признание	» »	0,204	0,165	9
5	Пушкин, Пророк	» »	0,127	0,133	20
6	Статья из «Правды»	в (предлог)	0,063	0,123	27
7	Иванов и Топоров, Санскрит	санскрит	0,061	0,141	16
8	» » »	»	0,077	0,141	16
9	Статья из «Правды» о льне	лен	0,041	0,137	18
10	Статья из «Правды» о местных Советах	Совет	0,087	0,128	23
11	Статья из «Правды» о Сенегале	Сенегал	0,062	0,118	31
12	» » »	Дакар	0,079	0,141	16
13	Цветаева, Ночные ласточки интриги	плащ	0,096	0,143	15
14	Мартынов, Первый снег	черный	0,795	0,203	5
15	Городецкий, Весна монастырская	звон (морфема)	0,496	0,168	9

Характер расположения в тексте служебных слов (во всяком случае, союза и), таким образом, близок к случайному. Слова в научных и публицистических текстах — речь идет лишь о «словах-темах», наиболее частых в тексте, — имеют тенденцию к равномерному распределению по тексту. В поэтических текстах можно наблюдать характерные сгущения, приводящие к очень высокой компактности (примеры 14, 15).

Если в качестве символов β рассматривать не слова, а строки, разделяющие вхождения данного слова (тогда α — строки, содержащие данное слово), — что сильно облегчает счетную работу, — то в прозе результаты изменятся несущественно (чего и следовало ожидать ввиду инвариантности меры L относительно преобразования подобия) — скажем, в примере 9 получим $L = 0,061$, в примере 6 — $L = 0,081$, — а в поэзии они могут измениться радикально. Например, и в «Пророке» Пушкина дает в этом случае $L = 0,482$; эта разница связана с особой организацией стихотворения (анафора, охватывающая не весь текст); в русской песне «По мосту-мосточку» («Крестьянская лирика», 1935) при счете «по строчкам» получаем для слова *брат* $L = 0,724$, а для слова *черт* — $L = 1$ (повторы в соседних строчках, распространяющиеся на часть текста); наоборот, в стихотворении Цветаевой «Взгляд» слово *Елена* дает $L = 0$ (в каждой строфе это слово встречается точно 1 раз, причем его место строго фиксировано).

3. Фонема в тексте. А. Ударные гласные. Рассматривается последовательность ударных гласных текста и распределение в ней фонем [о] и [а] (см. табл. 4).

Таблица 4

№№	Название текста	Фонема	L	$\bar{L}$	n
1	Венцель, Теория вероятностей	[о]	0,167	0,154	12
		[а]	0,239	0,150	13
2	Статья из «Правды»	[о]	0,208	0,154	12
		[а]	0,186	0,135	19
3	Фресс и Пиаже, Экспериментальная психология	[о]	0,152	0,154	12
		[а]	0,133	0,144	15
4	Мандельштам, Я изучил науку расставанья (1—2 строфа)	[о]	0,206	0,141	16
		[а]	0,119	0,135	19
5	Мандельштам, Жил Александр Герцович	[о]	0,408	0,154	12
		[а]	0,077	0,150	13
6	Блок, О весна без конца и без края	[о]	0,206	0,133	20
		[а]	0,253	0,112	39
7	Белый, Асе	[о]	1,000	0,154	12
		[а]	1,000	0,154	12
8	Белый, Утро	[о]	0,966	0,147	14
		[а]	1,000	0,144	15

ма: ○○○○○○○○○) в «Высокой болезни» и «Волнах» Пастернака и выяснялось, имеют ли строки той или иной формы тенденцию к взаимному тяготению или же нет (см. табл. 6).

Видимо, в «Высокой болезни» III форма имеет тенденцию к сосредоточению: остальные примеры дают распределение, очень близкое к случайному⁵.

Таблица 6

№№	Название текста	Форма	L	$\bar{L}$	n
1	«Высокая болезнь»	III	0,218	0,115	37
2	» *	VI	0,189	0,162	10
3	» *	VII	0,162	0,162	10
4	«Волны»	III	0,169	0,150	13

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица функции $\bar{L}(n) = 1 - \frac{1}{2} + \frac{1}{3} + \dots + \frac{1}{n}$

n	$\bar{L}(n)$	n	$\bar{L}(n)$	n	$\bar{L}(n)$	n	$\bar{L}(n)$
2	0,2787	27	0,1227	52	0,1046	77	0,0958
3	0,2415	28	0,1216	53	0,1041	78	0,0956
4	0,2485	29	0,1205	54	0,1037	79	0,0953
5	0,2026	30	0,1194	55	0,1032	80	0,0951
6	0,1907	31	0,1184	56	0,1028	81	0,0948
7	0,1814	32	0,1175	57	0,1024	82	0,0946
8	0,1739	33	0,1166	58	0,1020	83	0,0943
9	0,1676	34	0,1157	59	0,1016	84	0,0941
10	0,1623	35	0,1149	60	0,1012	85	0,0938
11	0,1576	36	0,1141	61	0,1009	86	0,0936
12	0,1536	37	0,1134	62	0,1005	87	0,0934
13	0,1500	38	0,1126	63	0,1001	88	0,0932
14	0,1468	39	0,1119	64	0,0998	89	0,0929
15	0,1439	40	0,1112	65	0,0994	90	0,0927
16	0,1413	41	0,1106	66	0,0991	91	0,0925
17	0,1389	42	0,1099	67	0,0988	92	0,0923
18	0,1368	43	0,1093	68	0,0985	93	0,0921
19	0,1347	44	0,1087	69	0,0981	94	0,0919
20	0,1329	45	0,1082	70	0,0978	95	0,0917
21	0,1311	46	0,1076	71	0,0975	96	0,0915
22	0,1295	47	0,1071	72	0,0972	97	0,0913
23	0,1280	48	0,1065	73	0,0969	98	0,0911
24	0,1265	49	0,1060	74	0,0967	99	0,0909
25	0,1252	50	0,1055	75	0,0964	100	0,0907
26	0,1239	51	0,1050	76	0,0961		

⁵ Автор благодарен Д. М. Сегаму и И. И. Ревзину за обсуждение и советы, а сотрудникам ВЦ МИСИ — за помощь и предоставленное для вычисления таблицы функции $\bar{L}$ машинное время.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ТЕОРИИ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

(Обзор литературы)

Теории языковых контактов принадлежат те лингвистические явления, причиной которых в конечном итоге является билингвизм¹. Данному вопросу в силу ряда причин до самого последнего времени по сравнению с другими лингвистическими дисциплинами уделялось мало внимания. А. Мартине указывал на сложившееся в лингвистике положение, когда исследование дивергенции языков проводится за счет изучения конвергенции². По его мнению, даже исследования Г. Шухардта, справедливо считающегося пионером в изучении языковых контактов, не смогли изменить общей тенденции, тем более, что его наследие до сих пор не освоено полностью. Невниманием к проблемам языковых контактов нарушена «добрая традиция в русском языкознании, восходящая к И. А. Бодуэну де Куртене и развитая трудами таких выдающихся лингвистов, как Л. В. Щерба и Б. Д. Поливанов, не говоря уже о работах Н. С. Трубецкого»³.

Создавшееся положение нельзя признать естественным, поскольку в теоретическом аспекте неправомерно предполагать возможность существования абсолютно гомогенного языка, т. е. языка, свободного от иноязычных влияний; невозможно отрицать непрерывность культурного обмена между народами и, следовательно, неизбежность перманентного возникновения билингвизма. Если это так, то теория языковых контактов уже в силу значительной распространенности явлений, подлежащих изучению, заслуживает пристального внимания. Кроме того, она имеет, как можно увидеть из дальнейшего, большую познавательную ценность.

Особо большое значение изучение языковых контактов приобретает в тех странах, где соседствуют разноязычные народности, так как языковые контакты проходят там с большей интенсивностью. Сказанное в первую очередь относится к нашей стране, занимающей по числу населяющих ее разноязычных этнических групп первое место в мире. Однако, как ни странно, в советской лингвистике не отмечается интереса к теоретическим обобщениям по проблематике контактов, хотя материал для таких обобщений встречается буквально на каждом шагу⁴.

¹ Ср. определение У. Вайнрайха: «...два или более языка рассматриваются как находящиеся в контакте, если они попеременно используются одними и теми же лицами». Подобное определение нередко повторяется: «Языковой контакт определяется как попеременное использование двух или более языков одними и теми же лицами» (Э. Хауген). К такому определению присоединяется В. Ю. Розенцвейг. См.: U. Weinreich, *Languages in contact. Findings and problems*, The Hague, 1963, стр. 1; E. Haugen, *Language contact*, «Actes du VIII Congrès international de linguistes», Oslo, 1958, стр. 771; В. Ю. Розенцвейг, О языковых контактах, ВЯ, 1963, 1, стр. 59. См. также: И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, Основы общего и мапьяного перевода, М., 1964, стр. 29.

² См. предисловие к указ. работе У. Вайнрайха (стр. VIII).

³ В. Ю. Розенцвейг, указ. соч., стр. 57.

⁴ О выгодном положении советских лингвистов на VIII лингвистическом съезде говорил У. Вайнрайх. См.: U. Weinreich, *Research frontier in bilingualism studies*, «Actes du VIII Congrès international de linguistes», стр. 794. В русском языкознании употреблялся и продолжает употребляться целый ряд терминов, синонимичных используемому здесь (термин «языковые контакты» предложен А. Мартине). До начала пятидесятых годов использовались термины «смешение языков» и

Отсутствие до последнего времени обобщающих теоретических исследований по теории языковых контактов в какой-то мере объясняется, может быть, тем, что подлежащий описанию материал приводит исследователя, даже если он стремится ограничиться лингвистическими рамками, к использованию данных смежных наук: психологии, с одной стороны, и социологии, с другой.

По мнению того же А. Мартинэ, первым исследованием, в котором учтены смежные науки, явиласьшедшая в свет первым изданием в 1953 г. монография У. Вайнрайха «Языковые контакты». Собственно, комплексный подход имеет на американском континенте свои традиции (антропологическая школа; в современной американской лингвистике данный подход представлен работами К. Пайка), однако заслугой У. Вайнрайха явилось то, что он впервые в монографическом исследовании применил комплексный анализ материала, так или иначе связанного с билингвизмом. До появления его работы призывы к привлечению смежных наук для исследования этого материала оставались декларациями⁵. А. Дибольд, впрочем, констатирует, что и в настоящее время лингвисты в большинстве своем «не интересуются поведением, приводящим к наблюдаемым изменениям», а занимаются только «идентификацией и регистрацией изменений»⁶, так что комплексный подход утверждается в теории языковых контактов с известным трудом.

Разумеется, не только в этом ценность рассматриваемой монографии. В ней с позиций современной лингвистики истолкованы факты, наблюдаемые предшественниками автора, даны новые интерпретации так называемых «механизмов» контактов применительно ко всем языковым уровням, последовательно проведен системный принцип в изучении изменений и т. п. Поскольку собственно лингвистические аспекты работы многократно обсуждались, мы на них не остановимся⁷. Однако проблема соотношения смежных наук между собой и новаторский элемент, присутствующий в комплексном анализе, до сих пор не изучены в полной мере. Поэтому в настоящий обзор включаются лишь те работы, в которых затрагивается названная проблематика.

Когда мы говорим о комплексном анализе, то имеются в виду, как уже сказано, две смежные с лингвистикой науки — психология и социология. Ниже обсуждаются работы, посвященные взаимоотношению только лингвистики и психологии, а социологическая проблематика не затрагивается. Она должна стать темой отдельного обзора.

«скрепление языков». Последний термин был заимствован из биологии, и способ мышления, присущий этой науке, оказал столь сильное влияние на языковедов, что были переняты также термины «метисация» (скрепление близкородственных языков) и «гибридизация» (скрепление языков, не состоящих в отношениях языкового родства, или языков далекородственных) (А. И. Генко).

В последнее время употребляются термины «взаимное влияние языков» (предложен Л. В. Щербой), «взаимовлияние языков» (Б. А. Серебренников), «взаимодействие языков» (Ю. Д. Дешериев), «межязыковые контакты» (В. В. Мартынов), «взаимоотношение языков» (Л. Х. Цыленкова). Э. Хауген в одной из своих работ расширенно толкует термин «заимствование», подводя под него всю проблематику, относящуюся к теории языковых контактов. Встречаются и модификации используемого нами термина: «языковое контактирование», «контакты языков».

См.: А. И. Генко, К вопросу о языковом смешении, «Яфетический сборник», II, Пг., 1923, стр. 122; Л. В. Щ е р б а, О понятии смешения языков, «Избр. работы по языковедению и фонетике», I, Л., 1958, стр. 42; Б. А. Серебренников, О взаимодействии языков (проблема субстрата), ВЯ, 1955, 1, стр. 7; Ю. Д. Д е ш е р и е в, Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе, М., 1966; В. В. М а р т ы н о в, Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры, Минск, 1963, стр. 33; Л. Х. Ц ы л е н к о в а, К проблеме взаимоотношения языков, «Уч. зап. Адыгейского гос. пед. ин-та», Филолог. серия, 3, 1963; E. H a u g e n, The analysis of linguistic borrowing, «Language», 26, 2, 1950, стр. 212.

⁵ Уже Г. Шухардт подчеркивал, что «проблема языкового смешения, тесно связанная с проблемой двуязычия, ... может быть разъяснена лишь на основе психологии». Л. В. Щерба указывает, что «...там, где мы имеем дело с языком, имеющим в своем составе разнородные элементы, лингвистические методы недостаточны». См. Г. Ш у х а р д т, К вопросу о языковом смешении, «Избр. статьи по языковедению», М., 1950, стр. 175; Л. В. Щ е р б а, указ., соч., стр. 44.

⁶ A. K. Diebold, Incipient bilingualism, «Language», 37, 1, 1961, стр. 97.

⁷ См. рецензии на книгу У. Вайнрайха: G. P i g o c h, «Language learning», VI, 1—2, 1955; E. H a u g e n, «Language», 30, 3, 1954; W. E. C o l l i n s o n, «Archivum linguisticum», 7, 2, 1955. Описание контактов языков применительно к единицам языковых уровней и обсуждение вопросов проницаемости системы единиц каждого уровня, кроме самой книги У. Вайнрайха, см.: Ю. О. Ж л у к т е н к о, Мовні контакти, Київ, 1966. См. также: L. D e r o u, L'emprunt linguistique, Paris, 1956.

Разбирая соотношение психологии и лингвистики применительно к теории языковых контактов, начать следует с той же книги У. Вайнрайха.

Разумеется, поскольку эта работа первым изданием вышла в свет довольно давно (в 1963 г. появлялось второе издание, не содержащее никаких изменений), в некоторых своих разделах, особенно в собственно лингвистической части, она устарела, и сам автор это понимает⁸. Однако наряду с монографией Э. Хаугена⁹, вышедшей из печати также довольно давно, рассматриваемая работа представляет собой наиболее полный обзор исследовательских проблем, так что она ни в коем случае не потеряла своего значения и в настоящее время¹⁰. По-видимому, от большинства своих взглядов, особенно относящихся к фундаментальным определениям и к описанию соотношения психологии и лингвистики, автор не отказался. В противном случае, т. е. если бы автор кардинально пересмотрел большинство своих положений, он не был бы склонен считать целесообразным выход в свет второго, стереотипного издания своей монографии. Наконец, если автор и пересматривает свои концепции, он не всегда может влиять на их самостоятельное развитие и существование, так как они восприняты учеными, занимающимися проблемой языковых контактов, и в большинстве своем поддерживаются ими до сих пор. Практически любая работа, посвященная этой проблеме, или основывается на книге У. Вайнрайха, или отталкивается от нее, т. е. не забывает ее влияния.

В области психологии для теории языковых контактов особенно интересны проблемы билингвизма и интерференции, и на них мы последовательно остановимся. Билингвизм¹¹, определяемый как психический механизм (знания, умения, навыки), позволяющий человеку воспринимать и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам¹², по самому определению является исследовательским объектом психологии¹³. Поскольку в опре-

⁸ Например, после дискуссии с Э. Хаугеном и В. Немсером У. Вайнрайх по-новому изложил теорию интерференции на фонемном уровне: См.: U. Weinreich, *On the description of phonic interference*, «Word», 13, 1. 1957.

⁹ E. Haugen, *Bilingualism in the Americas*, Alabama, 1956.

¹⁰ Характерно, что темы развития теоретической мысли в области языковых контактов в последнее время несколько снизились. Об этом косвенно свидетельствует описательный и в теоретическом плане довольно низкий уровень докладов, прочитанных в секции языковых контактов на IX съезде лингвистов. См.: «Proceedings of the IX International congress of linguists», The Hague, 1964.

¹¹ Термин заимствован из французского (bilinguisme). В сороковых годах в русской науке иногда использовался термин, восходящий к английскому языку, — «билингвализм» (bilingualism). См.: А. Г. Зоргенфрей, Некоторые особенности овладения вторым языком, «Уч. зап. [ЛГПИ им. А. И. Герцена]», 35, 1941, стр. 241. Здесь мы рассматриваем только так называемый продуктивный билингвизм. Билингвизм рецептивный и репродуктивный, т. е. умение или только воспринимать (и понимать) или воспринимать и повторять текст, принадлежащий вторичной языковой системе, в связи с недостатком места не обсуждается. Об этом см.: Е. М. Верещагин, К проблеме разносистемной принадлежности лексем при билингвизме. Канд. диссерт., М., 1966, стр. 11—12. Психологическое и частично лингвистическое описание билингвизма как частного случая полилингвизма (на основе изучения литературы вопроса) см.: V. Vildonёs, *Multilingualism. General linguistics and psychology of speech*, Leyden, 1963. Здесь же приведена полная библиография, доведенная до последнего времени.

¹² Данное определение, впервые сформулированное У. Вайнрайхом, получило распространение (например, X. Мануэль и В. Ю. Розенцвейг принимают его без изменений, а А. Дибольд, С. Эрвин и Ч. Осгуд дают небольшую модификацию). См.: H. T. Maupel, *Bilingualism*, «Encyclopedia of educational research», New York, 1960, стр. 146; В. Ю. Розенцвейг, указ. соч., стр. 59; A. Diebold Jr., *Incipient bilingualism*, стр. 98; S. M. Ervin, Ch. E. Osgood, *Second language learning and bilingualism*, «Psycholinguistics» ed. by Ch. E. Osgood, Th. A. Sebeok, Bloomington, 1965, стр. 139.

¹³ Встречается и чисто лингвистическое истолкование термина (Т. Эльверт, Н. И. Толстой). Например, Н. И. Толстой понимает билингвизм как результат языкового контакта или более того — как один из возможных результатов (креолизация систем, как ее понимает Вяч. Вс. Иванов). Вяч. Вс. Иванов креолизацию определяет отлчно от традиционного понимания термина — как третью систему, возникающую на основе установления соответствий между контактирующими языковыми системами, т. е. как язык с двумя терминами у Л. В. Щербы. Лингвистическая трактовка термина «билингвизм», разумеется, не содержит в себе логической ошибки, так как терминологической лексеме можно дать любое определение, однако психологическое понимание термина, можно считать, закрепилось в науке. См.: Th. Elwert, *Das*

делении не содержится никаких указаний на то, какой должна быть форма текстов (правильной или неправильной), каково соотношение психических механизмов, относящихся к разным языкам, как скоро должна порождаться речь и т. п., билингвизм не может быть однородным явлением, и распадается на несколько типов. Критерии классификации бывают различными: психологическими, лингвистическими, социологическими. В настоящем обзоре рассматривается только психологическая классификация.

Билингвизм, в противоположность иным психическим механизмам, представляет интерес для лингвистики, поскольку он манифестируется в речи. Но главное внимание лингвиста должно быть направлено на рассмотрение типов билингвизма, поскольку между типом билингвизма и формой порождаемого текста существует четкая взаимосвязь, т. е. если известен тип билингвизма, наличествующий у говорящего, то можно предсказать, какую форму примут порождаемые им тексты. Данное правило обратимо: на основе формы текста оказывается возможным установить тип билингвизма. Таким образом, лингвиста в первую очередь интересуют корреляции, связи, существующие между психическими механизмами и формой текста.

В последнее время сложилась наука, занимающаяся именно указанной проблематикой. Если исследовательским объектом психологии речи считать исключительно психические механизмы, а исследовательским объектом лингвистики — только тексты¹⁴, то объектом психолингвистики являются «процессы кодирования и декодирования»¹⁵, т. е. тексты и их порождение и восприятие (понимание). Как легко можно заметить, круг вопросов, интересующий лингвиста в связи с билингвизмом, является для этой науки частной проблемой. В дальнейшем и рассматривается именно психолингвистический аспект билингвизма, а все остальные его аспекты не обсуждаются¹⁶. Мы разбираем классификацию билингвизма по двум критериям.

Первая классификация основана на рассмотрении способа соотносительности двух речевых механизмов между собой. Впервые она была предложена Л. В. Щербой¹⁷, затем повторена У. Вайнрайхом в его монографии (по-видимому, в этом вопросе У. Вайнрайх все же не зависит от Л. В. Щербы), но наиболее полно данное деление разработано С. Эрвин-Грипп и Ч. Осгудом¹⁸. К настоящему времени проведено достаточное количество экспериментов, подтверждающих психическую реальность такой классификации¹⁹.

Различие сводится к следующему. Речевые механизмы, обеспечивающие порождение речи, последовательно принадлежащей двум языкам, с одной стороны, могут функционировать независимо друг от друга, а с другой стороны, они могут вступать между собой в связь, так что образуется сложная система взаимозависимостей между ними. Причиной образования первого или второго типа отношений между речевыми механизмами, по мнению С. Эрвина и Ч. Осгуда, служит способ изучения второго языка. Если изучающий вторичный язык в определенной речевой ситуации (например, дома) употребляет только один определенный язык, а в другой ситуации (например, на работе) — только другой, то, по предположению авторов, складывающиеся в результате такой практики речевые механизмы никак не связаны друг с другом.

zweisprachige Individuum, Wiesbaden, 1960, стр. 3; Н. И. Толстой, Ответы на вопросы научной анкеты по языкознанию, «Славянская филология», I, София, 1963, стр. 327; В. Я. В. С. И в а я о в, Машинный перевод и установление соответствий между языковыми системами, «Машинный перевод», 2, М., 1961, стр. 58; его же, Лингвистика как теория отношений между языковыми системами и ее современные практические приложения, «Лингвистические исследования по машинному переводу», 2, М., 1961, стр. 22—23. Впрочем Н. И. Толстой в другой своей работе придерживается скорее психологической трактовки данного понятия. См.: Н. И. Толстой, Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVIII в.), «Славянское языкознание. Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов», М., 1963, стр. 243—244.

¹⁴ См. сб. «Psycholinguistics», Baltimore, 1954, стр. 4.

¹⁵ Там же, стр. 146.

¹⁶ Собственно психологические и социологические аспекты билингвизма и характеристика билингва как личности даны в монографии У. Вайнрайха

¹⁷ Л. В. Щ е р б а, Преподавание иностранных языков в средней школе, М., 1947, стр. 55—56. В последнее время концепцию Л. В. Щербы распространял Г. П. Сердюченко. См.: G. P. Serduchenko, The linguistic aspect of bilingualism, «Report on an International seminar on bilingualism in education, Aberystwyth, Wales», London, 1965, стр. 22—23.

¹⁸ S. M. Ervin, Ch. E. Osgood, Second language learning and bilingualism, стр. 139—142. Авторы вместо предложенного Л. В. Щербой термина «чистый билингвизм» используют термин «координативный билингвизм» и противопоставляют его «билингвизму смешанному» (последний термин наличествует у Л. В. Щербы).

¹⁹ Эксперименты поставлены В. Ламбертом и его сотрудниками.

Предлагается даже говорить, что лица — носители описываемого типа билингвизма в известном смысле монолингвистичны, так как в каждой речевой ситуации они могут пользоваться только одним языком. Данный тип билингвизма называется чистым. Если, напротив, изучающий вторичный язык с коммуникативными целями в одной и той же речевой ситуации пользуется двумя языками (например, и дома и на работе), то, как думают представители излагаемой точки зрения, между речевыми механизмами образуется связь. Здесь уже ни в коем случае нельзя говорить о монолингвизме, так как языки свободно заменяют друг друга. Такой тип билингвизма называется смешанным.

Обратимся к лингвистической форме речевых произведений, порождаемых в том и другом случае. Чистый билингвизм для теории языковых контактов оказывается неинтересным²⁰, поскольку речевые произведения, порождаемые билингвом и последовательно принадлежащие двум языковым системам, не обнаруживают влияния языка на язык. Речевые произведения, принадлежащие вторичной языковой системе, могут отличаться от речи монолингвов, однако причины отличия этих речевых произведений от правильной речи взаимодействием двух речевых механизмов не обусловлены. Для интересующегося теорией языковых контактов показателен смешанный билингвизм, поскольку здесь в большинстве случаев в речи билингва обнаруживается так называемая интерференция — явление, специально изучаемое в теории языковых контактов и отделяющее данный раздел лингвистики от всех прочих.

Само понятие и термин выработались в психологии, но уже лет тридцать об интерференции говорят и в лингвистике (в лингвистику термин введен представителями пражской школы). Рассмотрим соотношение между одноименными понятиями смежных наук.

Как мы уже имели случай заметить, речь, как и любая другая деятельность человека, обеспечивается актуализацией трех психических предпосылок — знаний, умений и навыков. Все эти механизмы являются приобретенными, т. е. для их становления требуется обучение, и разница между ними состоит, несколько упрощая дело, в различной степени автоматизации. Характерной чертой актуализации навыков и умений, относящихся к подобным видам деятельности, является их взаимодействие. Если операция, выполняемая на основании одного навыка или умения, подобна операции, выполняемой на основе другого навыка или умения, то при выполнении первой операции в ее состав могут включиться компоненты второй. Такое явление в психологии называется интерференцией (или переносом, транспозицией) навыков и умений.

Характерно, что интерференция навыков и умений, относящихся к подобным действиям, наблюдается не всегда. Названное психическое явление отмечается только тогда, когда обуславливающие действия навыки или умения могут быть противопоставлены друг другу по критерию устойчивости (или прочности). Устойчивость навыка или умения определяется, с одной стороны, давностью его выработки и, с другой стороны, частотностью его актуализации. Понятие это не абсолютно, так что классификация умений и навыков по этому критерию возможна только относительно друг друга. Например, навыки и умения речи на родном языке оказываются более прочными, чем навыки и умения речи на изученном языке, если последние выработались позже и если говорящему чаще приходится говорить на родном языке. Если говорящему чаще приходится говорить на изученном языке, то соответствующие навыки и умения могут оказаться устойчивее навыков и умений, относящихся к порождению речи на родном языке²¹.

Явление интерференции навыков и умений наблюдается, как было сказано, только тогда, когда навыки и умения противопоставляются друг другу по критерию устойчивости. Если навыки и умения одинаково устойчивы, то интерференции не наблюдается. В таких случаях говорят, что навыки и умения дифференцировались. Интерференция обнаруживается только в том случае, когда навыки и умения, обеспечивающие различные действия, по своей устойчивости не одинаковы. В этом случае более устойчивый навык или более устойчивое умение актуализируется и тогда, когда подобное действие должно проводиться на основе другого навыка или умения.

Приведенные выше закономерности, установленные в психологии и относящиеся к любой деятельности человека, в полном объеме наблюдаются и при смешанном билингвизме, т. е. в речевой деятельности человека. Поскольку навыки и умения, обеспечивающие порождение речи то на одном языке, то на другом, обычно различаются по критерию устойчивости, между ними имеет место интерференция. Хотя причины ее, как следует из сказанного выше, психического характера, проявляется она

²⁰ H. Vogt, Language contact, «Word», 10, 2—3, 1954, стр. 369.

²¹ Это устанавливается, в частности, на основе изучения речевой патологии. При афазии нередко наблюдается восстановление в первую очередь не родного языка, а изученного, если большой говорил на этом языке чаще, чем на родном. При афазии, как известно, по праву Рыбо в первую очередь восстанавливаются наиболее устойчивые умения и навыки. См.: Л. Г. Членов, Об афазии у полиглотов, «Изв. АПН РСФСР», 15, 1948.

в текстах, т. е. может изучаться чисто лингвистически. По лингвистическим наблюдениям, интерференция (т. е. внутренний, ненаблюдаемый процесс) в речи билингва выражается в зримых «отклонениях от нормы»²² одного или обоих языков. Поскольку обнаруживается корреляция между психическими и лингвистическими явлениями, сама интерференция при билингвизме должна определяться в психолингвистических терминах. Так и поступает У. Вайнрайх, который пишет: «отклонения от норм обоих языков, встречающиеся в речи билингвов в результате того, что они владеют более, чем одним языком, т. е. в результате языкового контакта, называются интерференцией»²³. Впоследствии У. Вайнрайх уточняет данное определение, но, как мы думаем, неудачно²⁴, так что в дальнейшем мы основываемся на приведенной дефиниции.

Рассмотрим лингвистические формы интерференции. По данному вопросу в последнее время опубликовано значительное количество работ, носящих преимущественно характер накопления фактического материала. Тем не менее сделан и ряд теоретических обобщений.

В определенных условиях (все они социологического характера), как это многократно отмечалось, билингвы начинают вводить в свою речь на одном языке значительное количество лексем другого языка. Причины такого явления — чисто психического характера, так что говорить о них здесь не место²⁵, однако на форме этих лексем полеано остановиться.

Основное наблюдение²⁶ сводится к тому, что лексемы вторичного языка в речи билингвов не подвергают адаптации в той мере, в какой она диктуется системой первичного языка²⁷. Поскольку та форма, которую эти лексемы имеют в речи билингвов, никогда не наблюдается в речи монолингвов, рассматриваемые лексемы не могут быть названы заимствованиями (заимствования, как известно, — лексемы иноязычного происхождения, но не иноязычной формы; во всяком случае, если даже иметь в виду *Fremdwörter*, заимствования встречаются в речи монолингвов²⁸).

²² U. Weinreich, *Languages in contact...*, стр. 1.

²³ Там же.

²⁴ Модификация основного определения сводится к тому, что У. Вайнрайх начинает применять понятие интерференции не только к индивиду, но и к языку. В последнем случае автор противопоставляет интерференцию заимствованию. Однако не все существующее в индивидуальной речи стоит в прямом отношении к языку, поэтому отказ от трактовки интерференции, привязанной к единичному говорящему, не представляется оправданным. По отношению к языку удобнее противопоставлять заимствование («простое прибавление» к инвентарю) интеграции («введение иноязычного элемента в систему»), причем единственным критерием разделения указанных понятий является наблюдение, вошел иноязычный элемент в систему однородных языковых единиц или нет. Таким образом, отказавшись от логически непоследовательного употребления термина «интерференция», мы предлагаем использовать термин «интеграция».

²⁵ Одна из возможных причин обсуждается в работе: Е. М. Верещагин, К вопросу опосредствованной ассоциации лексем с понятиями, «Вопросы психологии», 1966, 3.

²⁶ В отечественном языковедении первым данное явление описал Н. К. Дмитриев. См.: Н. К. Дмитриев, Варваризмы в башкирской речи, «Записки коллегии востоковедов», IV, Л., 1930.

²⁷ О полной адаптации иноязычного материала при монолингвизме совершенно справедливо говорится как о законе: «сохранение звуковой адекватности было бы возможно только при контакте адекватных фонологических систем» (В. В. Мартынов). По мнению А. А. Реформатского, явление адаптации при монолингвизме есть подтверждение принципа системности единиц языковых уровней. Именно поэтому адаптация императивна. См.: В. В. Мартынов, указ. соч., стр. 39; А. А. Реформатский, О сопоставительном методе, «Р. яз. в нац. шк.», 1962, 5, стр. 25.

²⁸ Заимствование следует рассматривать и как процесс, т. е. этот термин может означать и динамическое явление переноса лексем (или иной языковой единицы) из одного языка в другой. В этом случае данное явление изучается диахроническими методами.

Деление заимствований на *Lehn- und Fremdwörter*, на «освоенные» и «неосвоенные» лексемы (М. М. Маковский, О. Б. Шахрай, И. М. Крейн, Л. П. Крысин) касается только степени адаптации, но здесь указывается, что и «неосвоенные» лексемы встречаются в речи монолингвов. Форма «неосвоенных» лексем в различных группах монолингвов различна (подражающие билингвам дают меньшую степень адаптации, чем остальные члены языковой общности). Кроме того, «неосвоенные» лексемы чаще наблюдались в образованной, т. е. билингвистичной, части языковой общности. См.: Л. П. Ефремов, Сущность лексического заимствования, «Вестник АН КазССР», 1959, 5, стр. 25; е го же, О заимствованных словах, сб. «Прогрессивное влияние русского языка на казахский», Алма-Ата, 1965, стр. 196; М. М. Маковский,

Форма адаптации иноязычной лексики при монолингвизме легко предсказывается. Если даны описания двух языковых систем, то всегда можно на основании только лингвистических критериев предсказать, какой модификации подвергнется лексема одного языка при употреблении монолингвистичным носителем другого языка. Однако такое предсказание оказывается невозможным, если речь идет о билингвизме, т. е. мы не в состоянии заранее сказать, в какой степени он адаптирует иноязычную лексему: подвергнет ее грамматическому уподоблению или нет, субституирует все иноязычные фонемы или нет.

Однако при билингвизме с помощью только лингвистических методов предсказать степень адаптации оказывается невозможным. Этими методами можно предсказать направление адаптации, т. е. ее форму (билингв адаптирует лексемы в отношении их формы точно так же, как монолингв). Тем не менее именно степень адаптации предсказать невозможно. Адаптация может быть полной (в этом случае билингв ведет себя подобно монолингву). Адаптации совсем может не быть [в этом случае говорят о смене языка (кода)], или о «слово-цитате»²⁹. Эти два случая для теории языковых контактов не информативны.

Однако в большинстве наблюдений оказывается, что адаптация иноязычной лексики бывает частичной и такое явление подлежит описанию в названном разделе лингвистики. Определяющими здесь являются сравнительные характеристики устойчивости речевых механизмов, относящихся к двум языкам.

Таким образом, если при монолингвизме система языка, которому принадлежит речь, оказывается императивной, то при билингвизме эта императивность снимается. Определяет форму иноязычной лексики психологически понимаемая интерференция. Эта интерференция в большинстве случаев не может описываться в терминах строгой детерминации, так как во внешне не различающихся условиях в речи одного и того же лица она то имеет место, то нет. Поэтому ее следует ожидать по закономерностям вероятностного процесса³⁰. Если требуется иметь суждение об интерференции в речи определенного билингва, то зная, как соотносятся присущие ему умения и навыки по критерию устойчивости, можно вычислить вероятное количество случаев интерференции применительно ко всему порождаемому им тексту, но нельзя конкретно указать на те отрезки текста, в которых интерференция обязательно себя обнаружит. Чем ближе друг к другу навыки и умения по критерию устойчивости, т. е. чем меньше они различаются, тем реже наблюдается интерференция. Данное правило допускает обратную формулировку. Все сказанное выше — в явной или чаще в скрытой форме — содержится в большинстве работ, посвященных описанию лексем, вводимых в речь билингва³¹.

К проблеме так называемой «интернациональной» лексики, ВЯ, 1960; № 1; О. Б. Шахрай, К проблеме классификации заимствованной лексики, ВЯ, 1961, 2; И. М. Крейн, Французские заимствования XIX в. в английском литературном языке. Канд. диссерт. М., 1963; Л. П. Крысин, К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово», сб. «Развитие лексики современного русского языка», М., 1965.

²⁹ Обсуждение концепций по данному вопросу см.: В. Stolt, Die Sprachmischung in Luthers Tischreden, Uppsala, 1964, стр. 56—58.

³⁰ В лингвистической литературе нечто подобное описано в работе: А. Б. Долополский, Категория вида в русском языке и вероятностный характер связанного с означаемым, сб. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1963.

³¹ Наиболее типичными явлениями, при которых наблюдается невольная адаптация иноязычных лексем, служит речь отдельных билингвов (например, эмигрантов); речь членов определенной языковой общности, рассеянных среди многочисленного иноязычного народа; речь членов компактно живущей народности, окруженной многочисленными и пользующимися высоким социальным престижем иноязычным народом. По речи эмигрантов см., например, работу: М. Венсон, American-Russian speech, «American Speech», 1960, 3.

Что касается языка рассеянной народности, то наиболее полно описан, пожалуй, язык идиш. Кроме того, довольно хорошо описаны языки относительно многочисленных групп переселенцев из Европы в США и Канаду (финнов, норвежцев, украинцев, поляков и т. д.). См.: В. М. Жирмунский, О некоторых вопросах еврейской диалектографии, «Язык и мышление», IX, М.—Л., 1940; J. H. Newman, Notes on American Yiddish, «The Journal of English and German philology», 37, 3, 1938; R. Jakobson, The Yiddish sound structure in its Slavic environment, «Yiddische Shprache», 13, 1953; M. Weinreich, Yiddish, Knaanic, Slavic; The basic relationships, сб. «For Roman Jakobson», The Hague, 1956; U. Weinreich, B. Weinreich, Yiddish language and folklore, A selective bibliography for research, 's-Gravenhage, 1959; S. S. Sahlman, The Finnish language in the United States, «American Speech», 1, 1949; E. Haugen, The Norwegian language in America, I, Philadelphia, 1953; W. Doroszewski, Język polski w Stanach Zjednoczonych, Wars-

Вышеизложенное может пониматься как отрицание распространенного в теории языковых контактов утверждения, что при смешанном билингвизме в речи билингва всегда обнаруживается третья языковая система, состоящая из системы первичного языка и отдельных элементов вторичной языковой системы³². На фонологическом уровне изложенная мысль сводится к тому, что для порождения лексем первичного языка используется одна фонологическая система, а для порождения лексем вторичного языка, если они вводятся в иноязычную речь, — другая (или элементы другой). На основе такого наблюдения делается вывод о «сосуществующих фонологических подсистемах», обнаруживаемых в речи билингва, т.е. фактически о третьей фонологической системе. М. Сводеш эксплицитно говорит о единой системе (single system). Данный вывод имеет общую применимость, т.е. распространяется на системы единиц других уровней.

Поскольку получен этот вывод не путем логического рассуждения, а рассмотрением фактического и конкретного материала, укрепить его или подвергнуть сомнению можно также только демонстрацией фактов.

Рассмотрим, как проходит процесс субституции. Если фонема, обладающая некоторым набором дифференциальных признаков, имеется как в первичной языковой системе, так и во вторичной, то при введении иноязычной лексемы в речь данная фонема одной языковой системы, если говорить строго, субституируется, но только соответствующей фонемой другой языковой системы³³, так что количество дифференциальных признаков не меняется. Обычно в этом случае говорят просто об отсутствии субституции, понимая под последним термином только такое явление, когда исходная и результирующая фонемы различаются своими дифференциальными признаками.

Предположим, что имеет место третья фонологическая система, т.е. количество фонем за счет иноязычных единиц возросло. В этом случае число субституций должно уменьшиться, т.е. те иноязычные фонемы, которые присутствуют в третьей языковой системе, субституции подвергаться не должны. Например, если обратиться к примеру немецко-алтайской речи, то поскольку в речи билингвов в любой позиции в русских по происхождению лексемах обнаруживаются палатализованные фонемы, можно было бы сделать заключение, что они входят в третью систему. По такому предположению, все палатализованные фонемы русских по происхождению лексем, вводимых в немецкую речь, вообще не должны подвергаться субституции. Однако они субституции частично подвергаются, причем эта субституция наблюдается как в одних и тех же лексемах, так и в речи одного и того же лица. Субституция имеет место по закономерностям вероятностного процесса, т.е. она обуславливается психологически понимаемой интерференцией.

Поэтому нельзя сказать, что третья языковая система в с е г д а обнаруживается в речи билингвов, входящих в текст иносистемные лексемы. Однако она действительно обнаруживается в ней — но не всегда, а при соблюдении определенных условий.

Чтобы описать эти условия, требуется сделать небольшое отступление и обратиться снова к психологии. Когда мы дали вышеприведенную классификацию типов билингвизма, был использован только один критерий — способ соотносительности речевых механизмов друг с другом. Выше уже было сказано, что возможна классификация типов билингвизма на основе критерия устойчивости этих механизмов, но подробнее об этой стороне проблемы не говорилось, хотя форма интерференции стоит в прямой связи с характеристикой билингвизма в указанном отношении.

Рассмотрим только смешанный билингвизм, поскольку именно он интересен лингвистически. Если речевые механизмы того типа билингвизма, на основе которых порождаются разноязычные тексты, одинаково устойчивы, то предлагается говорить о

zawa, 1938; Ю. О. Ж л у к т е н к о, Українсько-англійські міжмовні відносини, Українська мова у США і Канаді, Київ, 1964.

Что касается языка компактно живущих народностей в иноязычном окружении, то наиболее полно описан, на наш взгляд, диалект немцев в Пенсильвании. Сравнительно много работ по языкам советских малых и больших этнических групп, в которых описывается форма вводимых билингвами русских лексем. Обобщающие соображения принадлежат И. А. Басканову и Ю. Д. Демуреву.

³² M. S w a d e s h, Observations of pattern impact on the phonetics of bilinguals, сб. «Language, culture and personality (Essays in memory of Edward Sapir)», 1941, стр. 65; Ch. C. Fries. K. L. Pike. Coexistent phonemic systems, «Language». 25, 1, 1949.

³³ У. Вайнрайх, последовательно отделяющий субстанцию языковой единицы от ее системных отношений, в своей монографии (стр. 7) справедливо замечает, что фонемы разных языков, если они и обладают одинаковым набором дифференциальных признаков, не могут рассматриваться как одна и та же фонема. Тем не менее на практике говорят о фонемах «общих» для двух и более языков

координативном смешанном билингвизме³⁴. Если одинаковой устойчивости не наблюдается, то такой тип смешанного билингвизма называется субординативным. При субординативном билингвизме принято проводить различие между первичными и вторичными языками (речевой механизм первичного языка по сравнению с речевым механизмом вторичного языка более устойчив); в применении к координативному билингвизму данные понятия теряют смысл.

О третьей фонемной системе, неременное возникновение которой при смешанном билингвизме было подвергнуто сомнению, действительно можно говорить, но только по отношению к координативному билингвизму. При координативном билингвизме, как было показано выше (примеч. 34), интерференции не наблюдается. Однако данное утверждение не означает, что лексема одного языка не может быть введена в речь на другом языке³⁵. Такое явление, в конечном итоге, можно рассматривать как частный случай «мены кода». Эта лексема может подвергаться грамматической адаптации, но, как правило, она не подвергается адаптации фонематической, т. е. фонемной субституции не происходит.

Мы уже отмечали, что при координативном смешанном билингвизме нет оснований не считаться с возможностью включения единиц одного языка в речь на другом языке. Такое предположение справедливо только для чистого билингвизма. При координативном билингвизме в ряде случаев (условия эти социологического характера) включение разноязычных единиц в текст может достигнуть такой степени, что возникают трудности в отношении этого текста к определенному языку. Данная проблема очень важна для лингвистики. В этой науке, как известно, анализ строится на предположении, что любой текст принадлежит конкретному языку³⁶.

Критерием отнесения минимального речевого произведения (предложения) к определенному языку традиционно считается грамматика, хотя уже Г. Шухардт указывал на недостаточность этого критерия³⁷. Об этом же писал Л. Блумфилд³⁸. Однако Л. В. Щерба тем не менее отстаивал именно этот критерий и считал, например, речевое произведение *hal eine банка mit varенье von der polka im chulan*, записанное от немецких поселенцев, проживавших под Петроградом, принадлежащим немецкому языку³⁹. На этом же принципе построен анализ Б. Штольц⁴⁰. Методологическая

³⁴ Координативный билингвизм, как и любой психический механизм, устанавливается на основании внешних критериев. Критерии эти множественны. Например, Б. В. Беляев считает, что о координативном билингвизме можно говорить с того момента, «когда человек начинает думать на иностранном языке», когда он сосредотачивает свое внимание «только на внутренней, смысловой стороне речи», когда он перестает осознавать «языковые особенности» этой речи. Имеется также суждение, что критерием признания билингвизма координативным является владение речью на родном языке. Эта посылка предполагает возможность соотнесения речевых характеристик родного языка, таких, как темп речи, паузальное членение, выразительность и т. п., с соответствующими характеристиками речи на иностранном языке» (И. А. Зимняя). Для признания билингвизма координативным предлагается также учитывать точку зрения членов вторичной относительно билингва языковой общности. Если они не замечают в речи билингва никакого акцента, т. е. если не могут при отсутствии специального знания принять его за члена своей языковой общности, то следует говорить о координативном билингвизме (А. Дибольд).

Как уже было сказано, следствием равной устойчивости речевых механизмов является дифференциация навыков и умений, т. е. отсутствие интерференции. Таким образом, отсутствие интерференции наблюдается не только при чистом билингвизме, но и при координативном смешанном. Однако этот тип смешанного билингвизма все же интересен для теории языковых контактов, так как здесь наблюдается явление «мены кода» (code-switching), «мены языка» в рамках одного предложения, и это явление сопряжено с рядом теоретических проблем, специфичных именно для теории языковых контактов. См.: Б. В. Беляев, Очерки по психологии обучения иностранным языкам, М., 1959, стр. 14, 18; И. А. Зимняя, Некоторые психологические предпосылки моделирования речевой деятельности при обучении иностранному языку, «Ив. яз. в высш. шк.», 3, М., 1964, стр. 166; A. Diebold, Incipient bilingualism, стр. 104.

³⁵ Когда мы говорим о «мене кода», мы тем самым исключаем возможность использования в данном случае понятия интерференции. Интерференция, по определению, — отклонение от норм обоих языков, а не переход с речи на одном языке к речи на другом. Такой переход имеет место при любом типе билингвизма, а интерференция наблюдается только при его субординативном смешанном типе.

³⁶ U. Weinreich, Languages in contact..., стр. 7.

³⁷ H. Schuchardt, Slawo-Deutsches und Slawo-Italienisches, Graz, 1884, стр. 10.

³⁸ L. Bloomfield, Language, New York, 1933, стр. 445.

³⁹ Л. В. Щерба, О понятии смешения языков, стр. 51.

⁴⁰ B. Stoltz, указ соч., стр. 55.

трудность возникает тогда, когда сама грамматика разнородна. Например, фраза *aj heft d'ast vos aekjutileft zix* «не перекошу пыль, которая собирается», приведенная У. Вайнрайхом в его монографии (стр. 68—69), обнаруживает грамматические характеристики как английского языка, так и языка идиш⁴¹. Кроме того, на основании этого критерия надо было бы признать русским языком, например, язык алеутов о. Медного, описанный Г. А. Меновшиковым⁴², в котором функционирует по происхождению русская парадигма глагола. Все прочие грамматические формы — алеутского происхождения, алеутской же является и лексика языка. Если тексты, записанные от алеутов о. Медного, считать русскими, то придется отказаться от социальных характеристик в определении языка как явления. Основной функцией языка является, как известно, функция коммуникативная, так что все члены языковой общности должны в принципе (используя метаязыковую функцию языка⁴³) достигать взаимопонимания. Уже поэтому ориентация только на грамматический критерий неверна.

Прочие попытки найти критерий отнесения речи к определенному языку также не приводят к успеху. Э. Хауген, например, предлагает обращаться к мнению самих говорящих для установления того языка, на котором они говорят (т. е. считают, что говорят). Однако он сам замечает, что информанты-билингвы не всегда могут ответить на вопросы такого рода⁴⁴. Не следует ли отказаться от попыток отнести текст непременно к одному языку?

Обратимся теперь к рассмотрению лингвистической формы речевых произведений, порождаемых при субординативном смешанном билингвизме.

Здесь в последнее время была выдвинута конструктивная теория установления в сознании билингва произвольной системы соответствий между знаками известных ему языков⁴⁵. Обычно эта система образуется или на начальном этапе изучения языка, или если изучение вторичного языка на этом начальном этапе задерживается. В этом случае также говорит о «третьей системе»⁴⁶, но смысл, вкладываемый в этот термин, отличается от трактовки, описанной выше.

Сущность данного явления состоит в том, что усваивая сравнительные средства вторичного языка, билингв не усваивает их содержательной стороны и стремится передать с их помощью столько же информации, сколько в аналогичной речевой ситуации передается средствами первичного языка. В результате ложного отождествления знаков двух языков употребление знака вторичного языка обуславливается дистрибуционными правилами, присущими соответствующему знаку первичного языка, так что нарушается форма речи. Так как это нарушение обусловлено влиянием языка на язык, данное явление представляет собой интерференцию⁴⁷.

Чаще всего средствами вторичного языка передается меньше информации, чем это требуется нормами вторичного языка (например, в речи студентов *Legen Sie das Buch* или *You have to go this street* вместо звуковых форм *Legen Sie das Buch hin* или *You have to go down this street*), однако иногда отмечается субъективное желание передать

⁴¹ Подобная речь, если она характерна для социального коллектива, нередко представляет собой этап перехода к новому монолингвизму, т. е. к отказу от родного языка. О сознательных попытках помешать такому процессу см.: J. A. Fishman, *Language loyalty in the United States*, The Hague, 1966.

⁴² Так думает, например, В. Ю. Розенцвейг. См.: Г. А. Меновшиков, К вопросу провинциальности грамматического строя языка, ВЯ, 1964, 5; В. Ю. Розенцвейг, Языковая практика и лингвистическая теория, ВЯ, 1966, 2, стр. 39.

⁴³ R. Jakobson, *Linguistics and poetics*, сб. «Style in languages», ed. by Th. A. Sebeok, New York, 1960, стр. 356.

⁴⁴ E. Haugen, *Bilingualism in the Americas*, стр. 39.

⁴⁵ Идея такого рода содержится уже у У. Вайнрайха. В отечественном языковедении она характерна для Вяч. Вс. Иванова, В. Б. Розенцвейга и Л. М. Уман. См.: Вяч. Вс. Иванов, Восприятие иностранного языка в свете теории отношений между языковыми системами, Тезисы конференции по использованию технических средств при обучении иностранным языкам [1-го МГПИИЯ], М., 1959, стр. 17; см. также работы Вяч. Вс. Иванова, указанные в примеч. 13; В. Ю. Розенцвейг, Л. М. Уман, К проблеме грамматической интерференции сб. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962.; Л. М. Уман, Проблемы грамматической интерференции, Канд. диссерт., М., 1963; В. Ю. Розенцвейг, Л. М. Уман, Интерференция и грамматические категории, сб. «Исследования по структурной типологии», М., 1963; В. Ю. Розенцвейг, Языковые контакты и преподавание языков, «Р. яз. в нац. шк.», 1964, 4.

⁴⁶ В. Ю. Розенцвейг, Л. М. Уман, Интерференция и грамматические категории, стр. 104.

⁴⁷ В. Ю. Розенцвейг предлагает ограничить содержание понятия интерференция условием образования системы соответствий. Автор указывает на отличие своего определения от определения интерференции У. Вайнрайхом. См.: В. Ю. Розенцвейг, О языковых контактах, стр. 62.

больше информации (например, в речи студента *Er wird morgen gefragt werden* вместо *Er wird morgen gefragt*). Поэтому вполне справедливо следующее положение: чтобы избежать интерференции, требуется не только выражение всех содержательных показателей, которые обязательно присутствуют в конструкциях вторичного языка, но и игнорирование содержательного плана, навязываемого первичным языком⁴⁸.

Интерференция при субординативном смешанном билингвизме может быть избирательной, т. е. наблюдаться только на одном уровне (чаще всего, фонемном). Данное явление особенно типично для развивающихся стран, в которых в качестве государственных или литературных языков используются языки европейские⁴⁹. В большинстве случаев интерференция затрагивает ряд уровней.

Как уже было сказано, система отождествлений знаков двух языков наблюдается только на определенном этапе обучения вторичному языку, а затем она разрушается. — особенно, если обучение вторичному языку проходит под контролем преподавателя. Однако в условиях естественного (или спонтанного) языкового контакта система отождествлений может закрепиться⁵⁰.

На основе отождествления знаков разных языков всегда нарушается форма речевых произведений. Если неправильная форма стала узуальной, т. е. присущей большинству говорящих и даже проникла в речь монолингвов, то предлагается говорить об «интеграции»⁵¹. Применительно к речи мы говорим об интерференции, а интерференция наблюдается, если с оговорками исключить из рассмотрения начальный этап обучения вторичному языку, по закономерностям вероятностного процесса. Применительно к языку говорится о «тех явлениях интерференции, которые, часто появляясь в речи билингвов, стали привычными и узуальными»⁵², и здесь наблюдается строго детерминированная закономерность. Это означает, что фонемы, морфемы, лексемы или синтаксемы, вошедшие в язык в результате интеграции, употребляются регулярно и всеми членами языковой общности. Таким образом, установить интеграцию довольно просто, попросив информанта повторить сказанное еще раз. При интерференции информант, повторив сказанное им самим, нередко дает различные формы.

Если интеграция заходит далеко, т. е. захватывает большую часть языковой системы, то приходится говорить о типологическом сближении (конвергенции) языков в результате контакта. Конвергентное развитие на своем промежуточном этапе выражается в форме «союза языков»⁵³, а своим конечным этапом имеет так называемый «язык с двумя терминами», т. е. практически два настолько сблизившихся языка, что они имеют единый план содержания, способный без изменения выражаться любым из них.

⁴⁸ Предисловие Ч. Фриза к кн.: R. L a d o, *Linguistics across cultures*, Michigan, 1957, стр. V.

⁴⁹ A. R. K e r k a r, «Marathi English»: a study in foreign accent, «Word», 13, 2, 1957; G. Y o s t, Jr., *Syrian English*, «American Speech», 34, 2, 1959; R. A l l s o p p, *The English language in British Guiana*, «English language teaching», 12, 2, 1958; R. B. L e P a g e, *The national language question: linguistic problem of newly independent states*, London, 1964.

⁵⁰ Среди относящегося сюда круга вопросов особенно интересны креольские языки. В изучении креольских языков отмечается оживление (в 1959 г. проведена конференция, основана неперiodическая серия научных изданий). Основной теоретической проблемой в изучении креольских языков остается проблема их генетического родства, и она оживленно дискутировалась в последние годы. Однозначного ответа на вопрос пока не получено. Обзор мнений дан в работе М. Гудмана: См.: А. Б. Д о л г о п о л ь с к и й, Против ошибочной концепции «гибридных» языков (о креольских наречьях), «Уч. зап. [1-го МГПИИЯ]», VII, 1955; R. B. L e P a g e, D. D e S a m p, *Jamaican Creole* («Creole language studies», 1), London, 1960; «Proceedings of the Conference on Creole language studies», ed. by R. B. L e P a g e («Creole language studies», 2), London—New York, 1961; M. F. G o o d m a n n, *A comparative study of Creole French dialects*, The Hague, 1964.

⁵¹ E. N a u g e n, *Language contact*, стр. 777. Автор, на наш взгляд, справедливо критикует У. Вайнрайха, использующего в том же значении термин «интерференция в языке», так как в этом случае термин «интерференция» не имеет ничего общего с первой лексемой термина «интерференция в речи».

⁵² W. W e i n g e i c h, *Languages in contact*, стр. 11.

⁵³ Следует обратить внимание на то, что идея языкового союза наличествовала уже у И. А. Бодуэна де Куртене. См.: В я ч. В с. И в а н о в, И. А. Бодуэн де Куртене и типология славянских языков, сб.: И. А. Бодуэн де Куртене (к 30-летию со дня смерти), М., 1960, стр. 43. Среди работ последних лет по проблематике языковых союзов (вообще следует отметить, что интерес к языковым союзам по сравнению с первой половиной века значительно снизился) особо выделяется статья З. Голomba, в которой вводится понятие «изограмматизма» (наличие в ряде языков идентичных моделей сочетания языковых единиц, причем по своей субстанции компоненты моде-

В заключение еще раз выделим два основных положения, имеющих большое значение для построения общей теории языковых контактов.

Мнения по первому из них более или менее полно освещены в настоящем обзоре. Поскольку между типом соотношения двух речевых механизмов, имеющихся у билингва, и формой порождаемых текстов устанавливается взаимосвязь, адекватное описание языковых контактов может быть только психолингвистическим. Как кажется, материал, приведенный выше, с достаточной степенью убедительности подтверждает этот факт. Нельзя построить теории языковых контактов вообще, нет возможности установить общие лингвистические закономерности для речи при билингвизме, факты не позволяют думать, что порождение речи при любом типе билингвизма — единое и качественно однородное явление. Каждый тип билингвизма имеет свою, ему одному присущую лингвистическую манифестацию, так что лингвистическое описание в рассматриваемом лингвистическом разделе должно быть непременно соотносено с психологическими данными.

Вторым важным наблюдением — и теория языковых контактов может записать его себе в актив — можно считать вывод, что форма речи при билингвизме определяется не только отношением двух механизмов между собой, но и социальной (в частности, речевой) ситуацией. На данном вопросе мы не смогли остановиться, а он заслуживает обсуждения. Если считать социолингвистику наукой, подобной психолингвистике (в том смысле, что она устанавливает связи, корреляции между социальной ситуацией и формой речи), то исследование билингвизма должно быть не только психолингвистическим, но и социолингвистическим. Речь билингва, если даже учитывается тип билингвизма, в отношении ее формы нельзя описать адекватно без обращения к социологическим данным, так как каждая социальная ситуация приводит к своеобразию языкового контакта. Таково общетеоретическое требование, не исключаящее для каждого конкретного исследования возможность расставить или собственноручно лингвистические, или социологические акценты.

Комплексный подход к изучению текстов становится все более типичным для лингвистики вообще. Для одного из частных разделов этой науки, для теории языковых контактов, он обязателен.

Е. М. Верещагин

лей в различных языках не совпадают, но совпадает план содержания). Подробное изложение данной статьи на русском языке приведено в обзоре Т. В. Цивьян. См.: Z. Golab, Some Arumanian-Macedonian isogrammatisms and the social background of their development, «Words», 15, 3, 1959; Т. В. Цивьян, Исследования З. Голomba по балканистике, сб. «Структурная типология языков», М., 1966, стр. 261.

РЕЦЕНЗИИ

«Actes du X Congrès international de linguistique et philologie romanes». I—III. — Paris, 1935. 1400 стр.

Как известно, международные романистические конгрессы собираются раз в три года, обычно в одной из стран Романии. Напомним, что VIII конгресс романистов был созван в 1956 г. во Флоренции, чтобы обсудить проблемы литературных языков и стилей. IX Конгресс проходил в 1959 г. в Лиссабоне и отличался большой пестротой тематики. На нем работало 12 секций, в том числе секция, посвященная происхождению литературных языков, анализу языка памятников, вопросам стиля, диалектологии, топонимики и пр.¹ X Конгресс, состоявшийся в 1962 г. в Страсбурге, как будет видно ниже, имел также достаточно разнообразную повестку дня, лишенную стержневой темы. XI Конгресс романистов собрался в 1965 г. в Мадриде. XII съезд намечен на 1968 г. и должен работать в Бухаресте².

В 1965 г., наконец, увидели свет материалы X Международного конгресса языковедов и филологов-романистов. В конгрессе участвовало 412 специалистов, представлявших романистику 30 стран. На пленарных заседаниях было прочитано 5 докладов, посвященных важнейшим проблемам романской филологии. На десяти секциях были обсуждены 134 сообщения. Рецензируемые материалы содержат все основные доклады, 112 сообщений и резюме прений. В книгу включены также списки лиц и организаций, участвовавших в конгрессе.

В кратком обзоре нет возможности сколько-нибудь полно охватить содержание всех выступлений. Поэтому нам придется ограничиться указанием тематики секций и аннотированием наиболее важных докладов и сообщений.

Первое пленарное заседание открыл крупнейший и старейший филолог-ро-

манист В. фон Вартбург (Базель), возглавивший вместе с Ш. Брюно работу конгресса. Выдающийся ученый посвятил свое выступление элементам греческого, галльского и латинского языков в провансальском. В. Вартбург обрисовал своеобразную языковую ситуацию Прованса, на территории которого в течение четырех столетий жили бок о бок греки и галлы (500—128 гг. до н. э.), в последующие два века население говорило на греческом, галльском и латинском языках, затем наступил продолжительный период сосуществования галльского языка и латыни, и только в III—IV вв. восторжествовала романская речь. Возникает вопрос: остались ли в провансальском следы былых контактов, можно ли обнаружить на его словах печать перехода из одного языка в другой? Анализируя структуру и значение ряда провансальских слов, докладчик дает положительный ответ на этот вопрос.

Другой известный романист — Г. Рольфе (Тюбинген) посвятил свой доклад аспектам и проблемам лингвистической географии. Г. Рольфе ищет истоки расхождений между романскими языками в области фонетики, грамматики и лексики. Он точно определяет сферы распространения таких явлений, как озвончение глухих взрывных в интервокальном положении, разные типы образования наречий, постпозиция и препозиция атрибутивных прилагательных и др.

А. Монтеверди (Рим) в докладе «Проблемы романской версификации» достаточно полно обрисовал развитие ранней романской метрики.

С. Ульман (Лидс) говорил на конгрессе о синхронии и диахронии в семантике. Докладчик указал на необходимость строгого разграничения синхронического и диахронического подхода к ряду аспектов семасиологии, таким, как этимология (ср. историческую и статическую, или «народную» этимологию), мотивация связи между означающим и означаемым в звукоподражательных словах, стилистическая и эмоциональная окраска слов, явления полисемии и омонимии, дифференциация которых столь существенна для лексикографии. Во мно-

¹ См.: «IX Congresso internacional de lingüística românica, Actas», I—III, Lisboa, 1962.

² Хронологию международных съездов романистов, ведущую свое начало с Дижонского конгресса 1928 г., а также сведения о публикации материалов конгрессов можно найти в «Revue de linguistique romane», XXIX, 2, 1965, стр. 115—116.

гих других случаях, полагает С. Ульман, синхронное и диахроническое исследование семантики тесно переплетаются. Диахронические данные способствуют раскрытию некоторых черт синхронной системы. Например, французский оборот *se passer de* имел некогда два антонимических значения: «обойтись без» и «довольствоваться». О том, что совмещение этих значений в одном слове препятствовало языковому общению, мы узнаем а posteriori, после того, как из употребления было исключено второе значение глагола. Сочетание синхронного и диахронического подходов помогает найти объяснение многим историческим процессам. С. Ульман закончил свой доклад обсуждением перспектив создания панхронической семантики.

Доклад члена Румынской Академии наук Й. Йордана «Современное состояние и перспективы развития романистики» проникнут чувством озабоченности о судьбах современного романского языкознания. Мы должны с большим сожалением констатировать, говорит румынский ученый, что романистика не находится более во главе частных лингвистик. Она отстала не только в сфере развития присущих ей идей и методов, но и в освоении того нового, что внесли в науку ученые не-романисты (I, 77).

В том материале конгресса, наряду с текстами основных докладов, отражает работу двух секций. Одна из них объединяла сообщения, относящиеся к «Проблемам и методам современной общей лингвистики в применении к романским языкам». Содержание этого раздела убеждает в том, что речь идет не о структурных методах современного языкознания, таких, как метод субституции или коммутации, метод ИС, дистрибутивный принцип, метод внутренней реконструкции, различные способы построения порождающих грамматик и под. В большинстве докладов, прочитанных на этой секции, ставятся вполне традиционные для романистики проблемы (обычно это частные вопросы строя того или другого языка), которые решаются привычной для романистов методикой. На секции говорилось об уменьшительных именах в испанском языке (Ф. Монке), об употреблении отрицательных частиц в провансальском (Г. Прайс), о позиции артикля в румынском (Е. Танас), о систематизации значений в лексикографии (Л. Молина) и т. д. Остановимся несколько подробнее на содержании докладов, имеющих отношение к теме секции. Работа секции началась интересным докладом Е. Косериу «Критика глоттохронологии в применении к романским языкам». Е. Косериу подошел к оценке глоттохронологии прежде всего с точки зрения общей теории языка. Перечислив послужаты глоттохронологии, Е. Косериу показал их несостоятельность. Докладчик подчеркнул,

что темп исчезновения основных означающих, во-первых, неравномерен и, во-вторых, неодинаков для разных языков. Затем Е. Косериу продемонстрировал бесплодность применения метода глоттохронологии к романскому материалу. Установленный Сводешем «индекс консервации» (85% для периода в 1000 лет) колеблется для романских языков от 75,8 (дако-румынский конца первого тысячелетия) до 91 (итальянский). «Исчезновение означающих зависит от конкретных исторических условий развития каждого языка, — сказал Е. Косериу, — и не имеет никакого отношения к абсолютной хронологии» (I, 93). Е. Косериу заключает свой доклад следующими словами: «Часто думают, что точность и логичность достигаются при помощи символов и цифр. Но на самом деле точность коренится в мысли и в ее соответствии фактам, а не в символах и цифрах ... Если мысль ложна или абсурдна, цифры и символы не могут сделать ее точной и логичной: они только делают ложность и абсурдность математически совершенными» (I, 94—95)³.

Достаточно сильно прозвучала на заседаниях первой секции тема синтаксиса. Югославский романист С. Шкерль (Любляна) говорил о «стереотипизации» как форме изменения синтаксического строя языка. Под «стереотипизацией» имеется в виду использование уже существующей синтаксической модели для выражения нового психического содержания. Так, например, указательная конструкция часто используется в романских языках в целях эмпазы (ср. франц. *Le père me l'a dit* и *C'est le père qui me l'a dit*). Австрийский ученый М. Регула (Грац), давно стремящийся к совершенствованию методов синтаксического анализа, подробно изложил разработанную им систему второстепенных членов предложения. Наряду с многочисленными типами дополнений, М. Регула выделяет 16 видов «объективов» (предложных дополнений). М. Регула разграничивает наречные и обстоятельственные слова (*adverbial* и *circonstanciel*), считает самостоятельной категорией «*judicatifs*» (вводные и модальные слова). В заключение докладчик приводит список синтаксических конструкций французского языка, применительно к которым

³ Серьезная критика глоттохронологии, основанная на применении этого метода к скандинавским, грузинским, армянскому и эскимосскому языкам, содержится в статье: K. Bergslund, H. Vogt, *On the validity of glottochronology*, «Current anthropology», 3, 2, 1962. Ср. также: H. Vogt, *Some remarks on glottochronological word-lists*, «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», XX, 1965.

предложенный им метод анализа не дает однозначного результата. Идеи М. Ругулы развиваются в сообщении Н. Йернея (Загреб), посвященном классификации дополнений в итальянском языке.

Французский языковед Ж. Галише (Лион) высказал крайнюю неудовлетворенность состоянием грамматической теории французского языка, которая, по его мнению, не может еще быть названа научной. Французские грамматики представляют собой каталоги узуса. Они не раскрывают подлинного механизма языка. Стремясь к «перебазированию» французской грамматики на структурный фундамент, Ж. Галише предлагает различать в лингвистическом анализе ряд «планов», через которые проходит мысль в поисках своего выражения» (план глобальной мысли, план семантических значений, дограмматический план, план грамматических функций, морфологический план). Названные планы составляют своего рода структурные координаты, с которыми следует соотносить каждый грамматический факт. Сообщение Ж. Галише так и называется «Структурные координаты грамматического факта в современном французском языке».

Вторая секция конгресса рассматривала связи между фактами истории и привилегиями и фактами языка. На ней шла речь о вытеснении романского диалекта в Южной Молдавии во II—IV вв. н. э. (Е. Лозован), об историко-культурном аспекте бразильской ономастики (Ф. Серен), о румынских неологизмах на протяжении всей истории языка (И. Попичану), бразильской формуле вежливого обращения (З. Хамилл) и т. п.

II том трудов посвящен скорее филологическим, чем собственно лингвистическим вопросам. Он включает пять разделов. Тематика тома очень разнообразна, причем распределение докладов по секциям оказывается в значительной мере условным. Охарактеризуем доклады каждой секции в самых общих чертах, останавливая внимание на тех из них, которые представляются наиболее интересными.

Третья секция, в которой представлено восемь докладов, содержит материал по проблеме соотношения литературного и разговорного языка, главным образом в историческом аспекте. Раздел открывается докладом В. Веспенева (Хельсинки), в котором рассматривается судьба книжных и народных слов в романских языках на ранних этапах их развития. Испанским заимствованиям во французском языке посвящено сообщение А. Долпана (Антверпен). Скорее с литературоведческой точки зрения трактуют вопросы литературного и разговорного языка Ж. Антуан (Париж — Орлеан) и Дж. К. Росси (Неаполь).

В этот же раздел вошли два сообщения по грамматике современного французского языка — Л.-К. Хармера (Кембридж) «Падение конъюнктива в современном французском языке» и Ж. Поля (Брюссель) «Наблюдения над вопросительными формами в разговорном и письменном нелитературном языке». Автор последнего сообщения, определив возможные для французского языка структурные типы вопросительных конструкций и их варианты, рассматривает их реализацию в различных видах речи (спонтанная речь и письма одних и тех же лиц, магнитофонные записи разговоров, письма ученых-филологов и др.). Приводятся и количественные данные. Доклад интересен как по методике, так и по полученным результатам.

Следующий раздел «Язык романских нелитературных текстов» включает четыре доклада. Трактовка понятия литературного языка и соотношение языка и диалекта дается в сообщении Ж. Ахонкаса (Хельсинки) «Как формируется язык эпохи и как он отражается в литературных и нелитературных текстах (по поводу женеvских административных документов)». Автор подчеркивает значение текстов, не принадлежащих к собственно художественной литературе, для изучения истории литературного языка. Большой фактический материал приводится в докладе А. Гальмеса-де-Фунтеса (Овьедо) «Некоторые лингвистические вопросы испанской литературы на альгамына». Автор ставит своей целью привлечь внимание специалистов к литературе испанских морисков, которая представляет огромный интерес для истории испанского языка. В статье приводится большое количество примеров из текстов. Особенно интересным и обильным является раздел синтаксиса.

Секция «Стилистики» содержит всего шесть статей. Часть их носит литературоведческий характер (Г. Гильом, Э. Рожа и др.) Лингвистическим вопросам стилистики посвящена работа М. Бланка (Лондон) «Эпический презвек в „Песне о Роланде“». В этом разделе обращает на себя внимание статья Ш. Мюллера (Страсбург) «Местоимения диалога», где дается интерпретация статистических данных о служебных словах французского языка, полученных из безансонского индекса и других источников (общий объем текстов около 2 млн. слов). Автор предлагает методику исследования стиля, основанную на изучении соотношения (а не абсолютного количества) лингвистических единиц. Определяется соотношение личных и притяжательных местоимений в текстах, различных по времени написания, жанру и стилю, причем выясняется, что для каждого типа текстов это соотношение является постоянной величиной.

Как можно видеть, доклады в этой секции подобраны довольно случайно и не дают представления о состоянии романской стилистики, которая, как отметил в своем докладе И. Йордан, остается одной из наиболее процветающих областей романстики.

В обширном разделе «Проблемы филологии и стихосложения» (15 докладов) большинство работ посвящено критике текстов, как например, доклад В. Драшковица (Белград) «По поводу критических изданий рукописи „Жизнь Св. Алексиса“», Г. Флаше (Гамбург) «Проблемы синтаксиса Кальдерона в свете критики текста» и др. В этой секции обращают на себя внимание работы по стихосложению (Х. Пери, Л. Гальди, А. Кялис). Среди них можно выделить статью П. Цуммтора (Амстердам) «Стих как единица выражения в романской архаической поэзии», которая содержит ряд интересных соображений о функциональной роли структуры стиха и методике ее исследования. Был проделан ритмический, синтаксический и лексический анализ отрывков из семи галло-романских поэм X—XI вв., причем выяснялось соотношение структуры стиха и синтаксической структуры фразы; исследовался также состав словаря.

Как можно заключить из материалов последнего раздела этого тома «Современное состояние текущих исследований и организация коллективных работ», коллективная работа романстов в настоящее время ведется главным образом в области диалектологии и лингвистической географии [ср. сообщения К. Грасси (Турин) «Современное состояние работы над итальянским лингвистическим атласом», А. Росетти (Бухарест) «Новый румынский лингвистический атлас и история румынского языка», М. Деановича (Загреб) «Два многоязычных атласа и романская лингвистика», где идет речь о средиземноморском и балканском лингвистических атласах]. Ведется также работа по составлению словарей, основанных на данных диалектологии — Ф. де Б. Молль (Пальма де Майорка) «Как составлялся каталонско-валенсианско-баlearский словарь», Л. Тамаш (Будапешт) «Этимологический словарь венгерских элементов в румынском языке».

В целом II том трудов, посвященный, как можно было видеть, вопросам филологии и стилистики, не оставляет впечатления целостности. В большинстве статей тома обсуждаются частные вопросы, которые трактуются с довольно ограниченными позициями. В них трудно найти ту широту взглядов и ассоциаций, разнообразный материал, привлекаемый для доказательств, смелость выводов, которые были так характерны для классических работ по романской филологии.

Более цельным оказывается III том

трудов, посвященный в основном двум крупным темам — фонетике и фонологии и диалектологии и лингвистической географии.

В работе секции фонетики и фонологии участвовал ряд видных романстов. Материалы секции, включающие десять работ, открываются докладом Г. Вейнриха (Жиль) «Фонетические и фонологические законы». Автор выдвигает понятие фонологических законов, независимых от условий места и времени (подобно универсалиям Якобсона). Большинство нетривиальных фонологических законов основано на импликациях «если — то». Эти законы формулируются не в терминах звуковых явлений как таковых, а в терминах контрастности в распределении фонем, и оказываются тем более точными, чем больше этот контраст. Для того чтобы ввести в систему наиболее контрастное отношение, автор предлагает включить в число фонем антифонему «пауза в речи», поместив ее на крайнее место ряда за взрывными согласными. Это дает возможность сформулировать такие универсальные законы, как например: «если согласная фонема имеет два комбинаторных варианта, один — перед гласной, другой — перед паузой, то перед согласной встречается второй вариант» или: «если фонема не встречается после гласной, то она не встречается и после паузы». Универсальные законы могут быть применены и к диахронии. Таков, например, закон о том, что фонема не может расщепиться на две фонемы, а лишь на два комбинаторных варианта. Для того чтобы один из этих вариантов превратился в фонему, нужно еще одно событие — столкновение варианта с еще одной фонемой; отсюда вытекает другой диахронический универсальный закон: «если в данном языке в один из исторических моментов его развития происходит столкновение между фонемой и комбинаторным вариантом, то в результате возникает фонема, а не вариант».

Другие доклады этой секции посвящены более частным вопросам, большинство из которых поставлено в сравнительно-историческом аспекте. Так, проблема испанского *yod*, составляющая предмет длительных споров в испанистике, обсуждается в докладе Э. Аларкоса Льоракса (Овьедо) «Влияние *yod* на ударную гласную в испанском». Судьбе посткопсовантного *y* в старонорманском посвящен доклад М. Алинеи (Утрехт).

В секции фонетики и фонологии удачно сочетались выполненные на современном научном уровне работы в области диахронии и синхронии. В некоторых докладах фонетика и фонология современных романских языков трактуются в экспериментальном плане. Так, М. Коэн (Париж) предложил проект исследования в современном французском языке количества

конечного гласного, который, по ряду данных, имеет тенденцию произноситься долго. В. Галя (Прага) сообщил о работе в области экспериментальной фонетики: на специально сконструированной аппаратуре был проделан сравнительный анализ аффрикат в славянских и романских языках.

Вопросы фонологии в связи с диалектологией рассматриваются в докладе Р. Лафона (Бордо) «Языковые контакты и появление новой гласной: и и ѳ в баскском», где возникновение новой фонемы в баскском языке объясняется влиянием романского ареала.

Докладам секции диалектологии и лингвистической географии (их всего 26) посвящена большая часть третьего тома трудов. Они охватывают широкий круг вопросов, связанных, в отличие от докладов других секций, более или менее единой тематической и методической направленностью. Раздел диалектологии открывается сообщением Дж. Франческато (Амстердам) «Лингвистическая структура и диалект». Автор считает, что ни традиционная методика, ни методы лингвистической географии не дают достаточно надежного ответа на вопрос, что такое диалект. Диалект следует понимать как лингвистическую структуру, состоящую из нескольких систем — вслед за У. Вайнрайхом ее можно назвать диасистемой. Диасистема представляет собой построение, обобщающее факты и тенденции диалектов в их синхронном и диахронном аспектах. Автор считает целесообразным различать в диалектных исследованиях синхронную и монохронную, понимая под синхронией сопоставление фактов разных диалектов, а под монохронией — замкнутые исследования одного диалекта в данный период.

Точка зрения Дж. Франческато развивается в докладе А. де Винсенза (Гейдельберг). Считая необходимым ввести структурные методы в область лингвистической географии и отмечая, что такие попытки уже делались в отношении романских языков, А. де Винсенза предлагает ввести понятие суперструктуры (аналогичное диасистеме Франческато), различая в ее пределах субдиалекты. Автор включает в проблематику лингвистической географии целый ряд вопросов, основанных на принципах структурной лингвистики, как например, соотношение суперструктуры и географических вариантов в пределах одной системы (под географическими вариантами понимаются различные реализации одной единицы суперсистемы), диалектов и субдиалектов, морфологических и морфематических оппозиций и т. п. Особенно важным, хотя и наиболее сложным, является введение системы в лексику; предлагаются некоторые пути систематизации лексики.

В ряде докладов делаются попытки

применить структурную методку к исторической диалектологии [ср., например, доклад Л. Хейлманна (Болонья) «Структурализм и история в итальянской лингвистике: вокализм типичного диалекта»].

Издавна спорной проблеме диалектных границ посвящен доклад Б. Казаку (Бухарест) «О динамике диалектных границ», в котором, на основе изучения речи разных поколений внутри одного диалекта в пограничных диалектальных условиях, показывается, что границы между диалектами могут смещаться, если рассматривать изменения соотношений между лингвистическими единицами от одного поколения к другому.

Развивая идею, выдвинутую еще Жильероном, о важности изучения явлений омонимии на материале диалектологических атласов, А. Гриера (Барселона) интерпретирует лексический материал составленных им атласов Андорры и Каталонии. Исследованию отдельных диалектов на материале диалектологических атласов посвящены также статьи советского романиста М. А. Бородиной «Лингвогеографические этюды лотарингского диалекта», Ж. Кампуру (Монпелье) «Центральная диалектальная зона», Ж. Сеги (Тулуза) «Опыт фонологического картографирования на материале лингвистического атласа Гасконии» и ряд других.

Большая серия докладов связана с исторической диалектологией и лингвистической географией. Среди них выделяются доклады Х. Людтке (Базель) «Пути сообщения Римской империи и формирование романских диалектов», К. Тальявини (Падуа) «Дороманское наследие в суффиксах эпитетических прилагательных Италии», Ж. М. Пиеля (Кельн) «Общий характер и источники галисийской лексики» и ряд других.

С диалектальной тематикой непосредственно связан последний небольшой раздел тома «Романские языки вне пределов старой Романии», который включает всего четыре доклада; два, посвященные языку сефардов — в Бухаресте [М. Сала (Бухарест)] и на Балканах [И. С. Реваж (Париж)], один, касающийся лингвистической географии французской Канады [Г. Дюлон (Квебек)], и лишь один, посвященный испанскому языку Латинской Америки. Как справедливо отмечает автор последнего доклада А. Самора Винсенте (Мадрид), «исследования испанского языка Америки» за последние годы достигли блестящего развития». Однако эти исследования практически не нашли отражения на конгрессе.

*

Как показывает обзор, на конгрессе были поставлены и обсуждены разнообразные вопросы. Большинство из них возникло еще в недрах классической ро-

мавистики. Немногие порождены современным языкознанием. «Первые скрипки» конгресса явно исполняли вариации на традиционные для романистики темы, среди которых преобладали тема диалектологии и лингвотографии. Современная романская диалектология, продолжая исследование живых романских говоров и их картографирование, сосредоточила свое внимание на изучении диалектов малых романских языков, фиксации романской речи за пределами Романии, составлении сводных диалектологических атласов крупных романских языков (испанского, итальянского, румынского)⁴ и диалектных словарей.

Большое место заняли на конгрессе филологические исследования, сочетающие принципы сравнительно-исторического, палеографического, стилистического, отчасти литературоведческого и историко-культурного анализа. Однако, как свидетельствует конгресс, в этой сфере не наблюдается активного движения вперед идей и методов, сравнительно с блестящими достижениями классической романистики, завоевавшими ей некогда название *magistra scientiae*.

Единство романистики, поддерживаемое диалектологическими и филологическими исследованиями, отчасти опирается и на собственно компаративное изучение романских языков, которое носит в настоящее время по преимуществу итоговый характер. Так, размышления в области романских этимологий, продолжающиеся не один десяток лет, дали материал для составления больших этимологических словарей романских языков⁵, системати-

зирующих множество новых этимологий и уточняющих старые. Особо важно подчеркнуть, что некоторые словари (например, этимологический словарь французского языка Б. Вартбурга) широко используют данные лингвистической географии. Однако материалы по сравнительной фонологии и грамматике романских языков, накопленные в результате большой фактографической работы последних десятилетий, пока еще не сведены в новую сравнительную грамматику романских языков, которая бы отражала современный уровень науки и нового (после словаря Мейер — Любке) сравнительно-исторического словаря романских языков.

Нельзя не заметить, впрочем, что сравнительно-историческая тема прозвучала на конгрессе весьма приглушенно. Характерно, что компаративных исследований, представленных на конгрессе, было так мало, что они не были выделены даже в отдельную секцию. Таким образом, в этом направлении, которое обусловило формирование романского языкознания как частной лингвистики, намечаются известный спад, постепенное измельчание и дробление тематики. Об этой же тенденции к разобщению романистических исследований свидетельствуют и работы по современным романским языкам, утратившие единство принципов анализа и описания.

В настоящее время, как кажется, намечаются новые пути развития романистики как особой отрасли языкознания. Они определяются отчасти интересом к сопоставлению современных романских языков и созданию общероманской языковой модели. Эти исследования, ведущиеся в русле типологической тематики современного языкознания, не были представлены на конгрессе. Между тем сопоставление романских языков осуществляется в достаточно широких масштабах. Ведется также работа, предвещающая типологический анализ. Поставлена задача стандартизации описания романских языков в их разных аспектах. На достижение этой цели направлена серия исследований, предпринятая А. Жюйаном в рамках проекта «Исполь-

⁴ Ср., например: «Atlas lingüístico de la Península Ibérica», I — Fonética, Madrid, 1962; A. G r i e r a, Atlas lingüístico de Catalunya, I—V, Barcelona, 1923—1939; VI—VIII, Barcelona, 1962—1965; B. T e r r a c i n i, T. F r a n c e s c h i, Saggio di un Atlante lingüístico della Sardegna, I — Carte, II — Testo, Torino, 1964; «Atlasul lingüistic român. Serie nouă», I—IV, 1956—1965. Обсуждение общих вопросов составления атласов см.: M. A l v a r, Los nuevos atlas lingüísticos de la Rumania, Granada, 1960. Подробные сведения о состоянии романской диалектологии можно получить из книги: M. A. Б о р о д и н а, Проблемы лингвистической географии, М., 1966.

⁵ W. W a r t b u r g, Französisches etymologisches Wörterbuch, Tübingen (публикация отдельными выпусками ведется с 1922 г.): J. S o r o m i n a s, Diccionario crítico etimológico de la lengua castellana, I—IV, Bern, 1954—1957; C. B a t t i s t i, G. A l e s i o, Dizionario etimologico italiano, I—V, Firenze, 1950—1957; A. P r a t i, Vocabolario etimologico italiano, Torino, 1951; A. C i o g a n e s c u, Diccionario etimológico ru-

mano, 1—6, La Laguna, 1958—1962; M. L. W a g n e r, Dizionario etimologico sardo, 1—17, Heidelberg, 1957—1962 (Указатель — 1964); J. P. M a c h a d o, Dicionário etimológico da língua portuguesa, I—III, Lisboa, 1956. Анализ романских этимологических словарей содержится в книге: P. A. Б у д а г о в, Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки, М., 1963. Эта монография является едва ли не единственным исследованием по семантике романских языков, выполненным в сравнительно-историческом плане.

зование электронно-вычислительных машин для изучения лингвистических структур». Небольшая часть этого проекта уже выполнена⁶.

Стандартизация описаний как этап, подготавливающий сопоставление, продвигает и в сферу диахронических исследований. Бельгийские романисты Г. Пурк и Л. Мурен публикуют однотипные описания морфологии романских языков XIV—XVI вв. на основе отрывков из параллельных текстов⁷.

Как показывает обзор, конгресс не даст полного представления о состоянии романистики. Во-первых, в нем не участвовали многие ведущие романисты, такие, как Р. Менендес Пидаль, А. Бадиа Маргарит, Дж. Девото, Б. Мильорини, К. Балдингер, Я. Малкиел и некоторые другие. Во-вторых, на нем не обсуждались многие крупные предприятия романистов, в частности труды по изучению испанского и португальского языков Латинской Америки. Почти полное отсутствие на конгрессе латиноамериканской темы отчасти объясняется тенденцией к обособлению этой сферы исследований, определившей своеобразие современной иберо-романистики в широком смысле этого термина. В следующем после Страсбургского конгресса году испанцы различных стран мира собрались в Мадриде на первый съезд испанистических институтов и кафедр, материалы которого опубликованы под названием «Настоящее и будущее испанского языка»⁸. Еще

⁶ A. Juillard, E. Chang-Kordriguez, *Frequency dictionary of Spanish words*, The Hague, 1964; A. Juillard, P. M. H. Edwards, *Frequency dictionary of Rumanian words*, The Hague, 1965; A. Juillard, *Dictionnaire inverse de la langue française*, The Hague, 1965.

⁷ G. de Poerck, L. Mourin, *Introduction à la morphologie comparée de langues romanes*, I — Ancien portugais et Ancien castillan, Bruges, 1961; VI — Ancien roumain, Bruges, 1962; IV — Sur-silvain et engadinois anciens, et latin dolomitique, Bruges, 1964.

⁸ Сб. «Presente y futuro de la lengua española. Actas de la asamblea de filo-

через три года встретились испанцы, занимающиеся по преимуществу латиноамериканской проблематикой: в январе 1966 г. в Монтевидео состоялся I Межамериканский испанистический конгресс по вопросам лингвистики, филологии и обучения языку. В нем приняло участие 282 специалиста. Одновременно с этим съездом в Монтевидео работал III Межамериканский симпозиум испанистов. Любопытно отметить, что одна из комиссий симпозиума занималась применением к испанскому языку статистических и автоматических методов анализа, в том числе вопросов о создании перевода научных текстов с испанского языка и на испанский язык. Интерес, вызванный новыми методами, был столь велик, что встал вопрос о создании Общества иберо-романской структурной лингвистики⁹.

Заметим в заключение, что несмотря на неполноту раскрытой им романистической панорамы, Страсбургский конгресс позволял увидеть некоторые черты современной романистики. Он показал, что романское языковедение в целом разделяет судьбу некоторых других частных лингвистик, достигших высокого уровня сравнительно-исторических исследований и в какой-то степени исчерпавших проблематику, первоначально определившую их возникновение и развитие. Материалы съезда побуждают задуматься о новых путях, открывающихся перед романистикой, о ее отношении к современному общему языковедению, о возможности сохранения ее целостности в перспективах обособления отдельных ее областей.

Н. Д. Арцимонова, Е. М. Вольф.

logía del I Congreso de instituciones hispánicas». I—II, Madrid, 1964. Подробнее об этих публикациях см.: Р. А. Бутатов, Современное состояние испанского языка и задачи его изучения, ФН, 1966, 4.

⁹ См. хроника съезда и симпозиума, написанную М. Сала для «Revue romaine de linguistique» (XI, 3, 1966, стр. 281—283).

W Labor The social stratification of English in New York City. Center for applied linguistics — Washington, 1966. XII — 655 стр.

Рецензируемый монументальный труд представляет огромный общелингвистический интерес, так как демонстрирует на большом фактическом материале ту методику лингвистического исследования, которую можно считать в настоящее время наиболее важной для развития

языковедения. Как известно, до последнего времени подавляющее большинство лингвистических исследований ориентировалось на микролингвистические, формалистические и структуралистические штудии, концентрируясь, таким образом, на разработке некоторой

абстрактной гипотезы в отношении языка, проверка которой откладывалась (и до сих пор откладывается) на неопределенно долгое время. Основной аксиомой этой гипотезы была аксиома идеального носителя языка, пребывающего в совершенно однородном человеческом коллективе (члены которого знают свой язык в совершенстве) и способного к такой речевой деятельности, которая ни в какой степени не оказывается подверженной воздействию изменяющихся условий внешней среды.

Указанная гипотеза, конечно, принесла известную пользу главным образом в плане развития тех общесемиотических идей, которые, по-видимому, в дальнейшем могут иметь влияние на структуру информационно-логических языков науки, «языка электронного вычислителя» и т. п. Что же касается языкознания, в правильном смысле этого слова, т. е. науки, изучающей строение и закономерности формирования естественных человеческих языков в реальных человеческих коллективах, то здесь, конечно, как самый объект, так и (что самое главное) методика его исследования коренным образом отличается от тех методов и объектов, которые неперестанно фигурировали при попытках создания упомянутой выше гипотезы. Ведь хорошо известно, что в реальном человеческом обществе не существует идеальных носителей языка, подобных тому, который был описан выше. Также не существует совершенно однородных человеческих коллективов, причем в капиталистическом обществе различные социальные группы, в частности, общественные классы, различные национальности и т. д. оказываются в отношениях антагонистического противоречия, нередко находящихся прямое и непосредственное отражение в явлениях языка, например при выборе той или иной его формы или варианта, противопоставления друг другу разных национальных языков, искусственном стимулировании одних и искусственным подавлении других и т. п. Вряд ли можно сомневаться в том, что языкознание как эмпирическая наука (а не раздел математики) и должно изучать все эти особенности функционирования языка, которые оказывают непосредственное воздействие на его строение. Однако длительное господство в языкознании формалистического направления привело к тому, что сейчас создается такое положение, когда основными вопросами языкознания как будто бы занимаются ученые, совокупно и без достаточной определенности называемые «социо-лингвистами» и языкознание в собственном смысле слова превращается в отдельную научную дисциплину под названием «социо-лингвистика».

Традиционная структурная лингвистика оказалась совершенно не в состоянии ответить на основные вопросы своей

науки, такие, как различие между языком и диалектом (несколько также критерии для установления этого различия); природа языковой нормы и способов ее установления; характер научной основы для изучения социальной дифференциации языков и многие другие основные вопросы нашей науки.

Сделанное выше краткое вступление представлялось необходимым, потому что В. Лабов (ученик недавно скончавшегося профессора колумбийского университета У. Вайнрайха) предпосылает своему исследованию определение природы именно «социо-лингвистического» подхода к языку. Он указывает на то, что самый термин «социо-лингвистика» может пониматься двояко: 1) социо-лингвистика как такая наука, которая обращается к сведениям о человеческом коллективе, являющемся носителем данного языка, как основе для разрешения вопросов языковедческой теории, т. е. как к основе языкознания вообще и 2) под социо-лингвистикой может пониматься новая междисциплинарная область исследований, предметом которой является наиболее полное и всеобъемлющее описание отношений и корреляций между языком и обществом. В. Лабов считает, что основой его исследований является именно первое из перечисленных определений социо-лингвистики, причем между двумя определениями как будто устанавливается очень жесткая, если не непреодолимая граница. Думается, однако, что на самом деле это не так и, как можно видеть из самого рецензируемого исследования, в практической работе эта искусственная граница естественно стирается и исследование социальной основы развития и функционирования языка предполагает именно как можно более широкий и разносторонний учет особенностей жизни того общества, язык которого является предметом данного конкретного исследования.

Книга В. Лабова состоит из четырех частей, каждая из которых подразделяется дополнительно на отдельные главы: часть I — Проблемы и методы анализа; часть II — Социальная дифференциация; часть III — Социальная оценка и часть IV — Синтез. В первой части подробно изучаются различные аспекты социальной стратификации языка, выделение различных стилей речи, организация опроса и др. Во второй части в центре внимания оказывается вообще проблема лингвистических переменных и их соотношение с классовой, возрастной и другими дифференциациями носителей данного языка. Пожалуй, особенно большой интерес представляет часть III, где проблема социальной оценки той или иной разновидности речи рассматривается очень детально и разносторонне, т. е. в плане субъективной оценки, которая отличается от самооценки, направленной

на достижение того, что автор называет «social evaluation» и, наконец, проблема обще-оценочного отношения (general attitude) к различным формам речи. Сintesом всего исследования является общая структура системы гласных города Нью-Йорка.

Работа снабжена глоссарием использованных символов и специальных лингвистических терминов и пятью содержательными и полезными приложениями.

В короткой рецензии нет возможности детально рассмотреть все те сложные фонологические явления, которые автором представлены в исключительно квалифицированной, стройной форме и чрезвычайно убедительно. Поэтому приходится ограничиваться лишь указанием на те выводы, которые проведено В. Лабовым исследование позволяет ему сделать в отношении целого ряда основных понятий и категорий нашей науки. В. Лабов убедительно показал, что понятие идиолекта нуждается в коренном пересмотре, поскольку идиолект вовсе не отличается той однородностью, простотой и внутренней упорядоченностью, которая обычно принимается за аксиому. Исследование В. Лабова показало, что идиолекты характеризуются разнообразными колебаниями и противоречиями как по линии организации звуков в фонеме, так и по линии организации фонем в более крупные единицы (системы дифференциального уровня), причем только социо-лингвистический метод мог позволить раскрыть природу и показать пути развития этих колебаний и противоречий.

К подобным же выводам (прямо противоположным традиционным) приходит Лабов и в отношении целого ряда других, краугольных положений лингвистики. Он показывает, что тесный контакт различных языковых групп вовсе не обязательно приводит к конвергенции, а напротив нередко порождает совершенно противоположную тенденцию, а именно тенденцию все большей дивергенции. То, что именно второе из указанных явлений имеет место у жителей Нью-Йорка (представляющих собой коллектив, весьма тесно спаянный постоянным общением)

вполне подтверждается проведенным исследованием: для нью-йоркского рабочего, как выясняется в исследовании В. Лабова, социальная значимость употребляемой им формы языка состоит именно в том, что эта форма отличается от той формы языка, которой пользуются представители как среднего, так и высшего классов общества.

К другим основополагающим проблемам и аспектам лингвистики, которые проведенное исследование заставляет Лабова подвергнуть самому серьезному сомнению, относятся такие, как тезис о строгом разделении синхронно-системных (отношений — с одной стороны, и исторического развития этих систем — с другой; постулат о том, что звуковые изменения не поддаются непосредственному наблюдению; положение, что исследователь не может изучать отношение говорящего к используемому им языку и т. п. Особенно интересно в этой связи остановиться на тех замечаниях, которые В. Лабов делает по поводу известной работы А. Мартине¹. В. Лабов не только принципиально возражает против того положения, что языковед якобы не должен пользоваться экстралингвистическими данными для объяснения языкового изменения, но и приводит цитату из доклада А. Мартине на IX Всемирном съезде лингвистов, из которой видно, что сам А. Мартине придает большое значение исследованию языка «в его социальном контексте»².

Очень интересен тот раздел книги (стр. 14—24), в котором автор рассматривает историю вопроса и анализирует работы своих предшественников.

Оценивая работу в целом, следует сказать, что это интересное исследование открывает новые пути для преодоления лингвистического формализма.

О. С. Ахманова

¹ А. Мартине, Принцип экономии в фонетических исследованиях, М., 1960.

² A. Martinet, Structural variation in language, «Proceedings of the IX International Congress of linguistics», The Hague, 1964.

N. P. Vakar. A word count of spoken Russian. The [Soviet usage].— Ohio State University Press, [1961]. 367 стр.

Университетом штата Огайо издан частотный словарь современной русской разговорной речи, сделанный проф. Н. П. Вакарюм на материале анализа советских пьес. Для анализа были взяты 93 пьесы советских авторов, опубликованные начиная с 1957 г. Из 200 актов 93 пьес были отобраны 200 образцов по

50 слов, общей длиной в 10 000 слов. Для образца отбирались первые 50 слов с восьмой страницы каждого акта.

Для контроля были отобраны еще 5000 слов, составивших 50 образцов по 100 слов (эти слова отбирались с пятой страницы каждого четвертого акта).

На материале анализа 10 000 единиц

из зафиксированных 2380 разных слов Н. П. Вакар отобрал 360 наиболее употребительных с частотой последнего слова не ниже 4. Эти 360 наиболее частых слов покрывают 73% всех встречающихся в образцах, тогда как остальные 2020 покрывают только 27%.¹

Н. П. Вакар считает объем обследованного материала вполне достаточным. Расчеты показывают, утверждает он, что для изучения словаря и «распределительных грамматических серий» оптимальный объем выборки может не превышать 10 000 слов, а для «грамматических серий» достаточна выборка из 5000 (стр. 15). Н. П. Вакар не приводит расчеты, на которых базируется это утверждение.

Выбрав 360 наиболее употребительных слов, Н. П. Вакар «сделал открытие», что «интеллигентное общение взрослых людей вполне возможно, если они употребляют только эти 360 слов» (стр. VII). В качестве доказательства приводятся два диалога («Старый друг» и «Разговор о любви», стр. 141), состоящие только из этих 360 единиц.

Свой список (360 слов) Н. П. Вакар сопоставляет с другими списками, только два из которых (Г. Джоссельсона и Э. Штейнфельдт) составлены, как и список Вакара, методом статистического отбора.

360 единиц Вакара совпадают с первыми 360 словами списка Штейнфельдт на 60%. Разницу в 40% Н. П. Вакар объясняет как возможную «меру контраста между разговорной и письменной речью» (стр. 30). Вывод несколько поспешный, если учитывать совершенно разную степень достоверности этих первых 360 слов у Вакара, получившего их на материале длиной в 10 000 слов, и у Штейнфельдт, получившей их на материале в 400 000¹, тем более, что большинство слов, составляющих сорокапроцентную разницу обоих списков, не являются словами специфически «разговорными» (*артист, баба, бог, девчата, деньги, директор, доктор, дочь, душа* и т. д. — перечислено в алфавитном порядке).

Шести слов (в их числе *баба, девчата, обидеть, равница*) вообще нет в полном списке Штейнфельдт, а часть слов, таких, как *доктор, жаловаться, завидовать, проект, равный, согласный, чудо* и др., имеют низкую степень употребления и находятся в списке Штейнфельдт за пределами второй тысячи.

О тринадцати словах своего списка, не найденных им в других словарях, Н. П. Вакар замечает, что слова эти, может быть, не очень важны, «но они придают русской разговорной речи своеобразный аромат» (стр. 30). Это слова:

баба, девчата, капитан, парень, пост, проект, чудо и др. (слова расположены в том порядке, как их перечисляет автор). Ясно, что к словам, создающим «аромат разговорной речи», никак нельзя отнести, например, *пост, проект, чудо*.

Данные словаря Вакара были сопоставлены со списком наиболее употребительных слов русской разговорной речи, полученным в результате анализа живой речи, записанной на пленку (работа группы преподавателей кафедры русского языка Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы).

Материал, собранный группой в записках на магнитную пленку, представляет собой беседы дома, в учреждениях, разговоры по телефону, сценки в магазинах, поликлиниках и т. д. Общая длина собранного материала — 400 000 слов, употреблений, на базе которых выделен список в 2380 наиболее употребительных слов.

360 единиц Вакара совпадают с первыми 360 словами разговорного списка примерно на 62,8%. 12 слов (*взглянуть, впрочем, девчата, завидовать, командир, пост, трактор* и др.) вообще не вошли в разговорный список. Свыше 30 слов находятся за пределами первой и второй тысяч. За счет чего следует отнести разницу: за счет качественного или количественного различия материала? Очевидно, следует принять во внимание и то и другое.

Некоторые статистические характеристики данных, полученных Н. П. Вакаром, указывают, что его материал ближе к книжной, нежели к разговорной речи.

Разговорная речь по словарю примерно вдвое беднее книжной. На 400 000 словоупотреблений в материале Штейнфельдт встретилось 24 224 разных слова, такое же количество словоупотреблений в живой разговорной речи дало 14 800 разных слов. По подсчетам Ю. А. Маркова, 10 000 словоупотреблений живой речи дают 1437 разных слов, тогда как 10 000 книжной — 2432². По данным Вакара, в материале длиной в 10 000 встретилось 2380 разных слов.

В список Вакара не вошли многие слова с высокой употребительностью в разговорной речи, такие, как *наверное, правильно, нужно, трудно, поэтому* и др., входящие в первые сто, первые двести наиболее употребительных слов. В то же время многие слова списка Вакара либо не вошли вообще в наш разговорный список, либо находятся в конце его (*баба, девчата, капитан, командир, пост, проект, чудо* и т. д.).

Н. П. Вакар имел дело с письменнo-фиксированной речью, только какой-то

¹ Э. А. Штейнфельдт, Частотный словарь современного русского литературного языка, Таллин, 1963 г.

² Ю. А. Марков, Некоторые аспекты разговорной речи и лексическая статистика, «Р. яз. в нац. шк.», 1966, 5

частью своей входящей в живую разговорную речь, тогда как существенная часть живой речи не попадает в письменные фиксации. Вопрос этот нуждается в специальном исследовании. Однако и Н. П. Вакар во введении говорит о том, что наиболее желательным методом сбора материала по разговорной речи в будущем должны стать записи разговоров в домах, учреждениях, ресторанах, на улицах и т. д. и что материал, собранный этим методом, может дать точную картину современной русской разговорной речи (стр. 8—9). Диалоги из прозаических произведений, пьес, монтажных листов современных кинофильмов дают

лишь приблизительную картину состояния современной разговорной речи

Словарь, полученный в результате анализа живой речи, даст более полную картину. Идеальную картину, видимо, можно получить лишь в результате анализа частоты жизненных ситуаций и связанных с ними тем разговоров, учета распределения разговоров по ситуациям и т. д. Очевидно, составлению «идеального» словаря должна предшествовать работа, подобная работе по изучению «языкового существования», проводимая в течение нескольких лет в Японии.

Ю. Г. Овсиенко

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 5 по 8 мая в Новосибирском научном центре проходила межвузовская научная конференция по проблемам лексикологии и организованная кафедрой общего языкознания Новосибирского гос. ун-та. На конференции было прочтано около 60 докладов, большая часть которых была посвящена проблеме системы и структуры в лексике. Открыл конференцию чл.-корр. АН СССР В. А. Аврорин (Новосибирск), отметивший, что обращение лингвистов к изучению системных отношений в лексике можно считать вторым рождением лексикологии, которая долгое время ограничивалась анализом разрозненных объектов.

Уровень исследований, выполняемых в настоящее время советскими лексикологами, позволяет считать, что лексикология как наука уже достигла известной зрелости. Важнейшие категории ее определены достаточно четко, их взаимные отношения в основном установлены. На этой базе, как говорила в своем докладе Э. М. Медникова (Москва), стало правомочным формирование широких, целостных научных концепций, стремящихся объяснить большое разнообразие лексических фактов с единой точки зрения. Отмечая все более широкое и успешное использование в лексикологии «аллоэмической» системы понятий, которую она назвала «первым уровнем абстракции», Э. М. Медникова подчеркнула необходимость разработки второго уровня абстракции, связанного с понижением в глубинные структурные связи единиц словаря, скрытые от прямого наблюдения, в существе отношений, называемых обычно словообразовательными. Для обозначения единицы этого уровня

докладчик, вслед за О. С. Ахмановой, предлагает термин «гиперлексема» (соответственно, «гиперлекса» и «аллогиперлекса»). М. И. Черемисина (Новосибирск) подчеркнула относительность понятия слова как конструктора лексикологии, обусловленность его содержания и объема тем, какие признаки «лекс» признаются релевантными.

Б. Ю. Городецкий (Москва) сделал доклад на тему «О предпосылках семантической типологии». Центральным понятием семантической типологии он считает «семантический тип», т. е. некоторую абстрактную семантическую подструктуру, присущую ряду языков. Докладчик подчеркнул значение семантических универсалий, раскрывающих общечеловеческие принципы организации информации в языке. О необходимости для лексикологии выхода за пределы традиционных понятий и категорий говорил в своих докладах также Г. И. Климовская (Томск) и В. В. Раскин (Москва).

Доклад А. И. Кузнецовой (Москва) был посвящен обзору современных методов структурного анализа, используемых при исследовании лексической семантики (дистрибуционный, трансформационный, компонентный анализ). О целесообразности применения точных методов к изучению полисемии в диалектном языке говорилось в докладе В. В. Палагиной (Томск). На некоторых возможностях применения трансформационной и статистико-вероятностной методик остановились в совместном докладе Т. А. Колосова и Л. А. Шелеховская (Алма-Ата).

В. И. Перебийнос (Киев) прочла доклад «Некоторые особенности функ-

ционирования лексических групп в различных стилях». Как видно из приведенного в докладе материала, каждый стиль характеризуется своим набором наиболее и наименее частых лексических групп, частоты которых могут служить статистическими параметрами стилей. М. М. Пещак (Киев) доложила о результатах статистического исследования частоты и продуктивности морфем в словообразовательной системе украинского языка.

Ю. Г. Овсяенко (Москва) рассказала о результатах применения статистических методов при изучении словаря русской разговорной речи. Проблема изучения словаря русской разговорной речи был посвящен и доклад А. Н. Васильевой (Москва), основное внимание которой было направлено на выяснение своеобразия лексики, используемой в сфере бытового общения.

В значительной группе докладов ставились и обсуждались общие проблемы исследования лексико-семантических микроструктур, излагались результаты подобных исследований. Возможностям применения в этой сфере точных математических методов был посвящен доклад Т. П. Ломтева (Москва) «Изоморфизм в области семантики». По мнению докладчика, в случае, если подмножества смыслов взаимно отображают друг друга, возникает семантический изоморфизм.

О необходимости описывать семантическую систему языка с помощью точных методов говорил также В. А. Москвич (Москва) в докладе «Семантическая система языка и ее отражение в словаре-тезаурусе». Э. В. Родичева (Москва) говорила о привлечении математического аппарата к исследованию семантических микрополей антонимов. В результате проведенного ею экспериментального исследования она пришла к выводу о применимости к этим полям понятия размерности (одномерные, двухмерные и трехмерные антонимические поля).

Группа докладов была посвящена анализу и сопоставлению типов связей между словами на соответствующих участках лексической системы разных языков и диалектов [доклады Л. Т. Кравца (Москва), Н. П. Романовой (Новосибирск), В. А. Москвича (Москва), А. А. Акиншиной (Москва), Г. Я. Панкраца (Алма-Ата), Н. П. Романовой и Е. А. Шерстовой (Орел)].

Большая группа лексикологов приняла активное участие в обсуждении проблем синонимии и, шире, отношений семантической смежности в более общем смысле [доклады Н. Е. Буровой (Иваново), И. В. Меньчиковой (Свердловск), Е. А. Гутман (Новосибирск), И. С. Кессельмана (Орел)].

Семантическим связям, более широко

чем синонимия, были посвящены доклады Ю. В. Фоменко (Новосибирск), Э. В. Кузнецовой (Донецк), О. И. Блиновой (Томск) и некоторые другие. Ю. В. Фоменко рассказал об опыте объективного выделения подклассов глаголов по заданным дистрибутивно-трансформационным характеристикам. Э. В. Кузнецова посвятила свое выступление проблеме инвариантов и вариантов в лексике, рассматривая эту проблему на материале русских глаголов со значением овладения. Инвариантами в плане выражения и содержания она считает лексически разные глаголы, семантически противопоставленные друг другу в условиях одинакового окружения (ср. *я взял книгу: я купил книгу*). Вариантами в плане содержания признаются разные значения одного слова, вариантами в плане выражения — глаголы-синонимы, не противопоставленные друг другу в одинаковом окружении (*я купил книгу в магазине; я отхватил книгу в магазине*). Доклад О. В. Блиновой был посвящен проблеме лексико-фонетического варьирования слова в говорах Сибири. Проблема номинации была поставлена в докладе М. В. Федоровой (Воронеж), которая показала, что номинативные средства языка не ограничиваются отдельными словами, а включают в себя также лексикализованные сочетания (типа *железная дорога*) и номинативные группы, т. е. объединения слов, которые содержат местоименные и неместоименные слова, вместе обладающие единым значением.

В докладе Р. Т. Гриб (Енисейск) рассматривались слова, оболочки которых в литературном языке и в исследуемом сибирском говоре в принципе адекватны, но семантические структуры существенно различаются.

Исследованию семантических структур слов в их связях с грамматическими классами и подклассами были посвящены доклады Н. А. Щегловой (Новосибирск), Н. П. Поповой-Щенкевец (Благовещенск), Э. М. Менчера (Орел), Ф. А. Литвина (Орел) и М. И. Черемисиной (Новосибирск) и др. Н. А. Щеглова на материале русского языка XVII—XVIII вв. проследила процесс семантического преобразования прилагательных, обозначающих признаки конкретных предметов, в составе устойчивых сочетаний, обозначающих лиц по профессии (*доцентый мастер, точильный мастер* и под.). Н. П. Попова-Щенкевец доложила о результатах семантического анализа групп глаголов, сочетающихся с субъективными инфинитивами в памятниках русского языка XI—XVII вв. Э. М. Менчер в выступлении, посвященном семантической

классификации и эволюции интенсивно-итеративных глаголов в немецком языке, остановился на формально-структурных и функциональных признаках этого мало изученного класса девербативных глаголов.

Наличие структурных связей между тематическими группами, формируемыми на основе наиболее широких «модельных» значений входящих в них слов, и классификацией слов по словообразовательным аффиксам отмечалось в докладе С. Ю. Адляванкина (Пермь). Ф. А. Литвин и М. И. Черемисина в совместном докладе сообщили о результатах исследования подкласса существительных, семантическая структура которых характеризуется наличием двух вариантов, номинативного и метафорического (названия животных и некоторые другие).

Своеобразие употребления слов общенародного языка в художественной, отчасти публицистической речи, обусловленному семантической многоплановостью слова, были посвящены доклады Ф. А. Литвина, А. И. Федорова (Новосибирск), Г. Г. Косицкой (Новосибирск).

На конференции были представлены также результаты исследований в области социальной диалектологии. По этой проблеме выступил В. Д. Бондалетов (Пенза), который посвятил свой доклад вопросу об отношениях арготической и диалектной лексики. Докладчик говорил о необходимости тщательного разграничения между словами этих категорий в лексикографической практике. Говоря о трудностях лежащих на пути решения этой задачи, он подчеркнул важность учета изоглосс как диалектизмов, так и арготизмов, поскольку эти изоглоссы имеют существенно разный характер, а также необходимость принимать во внимание разнообразные источники, характеризующие словарный состав языка и бытование условных языков.

М. И. Черемисина, Н. Романова
(Новосибирск)

22—23 мая, с. г. в Кишиневе проходила республиканская научная конференция по теме «Проблемы развития языков и литератур советских народов». Конференция была организована Институтом языка и литературы АН МолдССР, Научным советом по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» при Отделении литературы и языка АН СССР и Институтом языкознания АН СССР. В работе конференции приняли участие языковеды Москвы, Киева,

Баку, Риги, Вильнюса и Кишинева. На пленарном заседании и на заседании лингвистической секции было заслушано всего 17 докладов и сообщений (6 на пленарном и 11 на секционном)¹.

Конференцию открыл президент АН МолдССР чл.-корр. АН СССР Я. С. Гросул.

Собобщающим докладом Ф. П. Филина и М. И. Исаева (Москва) «О некоторых теоретических вопросах языкового развития в СССР» выступил М. И. Исаев. Он остановился на характеристике ряда основных понятий социалингвистики (двуязычие, язык межнационального общения, государственный язык, второй родной язык, языковое строительство и языковая политика, языковая ситуация, языковое существование и др.), на значении исследования процессов взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР, на необходимости правильного и быстрого решения вопросов улучшения и унификации алфавитов, орфографий и терминологий.

Акад. АН МолдССР Н. Г. Корлэтяну (Кишинев) сделал доклад на тему «Развитие функциональных стилей и проблема эволюции литературного языка»². Акад. АН УССР И. К. Белодед (Киев) представил доклад «Роль родного языка в развитии просвещения и культуры народа».

Основным проблемам советской социалингвистики на современном этапе развития языкознания был посвящен доклад Ю. Д. Дешериева (Москва) «Современная социалингвистика и пути ее развития в СССР».

Большой интерес вызвал доклад акад. АН АзербССР М. Ш. Ширалиева (Баку) «Советская тюркология на современном этапе», подробно изложившего основные фазы развития тюркологии в СССР, а также достижения советских тюркологов в каждой отрасли исследований.

Л. А. Покровская (Москва) представила коллективный доклад Н. А. Баскакова (Москва), Л. А. Покровской и Б. П. Тукана (Кишинев) «Основные принципы составления трехязычных словарей», в котором на материале «Гагаузско-русско-молдавского словаря», а также исходя

¹ См.: «Программа республиканской научной конференции по теме Проблемы развития языков и литератур советских народов» (22—24 мая 1967 г.), Кишинев, 1967.

² Тот же круг вопросов на материале тюркских языков рассматривается в статье Л. А. Баскаков, Структурные и функциональные стилистически-модификации в современных тюркских языках, ИАН ОЛЯ, 1967, № 2.

ходя из опыта составления «Караимско-русско-польского словаря», созданного сотрудниками Института языкознания АН СССР (отв. редактор — Н. А. Баскаков) в сотрудничестве с АН Литовской ССР и с Польской Академией наук, сформулирован ряд положений установочного характера для работы над словарями подобного типа

На секционном заседании четко выделены три группы докладов. Это, во-первых, доклады, посвященные вопросам нормирования отдельных национальных языков СССР в современных условиях. К данной категории относится доклад В. П. Соловьева (Кишинев) «Проблема нормативности в молдавском толковом словаре», к которому тесно примыкает доклад Р. Я. Удлера (Кишинев) «Значение материалов молдавского лингвистического атласа для исследования современного молдавского литературного языка», доклад К. М. Ульявидаса (Вильнюс) «Вопросы нормализации литовского литературного языка в советскую эпоху» и сообщение А. А. Ахеро (Рига) о положении дел в этой области в латышском языке.

Во вторую группу объединяются доклады, трактовавшие вопросы развития лексического состава языка: доклад И. А. Багмута (Киев) «Обогащение украинской общественно-политической лексики в советский период»; И. И. Мокряка (Кишинев) «Вопросы молдавской общественно-политической терминологии в переводах произведений классиков марксизма-ленинизма»; С. Г. Бережана (Кишинев) «Теоретические вопросы синонимии».

В четырех докладах, составляющих третью группу, вынесены на обсуждение различные аспекты проблемы славяно-молдавских языковых отношений³ (доклады Т. П. Ильяшенко (Кишинев), Н. Д. Раевского (Кишинев), М. А. Габинского (Кишинев), А. М. Дырула (Кишинев)).

В работе конференции, помимо непосредственных участников, а также сотруд-

ников Института языка и литературы АН МССР, приняли участие и представители других научных учреждений столицы Молдавии. В приездах по докладам выступил, в частности, доцент Кишиневского университета А. И. Чобану, ст. научн. сотр. Института педагогики Н. А. Корчинский и др.

В принятой конференцией резолюции отмечалась плодотворность совместных обсуждений основных вопросов развития языков народов СССР в различных республиках Советского Союза с участием представителей с мест, а также ведущих ученых из центральных научных учреждений страны; отмечалась также необходимость периодического созыва подобных конференций в соответствии с заранее разработанным научным советом по комплексной проблеме планом.

Материалы конференции решено опубликовать по частям в журнале «Лимба ши литература молдовеняскэ».

С. Г. Бережан (Кишинев)

С 29 мая по 3 июня 1967 г. в г. Горьком проходил Всесоюзный межвузовский симпозиум по прикладной математике и кибернетике. Симпозиум был организован Научно-исследовательским институтом прикладной математики и кибернетики при Горьковском гос. ун-те им. П. И. Лобачевского совместно с Институтом автоматки и телемеханики (технической кибернетики) АН СССР и другими исследовательскими центрами страны.

Одной из характерных особенностей симпозиума было широкое обсуждение лингвистических проблем. Вопросы теории и практики лингвистических исследований обсуждались на секции прикладной и математической лингвистики, а также часто затрагивались в той или иной форме и на других секциях. Например, М. Б. Игнатьев (Ленинград), Г. С. Кан (Ленинград), А. М. Погорельский (Ленинград) на секциях биокрибернетики рассказали об использовании методов математической лингвистики для описания структуры биологических систем управления движением. Разработанные грамматические правила со структурой из непосредственно составляющих позволяют построить модель системы управления движениями простейших представителей животного мира. Новейшие результаты, достигнутые в теории оптимального кодирования сообщения в случае нечетких геральтиностей, доложил на заседании секции математической логики и ее приложений В. И. Ливенштейн (Москва). На секции прикладной лингвистики было представлено около 20 докладов и сообщений, которые условно можно сгруппировать следующим образом: 1) теоретические проблемы об-

³ Эти вопросы уже давно находятся в центре внимания молдавских языковедов. Ряд конференций в Кишиневе вышел из печати второй том материалов, разрабатывающих данную тематику (см.: «Восточнославяно-молдавские языковые взаимосвязи», II, Кишинев, 1967). Та же проблематика обсуждалась, в частности, на кишиневской сессии, посвященной молдавско-русско-украинским языковым, литературным и фольклорным взаимосвязям (см.: ВЯ, 1964, 5, стр. 147—148) и на черновицкой межвузовской конференции «Славянские восточнославяно-восточнороманские языковые, литературные и фольклорные связи» (см.: ВЯ, 1967, 2, стр. 164—165).

щего языкознания; 2) автоматизация лексикографических работ, 3) лингвистические вопросы построения информационно-поисковых систем, оценка поисковых систем и различных способов индексирования.

Первый круг вопросов был наиболее широко представлен в докладах Б. Н. Головина (Горький) «К вопросу о вероятностно-статистическом понимании стилей языка и стилей речи» и Н. Д. Андреева (Ленинград) «Алгоритмическое моделирование языка на базе вероятностных дифференциальных признаков».

О практическом применении предложенной Б. Н. Головиным вероятностно-статистической методики говорилось в сообщении Л. А. Серебряковой (Горький). Вероятностно-статистическая методика применялась к изучению концентрации и особенностей функционирования различных форм русского глагола в трех типах речевых структур: в деловой речи, поэтической и речи драмы.

О дифференцирующем влиянии глагольных частот на индивидуальные, авторские речевые стили, о различных этого влияния для разных глагольных форм и классов глаголов говорилось в сообщении Б. Н. Головина и И. В. Урамбашева (Горький).

Н. Д. Андреев, исходя из понимания языка как кода, при помощи которого порождены сообщения, и из понимания речи как генеральной совокупности текстов (сообщений), предложил использовать в лингвистических исследованиях понятие вероятностного дифференциального признака (ВДП). Вероятностные характеристики некоторого набора языковых элементов (элементов кода), полученные на выборке достаточного объема, могут характеризоваться как вероятностные дифференциальные признаки в том случае, если они не свойственны другим наборам языковых элементов. Последовательное рассмотрение различных ВДП, организованное в алгоритм, используется для построения модели грамматики и лексики изучаемого языка.

В докладе Р. Ю. Кобрина (Горький) «Искусственные знаковые системы и естественный язык» была предпринята попытка рассмотреть некоторые вопросы семиотики.

Об организации машинного словаря, способного решать широкий круг лингвистических задач, рассказал В. В. Бородин (Горький).

Метод одновременного составления частотного словаря и конкорданции (словарного каталога) был предложен Э. Г. Киряк (Киев). Метод основан на представлении входного текста в виде совокупности непересекающихся классов по фиксированному набору признаков.

Вопросы автоматизации лексикографи-

ческих работ рассматривались также в докладах С. М. Козюкиной (Горький) «Статистическое изучение частотного словаря с помощью ЭВМ», В. В. Коноваловой (Горький) «Алгоритмы грамматической классификации слов», В. Д. Ромашова (Москва) «Автоматизация построения конкорданса на вычислительной машине „Урал-4“».

Третий круг вопросов, рассмотренных на лингвистической секции симпозиума, — языковой аспект работ по созданию систем для поиска информации — был представлен в докладах В. А. Аграева (Горький), Л. Н. Хромова (Москва), Т. Н. Дмитриевой (Москва), В. А. Майоровой (Горький), В. В. Фармаковского (Горький), Б. И. Вайсבלата (Горький).

В. А. Аграев (Горький) рассказал о практических работах по созданию отраслевой ИПС (информационно-поисковой системы), проводящихся в лаборатории семиотики Института прикладной математики и кибернетики при Горьковском ун-те.

Б. И. Вайсблат предложил в качестве одного из возможных подходов к формализации семантики использование частоты терминов как критерия для формирования дескрипторного образа текста. Докладчик рассказал об экспериментальной статистической ИПС, созданной студентами Отделения прикладной лингвистики Горьковского ун-та.

М. М. Шульц (Горький) рассказал о построенной теоретико-множественной модели ИПС дескрипторного типа, позволяющей анализировать (путем машинного эксперимента, а отчасти и теоретически) работу различных ИПС и выявить влияние особенностей их устройства на такие эксплуатационные характеристики, как коэффициенты полноты и точности.

В работе лингвистической секции приняли участие и специалисты-практики, работники горьковских и московских предприятий и центральных бюро технической информации. Естественно, что их в первую очередь интересовали вопросы создания эффективных систем поиска информации.

Работа симпозиума еще раз со всей ясностью показала, что без создания стройной лингвистической теории надеяться на скорое решение практических проблем, стоящих перед лингвистами и математиками, нельзя.

Р. Ю. Кобрина (Горький)

5—8 июня 1967 г. в Львове состоялось совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу, организованное Комиссией ОЛЯ при Международном институте славистов,

Институтом русского языка АН СССР, Львовским гос. ун-том им. И. Франко и Институтом общественных наук Львовского ун-та.

В совещании приняли участие представители научно-исследовательских институтов и вузов 23 городов Советского Союза, в частности Института русского языка АН СССР, Института славяноведения АН СССР, Института языкознания им. Я. Колоса АН БССР, Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР, Института общественных наук Львовского ун-та и ряда ун-тов и пед. ин-тов России, Украины, Белоруссии и Латвии.

На совещании было прослушано и обсуждено свыше 30 докладов и сообщений, а также была организована однодневная экспериментальная экспедиция участников совещания в одно из карпатских сел УССР с последующим обсуждением этого материала.

Доклады на совещании в основном касались двух теоретических проблем: 1) изучения лексико-семантических групп в славянских языках в связи с работой над ОЛА и 2) фонологического описания диалектной системы в связи с собиранием материала для ОЛА. Тезисы большинства докладов и сообщений опубликованы¹.

Первым на совещании был прослушан доклад председателя Международной комиссии ОЛА Р. И. Аванесова (Москва) «Итоги и перспективы работы над общеславянским лингвистическим атласом», в котором подробно освещалась история работы над ОЛА, современное состояние собирания материалов для ОЛА в Советском Союзе, а также перечислялись основные задачи.

Теоретические вопросы, связанные с изучением лексико-семантических групп, были поставлены в докладе Н. И. Толстого (Москва) «О некоторых лексико-семантических закономерностях в славянских языках». Докладчик ставит вопрос о возможности лексико-семантической типологии вообще и не только на материале языков разных систем, но и возможности типологических исследований близкородственных языков и диалектов. При этом автор считает возможным применение термина «сравнительно-типологический» в исследованиях близкородственных языков, имея в виду сравнение определенных систем или фрагментов этих систем, ведущееся по единой схеме соответствий. Такой подход требует выработки определенной модели. Для лексико-семантической типологии близкородственных языков и диалектов большую услугу оказывает лингвистическая география, которая регулирует языковой материал при построении общей модели.

Вопрос о возможности картографирования структуры микрополя был поставлен и конкретизирован в докладе О. Н. Моряховской (Москва) «Возможности картографирования структурных элементов лексико-семантической системы на материале диалектологического атласа русского языка». Опираясь на структурными единицами парадигматического плана, докладчик подчеркивает, что структурные элементы лексико-семантической системы нужно рассматривать в определенной иерархии. Вопрос о картографировании этих элементов в ОЛА ставится в зависимости от возможностей национальных атласов. Сделанная автором схема, представляющая набор семем лексемы *погода*, возникла в результате предварительного изучения круга вопросов, общих для вопросника ОЛА и национальной программы.

Этим вопросом посвящено и сообщение В. Е. Гольдина (Саратов) «К вопросу о соотношении структурно-семантических и неструктурных лексических различий», о котором рассматривались особенности строения соответственных лексико-семантических групп, а также различия в характере и степени расчлененности покрываемых лексемами семантических микрополей. Структурно-семантические различия поддаются изучению методом лингвистической географии и способны давать самостоятельные изоглоссы.

В значительном количестве докладов затрагивался вопрос о возможности типологического подхода к лексико-семантическим явлениям. Это доклад В. Ф. Козловой (Москва) «О словах со значением „скот“, „хлеб“, „имущество“», в котором автор подчеркивает, что типология лексико-семантического различия в языках различных типов может и должна изучаться в синхроническом и диахроническом планах, а также доклады Я. В. Загребской (Львов) «Лингвогеографический аспект при изучении отраслевой лексики (на материале народных названий растений)», И. А. Варченко (Киев) «Реалия, слово, семантика и их значение для характеристики отдельного говора» и сообщение О. Г. Гецовоной (Москва) «О выражении понятия времени».

Значительную группу составили доклады, в которых рассматривался конкретный материал, в большинстве случаев предусмотренный программой ОЛА: И. С. Козырев (Орел) «Некоторые русские и белорусские новообразования в составе лексико-семантических групп, обозначающих части тела», Ю. П. Чумаков (Горький) «Описание глагольной лексики, связанной с обработкой волокна в славянских языках», И. А. Попов (Ленинград) «Семантическое изменение слова „беседа“ в русских говорах

¹ «Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу», Львов, 1967.

и славянских языках», А. И. Лебедева (Ленинград) «Лексико-семантическая группа слов, образованных от корня жм (со значением «скупой человек»)», В. И. Чагишева (Ленинград) «О словах с корнем *дроб* в русских говорах», М. Ф. Семенова (Рига) «Лексика, связанная с рыбоводством, в русском старожильчьем говоре Латвийской ССР», И. С. Козырев «История названий дней недели в русском и белорусском языках», Н. А. Грицак (Ужгород) «Некоторые украинские названия флоры»

Народные названия рельефа в широком сравнительном плане рассматривались в докладах И. А. Дзедзелевского (Ужгород) «Из наблюдений над украинскими народными названиями гидрорельефа» и Г. П. Бондарук (Москва) «Изучение лексико-семантических групп названий рельефа в славянских языках»

Вопросу диалектной терминологической лексики посвятила свое сообщение Т. С. Коготкова (Москва) «О соотношении общелитературной и диалектной терминологии в русском языке». Адаптации заимствованных из литературного языка слов и вопросам взаимодействия двух систем было посвящено сообщение Г. Н. Симиной (Ленинград) «Литературная лексика в системе диалекта (на материалах современных говоров Нижнего)». Внепрограммными дополнениями группы лексико-семантических докладов были сообщения И. Д. Сухомлина (Днепропетровск) и В. Н. Богданова (Горно-Алтайск). Взаимосвязи отдельных явлений лексико-семантического уровня с явлениями других уровней языка было посвящено сообщение В. И. Добоша (Ужгород) «Зависимость синтаксического функционирования слов от их лексико-семантических разрядов (на материале южнокарпатских украинских говоров)».

Значительное количество докладов освещали вопросы фонетики и фонологии. В докладе Л. И. Баранниковой (Саратов) «К вопросу об устойчивых и изменчивых элементах диалектных фонетических систем» был поставлен вопрос о взаимодействии диалектной системы с системой литературно-нормированной речи, при котором диалектная система оказывается слабым членом, подвергающимся значительным изменениям во всех звеньях. При этом вся языковая действительность оказывает лишь опосредственное влияние на диалектные фонетические системы.

Фонологической структуре слова в славянских языках посвятила свой доклад С. М. Голстая (Москва). На богатом материале славянских языков обосновывается положение о том, что дистрибутивные различия между центральными

и маргинальными комплексами слова относятся за счет фонологических свойств слова как целого. В результате наблюдений над сочетаемостью различных типов слогов автор высказывает интересные соображения о преобладании тех или других типов слогов, различных для начала, середины и конца слова.

В докладе Ф. Т. Жилко (Киев) «Некоторые фонологические особенности говоров украинского языка в связи с собиранием материалов для общеславянского лингвистического атласа» поднят важный в теоретическом и практическом плане вопрос фиксации звуковых явлений украинского языка на субфонемном уровне в условиях нейтрализации (синтагматического отождествления фонем): вокализма в безударной позиции, ассимиляции гласных среднего подъема и оппозиции глухость : звонкость в конце слова и на морфемных стыках; эти случаи вызывают значительные трудности при их записи.

Большой теоретический и практический интерес вызвали доклады С. К. Пожарицкой (Москва) «Опыт описания фонологической системы говора на материале ОЛА» и В. Т. Назаровой «Фонологическое описание говора в районе языковых (диалектных) контактов (в связи с работой над ОЛА)». Выполненные докладчиками рекомендации и схемы фонологического описания разных по своему характеру говоров в дальнейшем значительно облегчат работу эксплораторов не только при фиксации, но и при фонологической интерпретации звукового материала, которая является обязательным приложением к программным записям из соответствующего населенного пункта.

Вопросам конкретного изучения звуковых особенностей отдельных групп говоров, исходя из необходимости фонологического их описания, были посвящены доклады Н. Т. Войтович (Минск) «Описание частной фонетической системы в связи с собиранием материала для ОЛА»; А. Н. Залесского (Киев) «Фонематическая интерпретация отдельных явлений вокализма юго-западных говоров украинского языка»; сообщения Т. В. Поповой (Москва) «Из опыта работы над Карпатским диалектологическим атласом» и В. С. Черняк (Львов) «К вопросу о консонантной системе бойковских говоров».

При обсуждении докладов развернулись оживленные прения.

Подводя итоги совещания, Р. Н. Аванесов отметил, что прототип лексико-семантической типологии и фонологического описания важен для дальнейшего развития работ над ОЛА.

Объем фонологического описания не должен быть слишком широким, а само описание — сложным. Примерные схемы

фонологического описания должны быть составлены только с учетом наиболее существенного материала.

Львовское совещание по общеславянскому лингвистическому атласу свидетельствует о том, что в работу над ОЛА втягивается все больший круг специалистов.

Я. В. Закревская (Львов)

13—15 июня 1967 г. в Москве в Институте языкознания АН СССР состоялся симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. В работе которого приняли участие тюркологи Москвы, Ленинграда, Азербайджана, Башкирии, Казахстана, Киргизии, Туркмении, Узбекистана, Чувашии, Якутии.

Заседание симпозиума открыл директор Института языкознания АН СССР Ф. П. Филин. Во вступительном слове зав. сектором тюркских языков ИЯ АН СССР Э. Р. Тенишева отмечалось, что хотя состояние изученности всех современных тюркских языков с фронтально ведущимися описательными работами по этим языкам в разных аспектах позволяет вести широкие сравнительные исследования, советская тюркология все еще продолжает отставать в области сравнительных и сравнительно-исторических исследований. Сравнительная грамматика тюркских языков — в планах работ сектора тюркских языков. Для разработки же сравнительно-исторической грамматики тюркских языков необходимы исторические исследования по большинству отдельных тюркских языков, что сопряжено с объективными трудностями: многие из этих языков не имеют письменных памятников, а ряд языков был вплоть до Октябрьской революции бесписьменным. Э. Р. Тенишев подчеркнул необходимость координации работы тюркологов, необходимость систематических съездов и совещаний, на которых ставились бы кардинальные вопросы истории тюркских языков.

На заседаниях симпозиума было прослушано 18 докладов по вопросам сравнительно-исторического и исторического синтаксиса и грамматики, а также языкового описания письменных памятников, относящихся к истории того или иного тюркского языка. А. Н. Кононов (Ленинград) в докладе «Некоторые проблемы исторического синтаксиса тюркских языков», посвященном вопросам сложного предложения и прежде всего — проблеме сложноподчиненного бессоюзного предложения, определил сложное предложение как дву- (и более) составный комплекс, каждая часть которого граммати-

чески имеет структуру предложения, что в первую очередь определяется формой сказуемого. При таком понимании полностью исключается рассмотрение глагольно-именной конструкции в качестве центра подчиненной (придаточной) части сложного предложения; в то же время признается, что причастие и дееспричастие в различных языках в разные периоды их развития могут функционировать то как центр оборота, то как сказуемое придаточного предложения. Отметив, что критерия сложного предложения, общего и единого для всех языков и для всех периодов развития языков, не может быть, А. Н. Кононов указал на необходимость учитывать изменчивость функций и значений одних и тех же глагольных форм в разные периоды истории языка.

Доклады Н. З. Гаджиевой (Москва) «Приемы сравнительно-исторического анализа на материале синтаксиса тюркских языков», М. Ш. Рагимова (Баку) «О принципах разработки сравнительно-исторической грамматики тюркских языков», Ф. С. Фасеева (Казань) «О некоторых аспектах историко-лингвистического изучения тюркских языков» посвящены вопросам методики исследования.

Усматривая опору сравнительно-исторического анализа синтаксиса в особенностях агглютинативного строя тюркских языков, в зависимости синтаксических изменений от морфологического типа языка, Н. З. Гаджиева выдвинула в качестве основного прием синтаксической реконструкции, подчеркнув при этом существенные отличия его от морфологической реконструкции, при которой, как известно, не подразумевается реконструкция строевых элементов архетипа. Применение этого основного приема позволит создать архетипы, т.е. осуществить достижимую реконструкцию первоначального облика синтаксических конструкций, путем обращения к исторически засвидетельствованным конструкциям и восстановления их общетюркской основы; дальнейшую цель своего анализа Н. З. Гаджиева видит в выявлении последующего самостоятельного развития такой конструкции в различных группах языков, в определении тенденции развития, норм грамматических способов выражения различных синтаксических отношений по направлению к современности.

М. Ш. Рагимов, видя основу сравнительно-исторической грамматики тюркских языков в исследованиях истории отдельных тюркских языков, полагает, что историческая грамматика конкретного тюркского языка не может ограничиваться описаниями языковых особенностей отдельных письменных памятников, а должна в строго диахроническом

и сравнительно-историческом плане предлагать историческое развитие всех грамматических категорий, выяснять специфические особенности развития данного языка, как и общие моменты в истории становления изучаемого языка, для чего необходимо привлекать данные других тюркских языков. М. Ш. Рагимов предложил создать координирующий орган для выработки единого плана-проекта исторической грамматики конкретных тюркских языков.

В. В. Решетов (Ташкент) в докладе «О роли диалектных данных в сравнительно-историческом изучении тюркских языков» показал, что в ряде случаев (особенно для языков, не имевших до Октябрьской революции письменности) диалектные данные являются единственным источником при изучении тюркских языков в сравнительно-историческом плане. Он предложил вести сравнительно-исторические изыскания по грамматике тюркских языков Средней Азии и Казахстана в трех направлениях, для чего дают надлежащий языковой материал кыпчакская, огузская и карлукская родоплеменные языковые системы, явившиеся подножью в истории формирования среднеазиатских тюркских языков.

Доклады Э. В. Севортяна (Москва) «Литературные памятники армянского языка — источник по истории тюркских языков», Г. А. Йдарова (Алма-Ата) «Словообразование в языке орхон-енисейской письменности» и Т. М. Гарипова (Уфа) «К установлению морфемного состава лексики старотюркских письменных памятников Башкирии» посвящены исследованию письменных памятников, имеющих значение для истории тех или иных языков.

Э. В. Севортян, отметив, что в результате многовековых контактов армянского народа с тюрками в произведении средневековых армянских писателей оказались включены некоторые южнотюркские лексические и грамматические формы, подробно остановился на грамматических и фонетических явлениях, отражающих тюркскую диалектную речь Восточной Анатолии, в сочинениях Ованнеса Ерзнкаци (XIII в.).

Т. М. Гарипов изложил результаты текстологического анализа булгарских эпиграфий (XIII—XIV вв. н. э.), кыпчакских надписей (с XIV в. н. э.) и документов на языке «тюрк» (XVII—XIX вв. н. э.), локализуемых в пределах Урало-Поволжья. Сравнивая морфологические характеристики языков памятников и современных тюркских языков этого ареала (прежде всего башкирского, татарского и отчасти — чувашского, а также казахского), он сделал вывод о длительности самостоятельного существования и о тесном взаимодействии рассматриваемых языков в их прошлом.

Г. П. Мельников (Москва) в докладе «Генетические связи тюркских языков» с позицией системной лингвистики показал уязвимость алтайской гипотезы, поставив в то же время под сомнение и критику этой гипотезы: он считает, что алтайские языки действительно находятся в генетическом родстве, однако степень этого родства не больше, чем между алтайскими и уральскими языками.

Содержание коллективного доклада Дж. Г. Киекбаева, Н. Х. Ишбулатова, К. Э. Ахмерова и А. М. Азнабаева (Уфа) «О применении метода структурной лингвистики в сравнительно-исторической грамматике тюркских и других алтайских языков» изложил Дж. Г. Киекбаев. В докладе и в представленных на обсуждение симпозиума «Программе курса исторической грамматики башкирского и татарского языков» (Уфа, 1967), «Программе курса введения в урало-алтайское языкознание» (Уфа, 1967), «Программе курса сравнительной грамматики тюркских языков» (Уфа, 1967) постулируется положение о том, что алтайские языки вместе с уральскими составляют единую систему; следовательно, общая структурная модель образования грамматических форм тюркских, равно как и других урало-алтайских языков, может быть построена путем тотального сравнения фактов всех урало-алтайских языков. В своих утверждениях докладчики опираются на развиваемую Дж. Г. Киекбаевым теорию определенности-неопределенности, которая пока не получила полного подтверждения на материале многих тюркских языков (критика этой теории, как и положений коллективного доклада прозвучала в выступлениях Г. Д. Санжеева, М. Ш. Рагимова, А. Рустамова и др.)

Попытку выявить зону наиболее интенсивного воздействия алтайской и уральской языковых типологий на основе анализа обширного языкового материала сделала Г. Ф. Благова (Москва) в докладе «Плеонастическое использование аффиксов в тюркских языках в историческом освещении». Интерпретировал действующий в тюркских языках наряду с приемом так называемой «разумной экономии аффиксов» механизм нанизывания в пределах одной словоформы двух показателей одной и той же грамматической категории, она связывает с намеченной зоной, прежде всего, повторное использование надежных окончаний и лежащее в его основе «двойное склонение», типологическая изоглосса которого охватывает как алтайские, так и уральские языки; в тюркских языках надежные плеоназмы ограничены соприкасающимися ареалами — теми, один из которых территориально или исторически тяготеет к Алтаю, а другой контактирует с уральской языковой областью.

Рассмотрению отдельных вопросов грамматики современных тюркских языков посвящен доклад А. Т. К а й д а р о в а (Алма-Ата) «Различные способы выражения грамматических отношений в уйгурском и казахском языках», где на ряде морфологических и синтаксических конструкций продемонстрирована различная типология двух близкородственных языков (особенно наглядно — в использовании местного падежа в уйгурском языке в функции творительного падежа).

Ряд докладов был посвящен проблемам происхождения отдельных грамматических форм.

Н. А. Б а с к а к о в (Москва) в докладе «Формы повелительно-желательного наклонения в тюркских языках, их происхождение и развитие» продемонстрировал многообразие формантов повелительно-желательного наклонения и сделал попытку вскрыть их происхождение и, в частности, обосновать генетическое единство разнообразных фонетических вариантов в оформлении 1-го лица ед. и мн. чисел этого наклонения по различным тюркским языкам.

Э. Р. Т е н и ш е в в докладе «К истории тюркского условного наклонения» возводит показатель условного наклонения *-sa/-sā* к форманту *-sar/-sār*, функционировавшему в орхон-енисейских (VI—VIII вв.) и древнеуйгурских письменных памятниках (X—XIII вв.). В рунический период условная форма не имела личных окончаний, в уйгурский период личными показателями являлись аффиксы сказуемости (именно эта степень развития условного наклонения законсервирована в якутской форме на *-tar*, в качестве личных показателей имеющей аффиксы сказуемости). В последующие периоды — караханидско-уйгурский (XI в.), хорезмский (XIV—XV вв.) и чагатайский (XV—XIX вв.) — существовали два вида условной парадигмы с формантами *-sa/-sā*: один — с аффиксами сказуемости, другой — с аффиксами принадлежности. В дальнейшем аффиксы сказуемости в парадигме условного наклонения были полностью вытеснены аффиксами принадлежности.

Б. А. С е р е б р е н н и к о в (Москва) в докладе «К проблеме происхождения двух типов личных глагольных окончаний в тюркских языках» предложил новый аспект решения этой издавна дискутируемой проблемы. Развивая идею П. Равила о том, что обозначение прошедшего времени в тюркских языках было вообще ассоциировано с именем действия, докладчик считает, что отглагольное имя на *-yt/-yt* отражало особенности архаического мышления, когда прошедшее время ассоциировалось с результатом действия, а не с фактом его наличия в плане прошлого.

Подтверждению именного характера тюркских глаголов был посвящен доклад У. Ш. Б а й ч у р ы (Ленинград) «Замечания к истории некоторых форм глагола в тюркских языках», в котором также обсуждению подверглись положения, выдвинутые Б. А. Серебренниковым.

С докладом «О происхождении аффиксов повелительного залога» выступила А. К. Х а с е н о в а (Алма-Ата).

И. П. П а в л о в (Чебоксары) в докладе «К вопросу о происхождении аффиксов комитатива в чувашском языке», рассмотрев все фонетические и семантические данные чувашского языка в этой области и выявив неодинаковую дистрибуцию аффиксов комитатива среди показателей других грамматических категорий в словоформе, пришел к выводу, что аффиксы комитатива восходит не только к послелогам *билэн* и *б[и]лэ*, но и к соединительному союзу *ва*.

Интересные наблюдения доложены Э. Б. М у х а м е д о в о й (Ашхабад) в докладе «Особенности числительных, употребляемых в детской считалке при игре в „Хенгал“»: числительные 8 и 9 в этих архаических считалках имеют форму *сәккер* и *тәккар*, перекликаясь с соответствующими чувашскими числительными; 10, по ее предположению, обозначает здесь слово *мер*, а это позволило ей выдвинуть новую гипотезу о происхождении числительных 20 (*йигырч/йигирме* < *икер + *мер*), 30 (*итуз* < **ит/ич/ит,ит* + [и] *еэ*), 60.

Итоги дискуссии подвела Е. И. У б р я т о в а (Новосибирск), призвавшая широко развернуть сравнительные и сравнительно-исторические исследования.

Участники симпозиума высказались за создание координационного центра по тюркологии при ИЯ АН СССР или при Отделении литературы и языка АН СССР.

Р. Ф. Т а р а с е н к о (Москва)

21—24 июня 1967 г. в Минском гос. пед. ин-те иностранных языков проходила работа III Всесоюзной конференции по романскому языкознанию, посвященная проблемам диахронии в изучении романских языков. Наряду с романистами Советского Союза в конференции принимали участие ученые из Венгрии, Болгарии, ГДР, Польши. Всего на конференции было прослушано 63 доклада, в обсуждении которых участвовало более 80 специалистов.

Одной из центральных проблем сравнительно-исторической романистики является проблема классификации романских языков, отражающей их родственные связи и историческое взаимодействие. Этим вопросам были специально посвящены доклады О. К. В а с и л ь е в о й-

Шведе (Ленинград), С. Е. Высоцкого (Москва) и М. А. Бородиной (Ленинград).

Решение проблем генеалогической классификации романских языков невозможно без глубокого изучения взаимодействия диалектов народной латыни и ее периодизации. О спорных вопросах в этой области говорили в своих докладах О. А. Домбровский (Львов), В. Б. Шеметлло (Ленинград), А. В. Широкова (Минск).

Изучение латинских памятников, отражающих народно-разговорную речь, помогает решению не только общих вопросов сравнительно-исторической романистики, но и дает конкретный материал при изучении частных проблем исторической грамматики романских языков. Эти специальные вопросы, на основе анализа языка Вульгаты, были рассмотрены в докладе В. Б. Шеметлло (Ленинград), показавшей на примере изучения средств выражения модальных значений плодотворность сопоставления латинского текста с соответствующими переводами на старороманские языки. Специально лингвистическим проблемам средневекового перевода позднелатинского текста на старороманские языки был посвящен доклад Г. М. Щорбы (Ленинград). К этому же кругу вопросов примыкает доклад А. Б. Черняка (Ленинград) «Об инверсионной форме сложного прошедшего в поздней латыни и романских языках». В некоторых докладах излагались результаты текстологической работы на материале средневековых рукописей (латинских и романских). Среди них особое место занимает своеобразный доклад М. Ф. Мурьянова (Ленинград), посвященный филологическому анализу текстов (в сравнении с иконографическими данными), отражающих распространение культа Андрея Первозванного из восточных районов романского мира (с территории Византии) в области, занятые западнороманскими народами, и на северо-запад, за пределы Романши. Важность учета этих историко-культурных сведений для романского языкознания была отмечена в ряде выступлений.

Многие доклады касались изучения общероманских процессов, происшедших намного позже распада общероманского праязыка и обособления романских языков. В каждом из романских языков, испытавших общему большинству других романских языков изменения, такие изменения всегда имели ряд специфических черт, свойственных только данному языку. О специфике прохождения дифференциации в разных романских языках говорилось в докладе Л. Н. Сычевой (Волгоград), о других особенностях в развитии фонологических характеристик вокализма — в докладе Н. А. Шигаревской (Ленинград).

О специфике палатализации губных огласных в восточнороманских языках в связи с проблемой балканского языкового союза говорилось в докладе С. П. Николаевой (Ленинград). В области исторической грамматики подобные общероманские процессы в отдельных романских языках были исследованы в докладах А. Л. Афанасьевой (Ленинград), М. И. Берлин и А. Н. Степановой (Минск), М. А. Бородиной, Е. Е. Корди, В. Малышева и А. А. Смольевского (Ленинград), М. А. Габинского (Кишинев), А. М. Дырула (Кишинев), З. Н. Левита (Минск), Т. А. Репиной (Ленинград), Н. Ф. Самусенко (Днепропетровск), Л. М. Скредлиной (Минск) и др. В исследованиях такого характера большое значение приобретал вопрос о методе и конкретных приемах исследования (что особенно подчеркивалось М. А. Габинским, Л. М. Скредлиной, Н. А. Шигаревской и др.).

Из общероманских процессов в области лексикологии особое внимание на конференции уделялось проблеме книжных латинских заимствований и специфике так называемой «ероманизации» в разных романских языках [доклады Л. Гальди (Будапешт), З. В. Гуконской (Ленинград), И. А. Короленко (Ленинград), И. А. Цыбовой (Москва), Т. Томова (София)].

Ряд докладов был посвящен вопросам исторической грамматики и лексикологии отдельных романских языков: французского (И. В. Барышева, Ленинград; И. А. Боевец, Ленинград; Е. Б. Ройзенберг, Москва, и др.), испанского (Э. Ф. Бубновская, Ленинград; А. М. Гитлиц, Ленинград; А. В. Супрун, Москва, и др.), итальянского (Х. М. Гойдо, Челябинск), румынского и молдавского (А. И. Чобану, Кишинев, и др.). Ряд докладов опирался на материал исследования таких языков, как португальский (Е. М. Вольф, Москва), сефардский (М. А. Габинский), рето-романский (М. А. Бородина и др.), мегленороманский (О. С. Широков, Минск). В прениях была отмечена важность для общей романистики изучения языков, данные которых еще недостаточно привлекались для сравнительно-исторических исследований. Особое значение приобретает изучение изолированных диалектов [доклад Р. Я. Удлера (Кишинев) об островных молдавских говорах, Е. А. Реферовской (Ленинград) об особенностях французского языка Канады]. Большое значение для изучения проблем диахронии романских языков имеет исследование связей романских языков с языками других групп. Выяв-

лению фракийского и дакийского субстрата в восточнороманских языках были посвящены доклады А. П. Семашко (Запорожье) и В. П. Нерознака (Ленинград), вопросам славяно-романских связей — доклад И. Петканова (София).

Ряд докладов и выступлений поднимал на материале романских языков общетеоретические вопросы. Таковы доклады Н. Д. Арутюновой (Москва), М. С. Гурьчевой (Москва), В. А. Лисицкого (Воронеж), А. П. Евдошенко (Кишинев), Е. Б. Ройзенблит.

На конференции был прочитан доклад В. Мачака (Краков) «Нерегулярное фонетическое развитие в романских языках, вызванное частотой употребления». Та же тематика была освещена в докладе В. В. Макарова, Л. А. Новак (Минск) и Р. Г. Пиотровского (Ленинград) «Статистико-информационные оценки родства языков».

В результате всестороннего обсуждения докладов конференция приняла решение, отметившее, в частности, определенные успехи в исследовании актуальных вопросов романского языкознания — проблем диахронии в изучении романских

языков. Вместе с тем конференция констатировала еще недостаточную работу отдельных областей романского языкознания, в особенности сравнительно-исторического изучения романских языков. Отмечая необходимость усиления работы в этом направлении, конференция рекомендовала сектору романских языков Института языкознания АН СССР начать подготовку к написанию многотомной «Сравнительно-исторической грамматики романских языков». Особое внимание конференция рекомендовала уделить исследованию малоизученных романских языков (каталанского, провансальского, гансийского, ретороманского, сардинского, истро-румынского, сефардского и др.), в том числе исчезающих языков и изолированных диалектов, носители которых частично проживают на территории Советского Союза (арумынский, мегленороманский, итальянские говоры в Крыму).

Конференция постановила следующую, IV всесоюзную конференцию по романскому языкознанию провести в 1970 г. в г. Львове.

О. С. Широков
(Минск)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ И БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Приводимый список подтверждает получение посланных в редакцию книг. Редакция благодарит издательства и авторов, направивших книги в адрес журнала «Вопросы языкознания». Редакция сообщает, что она не может гарантировать рецензирование всех присланных книг. Рецензии помещаются в зависимости от возможностей и от профиля журнала, два экземпляра оттисков рецензии высылаются издателям или авторам. Присланные книги не возвращаются.

- Anzeiger für slavische Philologie. I — Wiesbaden, 1966. 215 стр.
 Computation in linguistics. — Bloomington and London, 1966. 330 стр.
 Československá rusistika. XI, 4. 1966. Стр. 193—260; XII, 1. 1967. стр. 1—64.
 Jazykovédné aktuality. IV. 1966. 33 стр.
 Język polski. XLVI, 4—5. 1966. Стр. 245—392; XLVII, 1. 1967. Стр. 1—80.
 Revue roumaine de linguistique. XI, 3—6. 1966. Стр. 218—610.
 Slavia orientalis. XV, 3—4. 1966. Стр. 269—492; XVI, 1. 1967. Стр. 1—79.
 Slovo a slovesnost. XXVIII, 1. 1967. Стр. 1—112.
 Studia językoznawcze poświęcone profesorowi doktorowi Stanisławowi Rospondowi. — Wrocław, 1966. 466 стр.
 Studia slavica. XIII, 1—2. 1967. Стр. 1—164.
 Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. 6. 1967. 265 стр.
 Zpravodaj místopisné komise ČSAV. VII, 4—5. 1966. Стр. 219—379.
 С. М. Бурднн, А. А. В радлй, Е. Ш. М и р о ч н и к. Старославянский язык. — Ташкент, 1966. 271 стр.
 Ю. О. Ж л у к т е н к о, Мовні контакти (Проблеми інтерлінгвістики). — Київ, 1966. 134 стр.
 А. В. С у д е р а н с к а я. Ударение в собственных именах в современном русском языке. — Москва, 1966, 359 стр.
 Н. А. Ц о м а к и о н. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. — Красноярск, 1966. 493 стр.
 Ф. М. Я н к о в с к и й. Белорусское литературное произношение. — Минск, 1966. 90 стр. (на белор. яз.).
 M. A d a m u s. Phonemtheorie und das deutsche Phoneminventar (zur Typologie der germanischen Sprachen). — Wrocław, 1967. 190 стр.
 E. B e n v e n i s t e, Titres et noms propres en iranien ancien. — Paris, 1966, 132 стр.
 A. B o g u s ł a w s k i. Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim. — Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966. 279 стр.
 N. C h o m s k y. Topics in the theory of generative grammar. — The Hague — Paris, 1966. 95 стр.
 J. G o ł a s k i. Opracowanie nazw na mapach wielkoskalowych (Toponomastyka kartograficzna). — Warszawa, 1967. 183 стр.
 J. E c k m a n n. Chagatay manual. — The Hague — Indiana University, 1966, 340 стр.
 I. F o d o r. The problems in the classification of the African languages. — Budapest, 1966, 153 стр.
 J K a c h r i. An introduction to Hindi syntax. — Illinois, 1966, 230 стр.
 T. F. M a g n e r. A Zagreb Kajkavian dialect. — Pennsylvania, 1966, 112 стр.
 J. P a t e r n o s t. Slovenian-English glossary of linguistic terms. — The Pennsylvania State University, 1966. 339 стр.
 L. R e h á č e k. Sémantika a syntax infinitivu v současném polském spisovném jazyce. — Praha, 1966, 197 стр.
 H. P é t e r. Bevezetés az uráli nyelvtudományba. — Budapest, 1966, 180 стр.
 Chr. S. S t a n g. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. — Oslo — Bergen — Tromsø, 1966, 484 стр.
 E. V é r t e s. Die ostjakischen Pronomina. — Budapest, 1967. 272 стр.

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»
В 1957 г. (№№ 1—6)**

ПЕРЕДОВАЯ

Развитие языкознания в Советском Союзе за 50 лет	5

СТАТЬИ

Брозович Д.— Славянские стандартные языки и сравнительный метод	1
Виноградов В. В., Костомаров В. Г. — Теория советского языкознания и практика обучения русскому языку иностранцев	2
Докулид М.— К вопросу о морфологической категории	6
Жирмунский В. М.— Памяти академика И. И. Мещанинова	3
<u>Мещанинов И. И.</u> — Примыкание в различных синтаксических системах	3

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Баскаков Н. А.— О современном состоянии и дальнейшем совершенствовании алфавита для тюркских языков народов СССР	5
Бауэр Я.— К развитию относительных придаточных предложений в славянских языках	5
Бондарко А. В.— К проблематике функционально-семантических категорий (Глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке)	2
Бондарко Л. В.— Структура слога и характеристика фонем	1
Булыгина Т. В.— О некоторых аналогиях в соотношении семантических и звуковых единиц	5
Гальди Л.— Личность поэта и техника стиха	3
Гаспаров М. Л.— Ямб и хорей советских поэтов и проблема эволюции русского стиха	3
Гаузенблас К.— К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования	5
Горнунг Б. В.— Об основном принципе русского правописания	2
Грепель М.— К сущности типов предложений в славянских языках	5
Григорьев В. И.— Модуляционная природа речи и дифференциальные признаки фонем	1
Кржижкова Е.— Адвербиальная детерминация со значением места и направления (опыт трансформационного анализа)	2
Лосев А. Ф.— Логическая характеристика методов структуральной типологии	1
Мистрик Й.— Математико-статистические методы в стилистике	3
Москович В. А.— Глубина и длина слов в естественных языках	6
Поспелов Е. М.— Картографирование как метод исследования субстратной топонимики	1
Рамат П.— Мысли о североморгерманской проблеме	6
Сорокин Ю. С.— О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка	5
Фидли Ф. П.— Некоторые проблемы славянского этно- и глоттогенеза	3
Чешко Е. В.— Система падежей древнеболгарского языка	2
Швейцер А. Д.— Различия в лексике американского и британского вариантов современного литературного английского языка	2
Щербак А. М.— О происхождении первичных долгих гласных в тюркских языках	6

Обсуждение проблем общей и славянской этимологии

Барцц Г.— Современное состояние исследований лексики венгерского языка	4
Безлай Ф.— Опыт работы над словенским этимологическим словарем	4
Варбот Ж. Ж.— О словообразовательной структуре этимологических гнезд	4
Макаев Э. А.— Реконструкция индоевропейского этимона	4
Семереньи О.— Славянская этимология на индоевропейском фоне	4
Славский Ф.— Из опыта работы над этимологическим словарем польского языка	4
Трубачев О. Н.— Работа над этимологическим словарем славянских языков	4

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Вейхман Г. А.— О двусоставных безглагольных предложениях	3
Витов М. В.— Севернорусская топонимия XV — XVIII вв.	4
Зайончковский А.— К изучению средневековых памятников тюркской письменности (XI — XVI вв.)	6
Золотова Г. А.— О структуре простого предложения в русском языке	6
Клеменсевич З.— Стрoение подлежащего и сказуемого в польском простом предложении	5
Климов Г. А.— К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности	3
Корнилов Г. Е.— О типах топонимов в агглютинативных языках	1
Кубрякова Е. С.— К вопросу о пространственном моделировании лингвистических систем	2
Курилович Е.— К вопросу о восточнобалтийских дифтонгах <i>ai, ei</i>	6
Либерман А. С.— Общегерманское /h/ и некоторые закономерности звуковых изменений	1
Никонов В. А.— Личные имена в современной России	6
Орлов Ю. М., Журавлев А. П.— Опыт психометрической оценки смысловых расстояний между трансформами	5
Перельмутер Н. А.— О первоначальной функции индоевропейского перфекта	1
Раевский М. В.— Древневерхнегерманский переход $\beta > d$ в свете диахронической фонологии	2
Серкова Н. И.— О некоторых вопросах функциональной перспективы предложения в терминах «сверхфразовых единств»	3
Степанова М. Д.— Вопросы лексико-грамматического тождества (На материале современного немецкого языка)	2
Тарлинская М. Г.— Акцентные особенности английского syllabотонического стиха	3
Тихонов А. Н.— О семантической соотносительности производящих и производных основ	1
Успенский Б. А.— Одна архаическая система церковнославянского произношения (литургическое произношение старообрядцев-беспоповцев)	6

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Левин Ю. И.— О количественных характеристиках распределения символов в тексте	6
Творогов О. В.— О применении частотных словарей в исторической лексикологии русского языка	2

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Верещагин Е. М.— Психолингвистическая проблематика теории языковых контактов	6
Жуков В. П.— Изучение русской фразеологии в отечественном языковедении последних лет	5
Лаптева О. А.— Изучение русской разговорной речи в отечественном языковедении последних лет	1
Севертян Э. В.— Тюркологическая работа в Турции	4
Филичева Н. И.— Понятие синтаксической валентности в работах зарубежных лингвистов	2

Рецензии

А р у т ю н о в а Н. Д., В о л ь ф Е. М. — «Actes du X Congrès international de linguistique et philologie romanes». I—III	6
А х м а н о в а О. С. — «The use of computers in anthropology»	3
А х м а н о в а О. С. — <i>W. Labov. The social stratification of English in New York City</i>	6
А ш у к и н а М. Г. — А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода	4
Б о р о д и н а М. А. — Об общероманском периоде	3
Б у л а х о в с к и й Л. А. — С. П. Бевзенко. Исторична морфология української мови	5
Г а м к р е л и д з е Т. В., Х а р а ш А. У. — «Общее языковедение. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1964 г.», «Структурное и прикладное языковедение. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г.»	5
И т к о н е н Э. — В. И. Лыткин. Исторический вокализм пермских языков	1
К а р п и н с к а я О. Г. — А. М. Schenker. Polish declension	1
К о с т о м а р о в В. Г., К о с т р о м я н а Н. В. — Н. Н. Прокопович. Слово-сочетание в современном русском литературном языке	5
К р а у з е В. — Э. А. Макаев. Язык древнейших рунических надписей	2
К р ж и ж к о в а Е. — «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.»	1
Л ы т к и н В. И. — А. Kovsi M. A permi nyelvek ősi képzői	4
М а к о в с к и й М. М. — А. J. Greimas. Sémantique structurale	5
М а к о в с к и й М. М. — Н. Schabram. Superbia. Studien zum altenglischen Wortschatz. I	2
О в с и е н к о Ю. Г. — N. P. Vakar. A word count of spoken Russian	6
П о с п е л о в Е. М. — «Russisches geographisches Namenbuch»	4
Р е з и н И. И. — Две книги, посвященные грамматической правильности	2
Т о л с т о я С. М. Новые издания	2
Т о л с т о я Н. И. — Новые издания	4
Х а р с е к и н А. И. — M. Fowler, R. G. Wolfe. Materials for the study of the Et- ruscan language. I—II	3
Ш е в о р о ш к и н В. В. — L. Zgusta. Kleinasiatische Personennamen	4
Щ е р б а к А. М. — А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках	1
Ю л д а ш е в А. А. — Новые академические полные тюркско-русские словари	5

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Б е л е н ь к а я В. Д., С у п е р а н с к а я А. В. — Современное состояние ономастики как науки	4
М а к с у т о в а Н. Х. — Языковедение в Башкирии	5
Н у р м Э. Ю., У н и в е р е А. Я., Л а а н е с т А. Х. — Языковедение в Эс- тонии за последние годы	5
С а м с о н о в Н. Г., С л е п ц о в П. А., Ч е р о с о в М. А. — Языковедение в Якутии	3
Х р о н и к а л ь н ы е з а м е т к и	1—6
Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию	1

Опечатка в журнале «Вопросы языковедения», № 5, 1967

напечатано следует читать

стр. 150 в строке снизу славянской романской

CONTENTS

Articles: M. D o k u l i l (Prague). On the problem of morphological categories; Discussions: V. A. M o s k o v i ċ (Moscow). On the depth and length of words in natural languages; A. A. Š ċ e r b a k (Leningrad). The origin of primary long vowels in the Turkic languages; P. R a m a t (Cagliari, Italy) Thoughts on the North-Sea Germanic; Materials and notes: J. K u r y ł o w i c z (Krakow). On the problem of East-Baltic diphthongs *ai, ei*; B. A. U s p e n s k i j (Moscow). Concerning one archaic system of Old Church Slavonic pronunciation (liturgical pronunciation of old believers); A. Z a j o n c z k o w s k i (Warsaw). The study of medieval monuments of Turkic written languages; G. A. Z o l o t o v a (Moscow). The structure of the simple sentence in Russian; V. A. N i k o n o v (Moscow). Personal names in modern Russia; Applied and mathematical linguistics: Y. I. L e v i n (Moscow). On the quantitative characteristics of symbol-distribution in the text; Critics and bibliography; Scientific life.

SOMMAIRE

Articles: D. D o k u l i l (Prague). Sur le problème de catégorie morphologique; Discussions: V. A. M o s k o v i ċ (Moscou). Sur la profondeur et la longueur du mot dans les langues naturelles; A. M. Š ċ e r b a k (Leningrad). L'origine des voyelles longues primaires dans les langues turciques; P. R a m a t (Cagliari, Italie). Pensées sur le germanique de Mer du Nord (Nordseeermanisch); Matériaux et notices: J. K u r y ł o w i c z (Cracovie). Sur le problème de diphthongues *ai, ei* dans le baltique d'est; B. A. U s p e n s k i j (Moscou). Sur un système archaïque de prononciation de slave ecclésiastique (prononciation liturgique des vieux-croyants); A. Z a j o n c z k o w s k i (Varsovie). L'étude des monuments médiévaux des langues écrites turciques; G. A. Z o l o t o v a (Moscou). La structure de proposition simple en russe; V. A. N i k o n o v (Moscou). Noms propres en Russie moderne; Linguistique appliquée et mathématique: Y. I. L e v i n (Moscou). Caractéristique quantitative de distribution des symboles dans le texte; Critique et bibliographie; Vie scientifique.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

*О. С. Азмапова, В. В. Виноградов (главный редактор),
В. М. Жирмунский (зам. главного редактора), П. С. Кузнецов, Э. А. Макаев,
М. В. Панов, В. З. Панфилов, И. И. Регвин, Ю. В. Рождественский,
В. А. Серебrenников, Н. И. Толстой (отв. секретарь редакции), О. Н. Трубачев*

Адрес редакции: Москва, К-31. Кузнецкий мост, 9/10. Тел. Б 8-75-55

Технический редактор *К. И. Ивантцова*

Сдано в набор 8/IX-1967 г. Т-16274 Подписано в печати 7/XII-1967 г. Тираж 6135 экз.
Зак. 3407 Формат бумаги 70×108/16 Усл.-печ л. 14,0 Бум. л. 5 Уч.-изд. л. 16,6

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10